

С 53/52

С 24/3

Г. СВЕТЛОВ

奈良

КОЛЫБЕЛЬ
ЯПОНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИСТОРИЯ
РЕЛИГИИ
КУЛЬТУРА

赤良

63.3 (5Я)
С 243

Г. СВЕТЛОВ

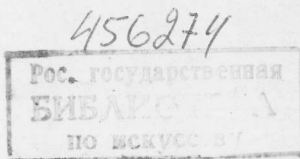
КОЛЫБЕЛЬ
ЯПОНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1994

ББК 71 +86.39
С24

Художник
Н. В. Мельгунова

2007

С 4402000000-039 без объявл.
025(01)-94
ISBN 5-210-00473-2

© Автор Г. Светлов (Комаровский),
1994 г.
© Художник Н. Мельгунова, 1994 г.
© Издательство «Искусство», 1994 г.

НАРА

ИСТОРИЯ
РЕЛИГИЯ
КУЛЬТУРА

СОДЕРЖАНИЕ

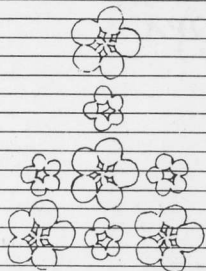
От автора	7
Введение	8
Мива	17
Асука	47
Хэйдзё кё	89
Нара-мати	125
Оминэ	178
Минами Ямато	197
Нара Окуяма	224
Тэнри	238
Заключение	262

ОТ АВТОРА

Эта книга была завершена летом 1992 года. В то время автор не рассчитывал вновь попасть в Нара. Однако судьба распорядилась иначе, и он смог еще не раз посетить места, о которых пишет. Новые поездки — новые впечатления и более глубокие знания. Часто возникал соблазн кое-что добавить, а кое-что переписать наново. Но в конечном итоге дело ограничилось лишь исправлением замеченных неточностей: возобладало стремление донести до читателя неизменным чувство, которое владело автором, когда он приступил к написанию этих очерков.

Большинство иллюстраций книги (1—68) — это работы выдающегося мастера художественной фотографии ИРИЭ Тайкити (1905—1992). То был влюбленный в Нара человек, стремившийся донести до людей неповторимое очарование родного края, красоту его природы, многочисленных буддийских храмов и синтоистских святилищ, произведений ваятелей прошлого, а главное — дыхание ушедших веков. Творческое наследие ИРИЭ Тайкити огромно — оно охватывает не менее 80 000 фотографий, многие из которых широко известны в Японии благодаря неоднократно издававшимся альбомам замечательного мастера. Все свои работы ИРИЭ Тайкити незадолго до смерти подарил городу Нара. Они-то и составили основу коллекции Нарского городского музея фотографии, открытого весной 1993 года. Автор приносит искреннюю благодарность мэру города Нара господину ОКАВА Ясунори, директору Музея фотографии господину ИОКА Сигэнобу за предоставленную россиянам возможность приобщиться хотя бы к малой частичке творчества их соотечественника, увидеть Нара его глазами. Слайды к главе «Тэнри» предоставлены религиозной организацией Тэнрикё.

Особую признательность автор выражает Японскому фонду межкультурного взаимодействия, без поддержки которого настоящее издание не могло бы состояться.

ВВЕДЕНИЕ

О, вот она — чудесная страна,
Заветный край мой — Акицусима,
Как крылья стрекозы, простерты острова,
Страна Ямато — вот она!

«Манъёсю», п. 2

3а годы работы в Японии мне довелось немало поездить по стране. Из 47 префектур (областей) не был лишь на Окинаве. Природа Японии очень красива, и в каждой префектуре есть свое неповторимое своеобразие. Много раз посчастливилось мне бывать в Никко, славящемся своими горными пейзажами и необыкновенной красоты храмовыми комплексами. Как утверждает японская пословица, не повидав Никко, человек не вправе произнести слово *кэкко* (великолепно). Я встречал рассветы на высочайшей вершине страны — Фудзи и на мысе Мурото, далеко выдающемся в просторы Тихого океана. Любовался «тремя знаменитыми видами Японии»: поросшей соснами длинной узкой косой *Ама-но Хасидатэ*, словно уходящей в небо, откуда и ее название — Небесный мост; священным островом *Ицукусима* близ Хиросима; неопикуемой прелести островками *Мацусима* (Сосновые острова) у северо-восточного побережья главного острова Хонсю. Наслаждался цветением камелии на острове Осима и яблоневых садов в префектуре Аомори. Вдыхал воздух Нагасаки, наполненный неистребимой романтикой Чио Чио Сан. Восторгался видом бухты Кагосима с постоянно курящейся над его вершиной вулкана Сакурадзима, видом, из-за которого этот самый южный из крупных японских городов называют Неаполем Востока.

Можно было бы назвать много иных мест, соперничающих друг с другом в красотах природных и рукотворных. Но всякий раз, когда кто-либо из японцев спрашивал, какая из префектур приглянулась мне больше других и куда бы хотелось приехать вновь и вновь, я, ни минуты не колеблясь, отвечал: «Нара!» Почему Нара? Я бы не сказал, что это самое красивое место в Японии. Отсутствие моря лишает префектуру красот, создаваемых причудливо изрезанной береговой линией. Нет здесь и высоких гор. Сколь бы интересны ни были древние храмы Нара, но по числу их и разнообразию храмовой архитектуры Нара явно уступает соседнему Киото. И уж, конечно, никакого сравнения со знаменитыми ландшафтными садами Киото не выдерживает единственный сад такого рода в Нара — Иссуэйэн.

Нет, прелесть Нара, или Ямато, как вплоть до 70-х годов прошлого века называли этот край, не в поражающих воображение пейзажах. Прелесть его — в древней истории, духом которой здесь проникнуто буквально все: каждый камень, каждый холм, каждая роща... Это чувство не понятно тому, кто вообще не знает японской истории. Но если вы хотя бы поверхностно знакомы с ней, если пусть в самых общих чертах знаете японские мифы, если вам посчастливилось читать самую раннюю поэтическую антологию Японии «Манъёсю» (Собрание мириад листьев), если у вас есть хотя бы элементарные представления о японской культуре, убежден, что, попав в Нара, вы непременно испытаете подобное чувство. И куда бы ни ступала нога, на что бы ни был обращен взор, вы будете постоянно ощущать соприкосновение с прошлым, с людьми ушедших эпох, с их деяниями, воплощенными в камне, в дереве и даже в самом окружающем вас ландшафте.

Думая о Нара, я часто вспоминаю вечер 6 сентября 1991 года. На завтра предстояло покинуть город, а еще через каких-нибудь три недели в связи с завершением очередной командировки — и саму Японию. Мне захотелось попрощаться с городом. На обзорной площадке горы Такамадо, что возвышается к востоку от Нара, я оказался, когда день уже клонился к закату. С площадки открывалась широкая панорама города и равнины Ямато. Солнце заходило за гору Икома, отделяющую Нара от соседней префектуры Осака. Красный шар его сначала неспешно выплыл из облака, задержавшегося над горой, а затем очень быстро стал скрываться за ее темной массой, бросая последние лучи на равнину. И чем темнее становилось, тем больше огоньков зажигалось на казавшейся отсюда очень просторной равнине, и вскоре кроме их мерцания уже ничего нельзя было различить внизу. В эти мгновения я особенно остро ощутил, как дорог мне этот край, сколько добрых вос-

поминаний связано с ним, сколько познано здесь того, что обогатило мои знания о Японии, позволило лучше понять ее людей, ее культуру, ее историю, а заодно глубже задуматься о нашей с вами истории, читатель.

Впервые я посетил Нара в апреле 1960 года. Честно говоря, воспоминание об этом кратковременном, занявшем от силы часа два визите осталось довольно смутным. Помнится только поразившая меня громадина *Дайбуцудэн* (Зал Большого Будды) и сам этот гигант, не вызвавший тогда иных чувств, кроме ощущения себя мелким существом, ползающим у его массивного пьедестала. С того времени ездил я в Нара неоднократно по самым различным поводам, но главным образом читать лекции в университете Тэнри в городе того же названия, расположенном в каких-нибудь 20—25 минутах езды на автомашине от южной окраины Нара.

В те годы — а речь идет о второй половине 60-х — кафедру русского языка в университете возглавлял профессор Отани Фукаси, личность сама по себе замечательная. Он принадлежит к той, к сожалению, уже исчезающей в силу объективных причин породе японцев, которые, соприкоснувшись с нашими людьми, казалось бы, в самых неблагоприятных обстоятельствах — в плену или в занятой нашими войсками Маньчжурии, на всю жизнь сохранили добрые чувства к России и ее народу, оставаясь нашими верными друзьями, несмотря на все перипетии отечественной истории и истории наших отношений с Японией. Ко всему этому профессор Отани был влюблен в русскую литературу, русский язык, стремился всячески повысить уровень его преподавания в университете. Долгое время он вынашивал мысль о том, чтобы на регулярной основе организовать приглашения советских преподавателей в университет для языковых занятий. С этой идеей он обращался ко мне, курировавшему в тот период в посольстве СССР в Японии вопросы культурных связей. Долгая и нудная переписка с московскими ведомствами дала свои результаты: было положено начало приглашению советских преподавателей в университет, сначала по одному, а затем и по двое в год.

В ознаменование достигнутого успеха Отани организовал мое выступление в университете с лекцией на тему «Религия в Советском Союзе». Было это в ноябре 1968 года. Лекция как будто понравилась и студентам, и присутствовавшим на ней преподавателям, текст ее был опубликован в местной газете. Видимо, это обстоятельство побудило Отани предложить мне ежегодно читать для студентов третьего — четвертого курсов отделения русского языка так называемый «концентрированный лекционный курс» о различных аспектах политики и экономики СССР. Такая практика,

кстати сказать, широко распространена в японских университетах: обычно в конце завершающегося или в начале нового семестра (как правило, это имеет место в июле, сентябре или декабре) приглашают профессора или преподавателя из какого-нибудь другого университета и в течение трех-четырех дней он читает курс лекций по своей специальности. Ежедневно на лекции отводится четыре академических часа (три астрономических) с десятиминутным перерывом. Для меня поначалу это было большим испытанием, ибо выступать столь длительное время на неродном языке, согласитесь, труд не из легких, но с течением времени я привык.

Лекции обычно читались в первой половине дня — с 9 до 12 час. 10 мин., а все остальное время было свободным. Вот эти послеполуденные часы, а также воскресенье (лекции всегда планировались таким образом, чтобы последний блок приходился на субботу), я гулял по Нара и его окрестностям. С чувством глубокой признательности я вспоминаю профессора Отани, преподавателей кафедры Окабаяси и Обата, которые неизменно относились с самым глубоким вниманием ко всем моим просьбам и пожеланиям. Вместе с ними я не только объехал все сколько-нибудь достопримечательные места в префектуре Нара, но и побывал за ее пределами — на священной горе Коя, на берегах крупнейшего в Японии озера Бива, на острове Авадзи и даже на дюнах Тоттори — на берегу Японского моря. Окабаяси и особенно Обата были неизменными моими спутниками в горных восхождениях. Обитель горных отшельников Оминэ, самое «сырое» в Японии плато Одайгахара, занимает первое место в стране по количеству осадков; ущелье Осугидани с его грандиозными, поднимающимися вертикально вверх утесами и многочисленными водопадами; хребет Судзука, главная вершина которого — Годзайсё — представляет собой фантастическое нагромождение скал; хребет Дайко, где большую часть пути приходилось продираться сквозь заросли высокого — в человеческий рост — медвежьего бамбука, — вот, возможно, неполный перечень наших походов.

Мало какой из них обходился без приключений. В ущелье Осугидани мы подверглись нападению пиявок местной разновидности: обычно маленькие незрелые червячки, не достигавшие и двух сантиметров в длину, эти твари, насосавшись крови, увеличивались во много раз. В растерянности мы забыли, что от них следует избавляться, прижигая папиросой или зажженной спичкой, стали просто отрывать их руками и тотчас же залились кровью, ибо зловредные существа выделяли что-то, препятствующее ее свертыванию. До сих пор в ушах моих звучит испуганный голос Обата, который на мою попытку подбодрить его, заявив, что, мол, пиявки

освобождают от лишней крови, отреагировал жалобным восклицанием: «У меня нет лишней крови!» На спуске с хребта Судзука почти два часа нам пришлось продираться сквозь какие-то колючки, а поскольку мы были в шортах, то, несмотря на все предосторожности, ноги наши оказались иссечены так, что не осталось живого места. «Дорога через тернии» — назвал этот спуск бедняга Обата, явно не готовый к таким испытаниям.

По хребту Дайко мы шли после сильного дождя и потому вышли из зарослей бамбука в таком виде, словно все эти часы провели в воде. Но маленькие неприятности такого рода окупались массой впечатлений, приносимых из этих походов.

Во время своих лекционных поездок я часто останавливался в отеле «Нара». Сооруженный еще в 1909 году на холме Асука, что на юго-восточной окраине города, отель сохранил свой первоначальный облик до наших дней. Это вытянутый в одну линию комплекс соединенных между собой деревянных двухэтажных строений с черепичными крышами, с украшениями на коньках, подобными тем, которые можно увидеть на крышах буддийских храмов. Когда начали строить гостиницу, местные власти поставили условием, чтобы здание не нарушало общий облик местности, одной из красивейших в Нара: строительство велось на территории, принадлежавшей некогда храму Дайдзёин, с поднявшегося над прудом Арайкэ* холма открывался вид на Зал Большого Будды, пятиярусную пагоду Кофукудзи, лесистые холмы на востоке и море одноэтажных жилых построек. Строители же задумали фешенебельный дом для приема высокопоставленных гостей со всеми возможными в то время удобствами. В результате компромисса появилось здание в европейском стиле с широкими оконными проемами, однако с крышей в традиционном японском стиле. Ту же двойственность символизирует и одна из деталей интерьера: в вестибюле камин германского дизайнера как бы вставлен в модель *то-ри* — арки синтоистского храма. Детали японские и западные эклектически соседствуют в интерьере большого обеденного зала, читальни, комнат отдыха, других помещений. Их украшают картины выдающихся мастеров *нихонга* — живописи в японском стиле, приобретенные преимущественно в 20-х годах. Ёкояма Тайкан, Каваи Гёкудо, Такэути Сэйхо, Маэда Сэйсон, Уэмура Сёэн, Фукуда Хэйхатири и ряд других — имена, составляющие гордость

* Мне так и не удалось узнать, почему пруд получил название *арай* (бурный), но трудно представить себе менее подходящее имя для этого всегда спокойного небольшого водоема, разделенного на две части дамбой, по которой пролегла одна из наиболее оживленных городских артерий.

японской живописи XX века. Эта одна из лучших частных коллекций такого рода.

Стены отеля «Нара» видели императоров Хирохито и Акихито, многих членов императорской фамилии, глав иностранных государств, выдающихся политических деятелей и военачальников. В 1911 году в гостинице останавливался генерал Ноги Марэсукэ, герой русско-японской войны в связи с проводившимися в районе города военными учениями.

В императорской Японии Марэсукэ служил образцом преданности своему суверену: год спустя он покончил с собой, уйдя из жизни вслед за обожаемым им императором Муцухито. По существующей традиции он собственноручно посадил сосну перед окнами гостиницы. Сосна сохранилась, несколько лет тому назад около нее установили табличку с его именем.

Сегодня отель «Нара» далеко не самая фешенебельная гостиница в городе. Немало выстроенных в последние 15—20 лет гостиниц могут похвастаться куда более современным оборудованием, создающим несравненно большие удобства для посетителей. Но меня всегда тянуло именно сюда, и вовсе не из тщеславного стремления приобщиться к числу титулованных особ и других именитых постояльцев, а совсем по другой причине. Больше всего привлекало то, что все здесь оставалось таким, каким было пять, десять, двадцать лет тому назад. Много изменилось кругом. Я уже не могу найти домов в непосредственной близости от гостиницы, запечатленных моим фотоаппаратом в начале 60-х годов. Появились какие-то новые постройки. А отель «Нара» все тот же. По-прежнему его двухэтажные корпуса с черепичными крышами отражаются в спокойной глади пруда, отделяющего холм, на котором выстроена гостиница, от оживленной дороги с постоянно снующими по ней автомобилями и автобусами. Те же сосны покрывают склоны холма и узкую площадку перед задним фасадом гостиницы. Те же олени устраиваются на ночлег среди сосен. Ничего не меняется ни в вестибюле, ни в холлах, ни в коридорах. Вот эта атмосфера неизменности, постоянства охватывала меня всякий раз, когда я переступал порог гостиницы. И потому в номере, где мебель старомодна, а в ванной неплотно закрываются двери, я как бы возвращался на много лет назад, и уже от одного этого становилось покойно и комфортно. Видимо, человек нуждается в том, чтобы хотя бы в воображении своем приостановить непрерывный бег времени и ненадолго забыться.

Мысль моя снова возвращается к запомнившемуся дню — 6 сентября 1991 года. Мы собрались в гостеприимном доме Окабаяси. Мы — это профессор Отани, Окабаяси, уже несколько лет

сменивший профессора на должности заведующего кафедры, с женой и сыном, Обата и еще один преподаватель — Хино, молодой человек, приятно поразивший меня с первой же встречи в сентябре 1988 года своими знаниями по истории культуры Японии. Дом семейства Окабаяси мало чем отличается от обычных жилых домов людей среднего достатка: небольшое двухэтажное строение со спальнями наверху, гостиной и кухней внизу. Но эта весьма обычная по японским стандартам жилая постройка расположена в далеко не обычном месте. Дом огибает дорога, по которой проходят немало туристов, приехавших в эти края, чтобы ознакомиться с историческими достопримечательностями. Недалеко широкий, заполненный водой ров вокруг кургана с захоронением императора Судзин, о котором у нас еще будет случай поговорить. Чуть подальше, на вершине покрытого соснами невысокого холма, — захоронение, как утверждают, VI века. Достаточно пройти от него минут 10—15 по узкой проселочной дороге, жмушейся к невысоким холмам, и попадешь в район, где обнаружено несколько сот пещерных жилищ древних японцев. Возможно, как никогда ранее, ощутил я здесь дыхание истории, остро осознал, что земля, по которой ступаю, — это колыбель японской цивилизации, японской государственности.

Так родился замысел этой книги. Она не претендует на то, чтобы дать исчерпывающее изложение истории Нара или всеохватывающий обзор ее грандиозного культурного достояния. Да это вряд ли возможно: только памятников архитектуры, скульптуры, живописи, прикладного искусства, причисляемых к категории «важных культурных ценностей», здесь такое количество, что даже беглое описание их составило бы не один увесистый том. Задача моя куда скромнее: рассказать об этом крае, исходя в первую очередь из личных наблюдений и впечатлений, поделиться размышлениями об истории и культуре Японии, о рождении японского государства, культурной и религиозной традиции, о духовной жизни японского народа в далеком и не очень далеком прошлом.

Думаю, это нужно не только для того, чтобы лучше понять и познать наших соседей, жить бок о бок с которыми определено нам судьбой. Это нужно и для того, чтобы попытаться взглянуть на себя самих, возможно, под несколько необычным углом, задуматься, что общего у нас с нашими соседями, а что разделяет, и найти хотя бы частично ответы на мучающие нас вопросы о собственной истории, культуре, о дальнейшей судьбе нашего Отечества.

Как уже было сказано, в основу книги положены личные воспоминания о стране Ямато. Неоднократные поездки, посещение

археологических и художественных выставок полнили багаж моих впечатлений. Работая над книгой, я использовал исследования о религии Японии, считая важным донести до читателя представления, составляющие основу духовной жизни японцев. Ибо, как отмечал еще в начале века Левкадио Хёрн (1850—1904), американский литератор, нашедший здесь свою родину, «история Японии это, по существу, история ее религии». В том, что это положение справедливо, по крайней мере для ранних этапов японской истории, мне приходилось не раз убеждаться.

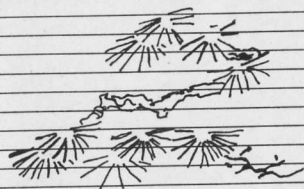
Разумеется, личными впечатлениями и наблюдениями далеко не ограничивается круг материалов, которые были привлечены для написания книги. Я испытываю чувство большой благодарности к швейцарскому ученому Герберту Плутчоу, чей труд «Историческая Нара» послужил для меня полезным ориентиром, особенно в выборе вопросов, заслуживающих того, чтобы сконцентрировать на них внимание. В рассказе о периоде становления японской государственности, помимо древних хроник, использованы материалы археологических раскопок, обобщенные в работе японского историка Такэмицу Макото «Рождение Японии». Работая над этой, а также над последующими темами, охватывающими периоды, когда столица государства находилась в Асука и Нара, я не раз обращался к книге Цубои Киётари «Недавние археологические открытия в Японии». Много интересного о роли буддийских монахов в японо-китайских контактах в эпоху Нара было почерпнуто мною из книги «Черепичные крыши Тэмпё» писателя Иноуэ Ясуси, известного и нашему читателю, в частности, по историческому роману «Сны о России». Для понимания природы и характера горного отшельничества много дало изучение работ религиоведов Касахара Кадзуо, Вакамори Таро, Байрона Эрхарта. Рассказывая о Религии божественной мудрости и ее основательнице Накаяма Мики, я использовал как публикации самой организации, так и японские и зарубежные исследования об этом религиозном феномене.

Для понимания архитектурных памятников и скульптуры Нара, наряду с работами японских искусствоведов, много дали книги Хюго Мюнстерберга «Искусство Японии». Будучи впервые опубликована в 1957 году, эта книга и сегодня остается, на мой взгляд, лучшим пособием для всех, интересующихся историей японского искусства. Помимо этого, широко использовались путевые заметки японских писателей, художников, искусствоведов, посещавших Нара, буклеты многих храмов, путеводители по краю Ямато и другая подобного рода литература.

Пока продолжалась работа над книгой, на моем письменном столе постоянно находился трехтомник «Манъёсю» в замечатель-

ном переводе Анны Евгеньевны Глускиной. Не боясь впасть в преувеличение, скажу: ни одно исследование, на сколь бы высоком уровне оно ни было выполнено, ни одна самая богатая экспозиция не дали столько для того, чтобы проникнуться духом описываемой эпохи, сколько получил я от стихов из «Собрания мириад листьев». Они донесли до меня аромат далеких времен, позволили проникнуться мыслями и чувствами живших тогда людей. И чем больше вчитывался я в эти простые и в то же время исполненные неизъяснимой красоты строки, тем больше чувство благодарности испытывал к Анне Евгеньевне, подарившей всем владеющим русским языком возможность наслаждаться поэзией древней Японии. Равно как и к целому ряду отечественных историков, литераторов, искусствоведов, без трудов которых работа над этой книгой, несомненно, оказалась бы куда сложнее.

МИВА

*Там, среди гор священных Миморо,
Богов святые криптомерии повсюду...*

«Манъёсю», п. 156

*Оттого ль, что грех рукой коснуться
Криптомерии, что чтят
Жрецы из Мива,
Где богам вино подносят люди, —
Мне с тобою встретиться так трудно?*

«Манъёсю», п. 712

456274

На западе главного острова Японского архипелага Хонсю среди невысоких холмов лежит равнина Ямато. Собственно говоря, этот пятачок ровной поверхности с трудом соответствует нашим представлениям о широко раскинувшейся равнине: протяженность его с севера на юг составляет не более 30 км, а с востока на запад не достигает и 15 км. Но такова вся Япония с ее небольшой территорией, сильно изрезанным рельефом, где относительно ровные места не превышают в совокупности 20% всей площади. И то, что для европейца или американца всего лишь небольшой холм высотой в несколько сот метров, для японца уже гора, равно как и кусочек ровного пространства, с любой точки которого просматриваются такие «горы», уже равнина.

Издrevле на равнине Ямато селились люди. Здешные земли оказались особенно пригодными для поливного рисосеяния, которое проникло в Японию с материка за несколько сот лет до начала нашей эры. Окружающие равнину холмы представляют естественную преграду для нападений извне, обеспечивая тем самым относительную безопасность складывавшихся здесь земледельческих общин, но они были не настолько высоки, чтобы препятствовать

активным связям местных жителей с окружающим миром, контакты с которым осуществлялись по руслам многочисленных рек и ручьев и удобным перевальным тропам. Это обстоятельство вкупе с близостью к морю — отсюда до берега Осацкого залива не более 30—40 км — сыграло немалую роль в том, что именно на равнине Ямато зародилось японское государство.

Когда и как это произошло? Судя по самым ранним дошедшим до нас японским письменным памятникам — летописно-мифологическим сводам «Кодзики» и «Нихон сёки», составленным в самом начале VII века, — основателем государства был прямой потомок *Аматэрасу омиками* (Великой богини, сияющей на небе) император Дзимму (Божественный воин). Он утвердился на равнине Ямато, которую объявил «центром Вселенной», после семилетнего завоевательного похода в 660 году до н. э.

До второй мировой войны эта легенда служила официальной версией создания японского государства, точкой отсчета истории Японии. Но с действительностью она имеет мало общего. У нас еще будет возможность рассказать о том, при каких обстоятельствах сложилась эта легенда, равно как и многие другие легенды и предания, включенные в древние хроники. Бесспорно лишь то, что японская государственность, действительно, зародилась на равнине Ямато, что основателями ее (подобно легендарному Дзимму, начавшему свой поход на далеком острове Кюсю) были пришельцы с запада. Но произошло все это значительно позже — не ранее рубежа III—IV веков н. э.

В силу того что центр политической власти долгое время находился в этом районе, название Ямато часто применялось ко всей Японии. До начала 70-х годов прошлого века так называлась провинция, переименованная затем в префектуру Нара. А на заре японской истории, когда не было еще ни государства, ни провинций, Ямато называли небольшой — площадью каких-нибудь несколько десятков квадратных километров — клочок земли в юго-восточном углу равнины у горы Мива.

Сегодняшняя равнина Ямато — одна из самых густонаселенных местностей Японии. Свыше десятка городов, поселков и деревень уместилось на этой небольшой территории, пересеченной множеством автомобильных дорог. По той из них, что ведет из Нара на юг, ближе к восточному краю равнины, мне довелось ездить неоднократно на протяжении двух с лишком десятков лет. Дорога была все та же, но окружающий пейзаж менялся с каждым годом. Все меньше становилась площадь рисовых полей, на отдель-

ных участках подходивших к самому шоссе, все больше — жилых домов, придорожных кафе и ресторанов, супермаркетов и небольших лавок. Поля все больше оттеснялись от шоссе, уступая в ряде случаев место виниловым домикам-теплицам. На небольшом взгорье у въезда в Тэнри как-то незаметно выросли корпуса научно-исследовательского института одной из крупнейших компаний — производителя бытовой электротехники «Шарп». С каждым годом все длиннее становились пробки на дороге и все больше времени приходилось затрачивать на рутинную поездку из Нара в Тэнри.

Одно лишь оставалось неизменным из года в год: цепочка невысоких холмов на востоке, словно бегущих на некотором расстоянии от шоссе, сопровождая несущиеся (а чаще — ползущие!) по ней машины на всем протяжении пути. Помню их слегка размытые очертания в жарком мареве летнего утра и четкие контуры по вечерам под последними лучами заходящего солнца. Холмистая гряда называется Касаги санти, а у подножия ее вьется «самая древняя», как утверждается в туристских путеводителях, дорога Японии — *Яма-но бэ мити*, что значит «дорога, идущая на краю гор». Сейчас это лишь небольшой отрезок почти 1400-километрового туристского пешеходного маршрута, протянувшегося от западных предместий Токио до Киото и Осаки. А в отдаленные времена, с которых мы начинаем наш рассказ, Яма-но бэ мити была важнейшей транспортной артерией, соединявшей север и юг равнины Ямато, владения нескольких влиятельных кланов, объединение которых составило ядро древнего японского государства. Не случайно поэтому Яма-но бэ мити неоднократно упоминается в древнейшем письменном памятнике Японии — «Кодзики».

В наши дни по северному отрезку Яма-но бэ мити от Нара до Тэнри ходят лишь немногие энтузиасты. В силу обстоятельств, о которых будет рассказано ниже, эта часть дороги оказалась заброшенной еще в V веке, и поэтому туристскую тропу здесь пришлось прокладывать почти заново. Южная часть ее сохранилась куда лучше, и надписи на многочисленных щитах, установленных там и сям вдоль всего пути, повествуют о событиях, случившихся в этих местах в глубокой древности. Этот отрезок дороги я прошел как-то тихим холодным декабрьским днем. Широкая аллея в пределах синтоистского святилища *Исо-но ками*, что на восточной окраине Тэнри, сузилась в тропу, которая, извиваясь, поползла среди рисовых полей, поднялась на пригорок и резко спустилась в открывшийся с него поселок, застроенный низкими деревянными домишками, влилась в его тесную безлюдную улочку. Потом были опять поля, еще поселки, миниатюрные пруды, холмистые перелески. Слева

остался буддийский храм Тёгакудзи, некогда один из наиболее процветавших в этой местности, а ныне — такой же тихий и пустынный, как и все, мимо чего я шел в этот день. Еще немного — и показался окруженный широким рвом курган — *кофун*, захоронение императора Судзин. Чуть подальше еще один курган — захоронение его сына Кэйко. Потом пошли мандариновые плантации, разбитые, как утверждают, на месте прежних захоронений. Вскоре дорога вышла к *тории* — П-образной формы арке-воротам синтоистского святилища *Омива дзиндзя* у подножия горы Мива. Правильный контур ее покрытых лесом пологих склонов отражался в зеркале ближнего пруда. И хотя Мива невысока (всего 467 м над уровнем моря), она выглядела солидно и величественно, возвышаясь над подступившей к ее подножию равниной.

Издревле Мива была предметом любования и восхищения. Воспевающие гору стихи — одни из самых ранних в японской поэзии. Но люди любили Мива не только за красивые очертания ее склонов и не только за то, что появление горы перед взором уставшего путника на очередном изгибе дороги означало конец трудного и далеко не всегда безопасного путешествия. Мива была, да и по сей день остается в глазах многих, священной горой (в стихах, помещенных в антологию «Мантёсю», ее нередко называют *Миморо*, что значит «священная роща»), а *Омива дзиндзя* у ее подножия считается одним из самых древних святилищ национальной религии японцев — *синто* («путь богов»). Правда, нынешнее здание святилища куда более позднего происхождения: оно было сооружено в 60-х годах XVII века и мало чем отличается от несущих на себе печать влияния буддийской храмовой архитектуры синтоистских культовых построек того времени. Но есть в нем одна особенность, выделяющая *Омива дзиндзя* среди большинства синтоистских святилищ. Дело в том, что они, как правило, состоят из двух соединенных между собой помещений: *хайдэн* — зала для молящихся и *хондэн*, или *синдэн*, служащего вместилищем предмета (зеркала, меча, небольшой формы камня и т. п.), символизирующего божество. В *Омива дзиндзя* этого последнего нет. Божество, которому здесь поклоняются, символизирует сама гора. Отсюда и специфическая форма *тории*, установленных непосредственно позади молельного зала: к П-образной арке с обеих сторон примыкают такие же арки раза в полтора ниже. *Тории* и отходящая от них невысокая ограда обозначают границу, за которой начинаются «священные пределы». Культ Мива служит живым напоминанием о временах, когда люди обожествляли буквально все в окружающем мире: животных, растения, скалы, ручьи, реки и, конечно, горы. На более позднем этапе стали обожествлять различные

Захоронение
императора
Судзин

Молельный
зал
святилища
Омива

понятия: ум, физическую силу и т. п. *Ками* — божества или духи — присутствовали повсюду. Одухотворялось даже слово: дух его назывался *котодама*...

Обожествлялись умершие. Верили, что их духи обретаются на вершинах недоступных гор, в небесных высях или же где-то в невообразимых даях «по ту сторону моря». Верили, что духи усопших могут насыпать на живых всяческие беды, поэтому их надо задобрить, и тогда они станут заступниками людей. С течением времени складывался культ *удзигами* — божества-покровителя рода, или клана, кровнородственной, а затем и соседской общины. По мере развития рисовосеяния культ божества-покровителя, в основе которого лежало поклонение легендарному основателю общины, ее первопредку, принимал черты рисоводческой обрядности. Одновременно происходило смешение представлений о богах-покровителях с природными божествами. Так в глазах людей *удзигами* превращался в божество-покровителя данной местности, благополучие населения которой зависело от его расположения.

Ками древности, будучи духами, не нуждались в постоянных жилищах. Первые святилища — *дзиндзя* — появились, очевидно, не ранее V—VI веков как в связи с усложнением самого культа, так и под влиянием пришедшего в страну буддизма. Но с *ками* надо было общаться, чтобы испросить их покровительство. Для этого выбирались специальные места, куда *ками* могли на время «снизойти». То могла быть вершина горы или же отдельно стоящее дерево, а то и необычной формы скала или камень. Такие места обозначали веточкой вечнозеленого дерева сакаки, огораживали *симэнава* — свитой из соломы веревкой.

Обряд общения с *ками* состоял из его встречи, пиршества «вместе с ним» и проводов. Пиршество было самой важной частью обряда: считалось, что, вкушая «вместе с божеством» принесенные ему в дар яства, люди приобщаются к *ками*, обретают его покровительство. Встреча с *ками* происходила глубокой ночью, что придавало обряду таинственный, мистический характер. После проводов божества использовавшиеся в ходе обряда ритуальные предметы либо сжигали, либо закапывали в землю. И только соломенная веревка *симэнава* напоминала людям о том, что перед ними место, куда «нисходят боги».

Мива была священной горой, где с незапамятных времен встречали *ками*. Она считалась особо чистым местом, свободным от какой бы то ни было скверны. И люди, приходившие сюда, должны были быть чистыми душой и телом. Прежде чем вступить в священные пределы Мива, они совершали омовение в протекавшей неподалеку одноименной реке. Только очистившись таким

образом, могли они пройти мимо обитавшего в роще камелий на пути к Мива божества Кунадо, в обязанности которого входило не допускать злые силы к священной горе.

Издавна повелось, что к божеству горы Мива обращаются из молельного зала Омива дзиндзя: до недавнего времени на священные склоны не позволялось восходить не только простым смертным, но и священникам — *каннуси*. Ныне запрет снят, но подъем на гору разрешен лишь из пределов соседнего святилища Саи, да и то при соблюдении специально установленных правил. Однако так было не всегда. Научные обследования обнаружили в трех местах на склоне горы, как раз на линии, соединяющей молельный зал с вершиной, нагромождения больших камней. Судя по остаткам ритуальных предметов вокруг, это — *ивакура* («каменные сидения»), соорудившиеся древними для встречи божества.

Кому же поклонялись на горе Мива? Еще относительно недавно — каких-нибудь 100—120 лет тому назад — в названии маленького святилища на вершине горы фигурировали слова *химуки*, что значит «обращенное к солнцу». Это обстоятельство, как и сама конфигурация вершины (она представляет собой довольно обширную ровную площадку) дают основания полагать, что то было место отправления солярного культа, широко распространенного в древней Японии. Дух солнца назывался *Аматэру митама* — Дух, сияющий в небе. Пусть читатель запомнит это имя, оно сыграет немалую роль в последующих событиях японской истории. Впоследствии культ Аматэру смешался с культом далекого предка тех, кто поселились у подножия Мива и занялись там возделыванием рисовых полей. Так возник *кунитама* — дух-покровитель края. Воображение веривших в него людей наделяло кунитама свойствами, которые делали это божество могущественным распорядителем самого их существования. От кунитама зависело, будет ли светить солнце, или польет дождь, вовремя ли взойдут посевы, будет ли богатый урожай, или его погубит засуха, а то и разрушительный тайфун. А для того, чтобы не было засух, тайфунов, землетрясений, страшных эпидемий, уносящих множество жизней, кунитама следовало должным образом почитать.

Отголоски этих верований нашли отражение и в «Нихон сёки». В главе, повествующей о событиях в период правления царя Судзин, рассказывается о том, как на равнину Ямато обрушились страшные стихийные бедствия. Это побудило царя созвать богов и попросить их раскрыть причину бедствия. И тогда одно из божеств устами оракула, в роли которого выступала «принцесса царской крови» Ямато-то-то-хи-момосо химэ (деталь, которую тоже стоит запомнить!), ответило, что если царь должным образом будет

почитать его, то стихийные бедствия прекратятся. На вопрос об имени божества царь получил такой ответ: «Я — ками, который обретается в пределах земли Ямато, а имя мое — *Омоно нуси-но ками* (Божество — хозяин вещей)». Услышав это, царь устроил пышный обряд в честь Омоно нуси у подножия горы Мива, сопровождавшийся песнями и обильными возлияниями рисовой браги — *сакэ*, после чего мир и благоденствие вернулись на землю Ямато.

Эта легенда дает представление еще об одной важной стороне верований древних японцев. Выше уже говорилось о том, что они верили в духа слова — *котодама*. Поэтому самому факту произнесения слов придавалось магическое значение. Это тем более относилось к имени божества, поскольку считалось, что могущество его обретается именно в имени. Раскрытие божеством своего имени и указание на место, где оно обитает, воспринималось как уступка им и своей мощи, и подконтрольной ему территории, а также как его обещание отныне быть покровителем и заступником проживающих на этой территории людей, разумеется, при условии, что они будут должным образом почитать его.

Древние считали, что дух-покровитель края, обычно невидимый, как и все прочие духи, время от времени может появляться в облике змеи. На это мы тоже находим указание в «Нихон сёки» в записи о правлении царя Судзин. Принцесса Ямато-то-то-хи-момосо химэ, бывшая оракулом бога Омоно нуси, стала его супругой. Но бог приходил к ней только по ночам, а принцессе, любопытной как и все женщины, очень хотелось увидеть его при дневном свете. Вняв настойчивым просьбам супруги, Омоно нуси посоветовал ей утром заглянуть в свою шкатулку для гробней, предупредив, чтобы она не пугалась того, что увидит. Едва дождавшись рассвета и открыв заветную шкатулку, принцесса не смогла удержать возглас испуга при виде маленькой змеи. Омоно нуси обиделся и навсегда ушел от принцессы на гору Мива. Принцесса страшно опечалилась и, не в силах перенести разлуку с супругом, обезумев от горя, проткнула матку палочками для еды и умерла. Могилой ее считают большой курган близ горы Мива, который называют *Хасихака* (могила палочек для еды).

Сам факт появления кунитама в виде змеи говорит о многоликости этого божества, сочетавшего различные элементы культа предков и земледельческого культа, ибо змея в представлениях древних, как правило, ассоциировалась с водой. Изображения змеи или змееобразные узоры есть на многих *дотаку* — бронзовых колоколах, находимых в больших количествах не только в Ямато, но и на более обширной территории, охватывающей большую часть западных районов Хонсю и восток острова Сикоку. Изготов-

Курган
«Хасихака»

ление дотаку относят к I—III векам н. э. На них имеются также схематичные изображения свайных построек (по всей видимости, зернохранилищ), сцен охоты и рыбной ловли, животных, болотных птиц, черепах, ящериц. Считают, что дотаку были ритуальными предметами, использовавшимися в обрядах, посвященных духам-покровителям земледельцев. По мнению некоторых японских исследователей, религиозные верования, связанные с дотаку, были общими для земледельческих общин, возникших в районах Хонсю и на востоке Сикоку.

Однако в пластах конца III — начала IV века дотаку уже нет. На месте древних капищ появляются совсем другие аксессуары культа: бронзовые зеркала, мечи и наконечники копий, подобные тем, которые в северной части острова Кюсю находят в пластах, относящихся к куда более раннему периоду. Сопоставление этих находок, времени их происхождения наводит на мысль о том, что равнина Ямато была завоевана пришельцами с острова Кюсю. Они отвергли исповедовавшийся местными жителями культ дотаку, о чем свидетельствуют находки многочисленных осколков колоколов, разбитых явно намеренно, принесли сюда свою обрядность. Может быть, именно отголоски этих событий и послужили основанием для легенды о «восточном походе» императора Дзимму? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует, видимо, познакомить читателя с тем, что происходило в описываемый период на Кюсю.

Достаточно бросить беглый взгляд на карту, чтобы убедиться в близости Кюсю, особенно северной части острова, к азиатскому материку. Менее 200 километров отделяют этот район Японии от Корейского полуострова. Не так уж велико и расстояние по морю до берегов Восточного Китая. На протяжении тысячелетий север Кюсю служил как бы мостом между материком и остальной Японией. Именно через земли, омываемые водами Восточно-Китайского моря и Корейского пролива, еще в доисторические времена происходило заселение Японского архипелага из материковой Азии. Именно сюда за несколько веков до начала нашей эры стало проникать поливное рисосеяние, надолго определившее основные черты хозяйственной жизни населения Японии и развившуюся на этой базе культуру. Именно через север Кюсю и в последующие периоды японской истории шли потоки мигрантов из Кореи и Китая, внесших весомый вклад в формирование практически всех сторон жизни древнего японского общества.

Следует оговориться, что эти миграции не были непрерывными, они носили спорадический характер, их интенсивность во многом зависела от ситуации на материке. В периоды обострения

борьбы между различными государственными образованиями в Китае и Корее они усиливались, в более стабильное время ослабевали, уступая место кратковременным поездкам материковых жителей на берега Кюсю с целью проведения простейших торговых операций. Но и эти поездки не были столь частыми. Все это способствовало тому, что влияние несравненно более развитой материковой культуры на японцев никогда не становилось подавляющим. У местного населения всегда было достаточно времени, чтобы усвоить ее элементы, «переварить» на свой собственный лад, сделать составной частью своего культурного достояния. С другой стороны, такая модель соприкосновения японцев с чужеземной культурой уже на ранних этапах истории выработала в них поражающее многих иностранцев свойство: заимствуя чужое, не терять в то же время собственного лица, сохранять свою оригинальность и непохожесть на других.

В I веке до н. э. Северный Кюсю пережил особенно интенсивный приток переселенцев из районов Восточного Китая к югу от Янцзы. Занимавшие эти земли царства У и Юэ распались, не выдержав натиска возникшего на севере государства, где правили императоры из династии Хань. Многие жители этих царств бежали за их пределы. Они были способными мореходами, и неудивительно, что часть из них выбрала морской путь, ведущий на Кюсю. Переселенцы принесли не только более высокую технику земледелия, более совершенные сельскохозяйственные орудия, изделия из железа и бронзы, но и свои религиозные верования. Речь идет в первую очередь о культе бронзовых зеркал и мечей: зеркало символизировало душу человека, а ритуальный меч наделялся магическим свойством самим присутствием своим обеспечивать безопасность его владельца. Этот культ оказал заметное воздействие на формирование собственно японской религиозной традиции. Бронзовые зеркала, мечи, наконечники копий находят во многих захоронениях той эпохи и последующих веков. В более позднее время зеркало и меч, наряду с яшмовыми подвесками, стали «тремя священными регалиями» царской власти.

Примерно в то же время опять-таки под давлением Ханьской империи, подчинившей север Корейского полуострова, активизировался приток переселенцев из Кореи, откуда на Кюсю стало проникать все больше железных и бронзовых изделий. Все это дало мощный импульс развитию сельского хозяйства, появлению ремесел. Жизнь людей становилась зажиточней, росло народонаселение. Пригодных для обработки земель стало не хватать, что привело к перемещению части населения Северного Кюсю на главный остров Японского архипелага — Хонсю. Выходцы с севера Кюсю

медленно продвигались вдоль морского побережья, постепенно заселяя районы, прилегающие к *Сэтонайкай* (Внутреннему Японскому морю), все ближе подбираясь к равнине Ямато. Этот процесс занял длительное время, он шел то быстрее, то медленнее, сопровождался столкновениями пришельцев с местными жителями. Особенно заметный всплеск его пришелся на рубеж I века до н. э. и I века н. э.: в относящихся к этому времени захоронениях на побережье Сэтонайкай и в районах, обращенных к Японскому морю, находят уже немало бронзовых мечей, наконечников копий и характерных для Северного Кюсю образцов керамики.

Уже в I—II веках н. э. на севере Кюсю в результате объединения отдельных земледельческих общин начали складываться племенные союзы. Китайцы, посещавшие побережье острова, называли их «царствами». Как и своих соседей на материке, они считали эти «царства» своими вассалами. Правда, об отношениях подлинного вассалитета говорить трудно: дело ограничивалось выплатой местными «царями», то есть племенными вождями, дани китайскому императору, какой могли быть ткани, жемчуг, а подчас и рабы. Со своей стороны император одаривал «царей» символическими знаками своего суверенитета над их «царствами», что использовалось племенными вождями для повышения их престижа. Материальное свидетельство такого рода отношений сохранилось благодаря случайной находке, сделанной свыше 200 лет тому назад на островке Сиканосима у входа в Хакатский залив, на берегах которого сегодня раскинулись кварталы города Фукуока, экономического и культурного центра Кюсю. В 1784 году местный крестьянин рыл канаву вокруг только что распаханного им поля. Внимание его привлек какой-то блестящий предмет, который оказался золотой печаткой. Из надписи, вырезанной на печатке, явствовало, что она была пожалована китайским императором из династии Хань «царю людей ва в стране На». «Людьми ва» китайцы называли японцев. Название «На», очевидно, носил племенной союз, владения которого распространялись на побережье Хакатского залива. Произошло это, судя по китайской хронике, в 57 году н. э. Теперь на месте этой находки разбит маленький парк, в котором установлен монумент с изображением печатки, увеличенной во много раз. Сама же печатка, объявленная национальным сокровищем Японии, экспонируется в Фукуокском музее искусств.

Помимо На, судя по китайским и корейским источникам, существовали и другие «царства» — Мина, Ито, Яматай (Ёматай). О правительнице последнего — *Химико* — имеется довольно подробная запись в «Вэйчжи» — историко-географической хронике династии Вэй, содержащей сведения о «людях ва», относящиеся к III

веку. По утверждению «Вэйчжи», Химики, правившая «царством» Яматай в течение нескольких десятков лет с конца II до середины III века, «занималась колдовством и обманывала народ». Речь, очевидно, идет о личности шаманского типа, выполнявшей функции верховного жреца. После смерти Химики во главе Яматай стала ее дочь Тайё. И Химики, и Тайё поддерживали контакты с Китаем, направляя ко двору ханьского императора посольства с данью. Взамен они получали золотые печатки, подобно найденной на о. Сиканосима, как знак официального признания ханьским двором их власти. *Яматай*, по всей видимости, представлял из себя крупный племенной союз, который можно рассматривать как самый ранний этап образования государства. Руководящая роль в Яматай принадлежала жрице, хотя не исключено, что Химики делила власть с мужчиной-правителем, как это имело место в древности на островах Рюкю, где мужчина-правитель выполнял военные и экономические функции, а его сестра — шаманские. На эту мысль наводят и уже цитировавшиеся записи в «Нихон сёки» о «принцессе»-жрице Ямато-то-то-хи момосо химэ, устами которой вещало божество.

Вопрос о точном местонахождении Яматай до сих пор остается открытым. Дискуссии на эту тему идут уже не один десяток лет. «Загадке Яматай» посвящено громадное количество научных и популярных работ. Я не припомню года за все время своего пребывания в Японии, когда бы на полках книжных магазинов не появлялся очередной опус, автор которого пытался разгадать эту загадку. Одни помещают Яматай на равнине Тикуго в центре северной части Кюсю, другие — на юго-восточном побережье острова, обращенном к Тихому океану. Имеется версия, согласно которой Яматай был вовсе не на Кюсю, а на равнине Ямато.

Археологические раскопки 70—80-х годов несколько поколебали эту последнюю версию, хотя точного ответа о местонахождении Яматай так и не дали. Здесь следует сказать доброе слово о трудах японских археологов, позволивших в послевоенные годы заполнить немало белых пятен в истории страны. Успехи археологии стали возможны благодаря ряду причин. Изменение политической атмосферы в результате послевоенных демократических реформ позволило снять табу на изыскания, связанные с такой деликатной темой, как происхождение императорской фамилии. Существенно увеличились ассигнования на археологические исследования со стороны правительства и частных корпораций. Значительно улучшилась землеройная техника, появилось новое оборудование, что по некоторым данным позволяет ежегодно обнаруживать в ходе археологических раскопок в среднем до 20 тысяч новых находок.

Важно, однако, еще и то, что достижения археологии становятся достоянием широких кругов общественности. Выставки, на которых экспонируются археологические находки, проводятся регулярно, пользуясь неизменной популярностью: посетителей на них бывает не меньше, а в ряде случаев куда больше, чем на выставках произведений изобразительного искусства. Японцы любят свою историю, их очень интересует вопрос о происхождении японской нации, который до сих пор не получил своего окончательного разрешения. Сказывается и присущее им уважительное отношение к старине, ко всему, что идет из глубины веков и тысячелетий.

Дело не ограничивается лишь выставками. В ряде случаев после завершения основной программы археологических раскопок там, где они проводились, создаются своеобразные парки. На их территории возводятся реконструированные в ходе проведенных исследований строения, воссоздаются поля, рвы, колодцы, целые поселения. Открытые для всеобщего обозрения, эти парки как бы переносят человека в давно ушедшую эпоху, давая возможность живо представить ее облик. Они разбросаны в различных районах страны. Почти в самом центре большого города Сидзуока на Тихоокеанском побережье воссоздано поселение, относящееся к началу нашей эры, с круглыми полуземлянками *татаэна*, служившими жилищами его обитателей, поднятыми на сваях зернохранилищами, миниатюрными рисовыми полями. Этот парк разбит на месте раскопок в Торо, производившихся в первые послевоенные годы. В окрестностях г. Фукуи, что ближе к Японскому морю, в долине Итидзёдани восстановлен целый городок, служивший в XV—XVI веках резиденцией местных феодальных владетелей. Воссозданы некоторые постройки на территории дворцового комплекса VIII века в Нара. Но, пожалуй, самое сильное впечатление производит посещение реконструированной части древнего городища в *Ёсиногари* — местности на Северном Кюсю в нескольких десятках километров к югу от Хакатского залива. О нем стоит рассказать подробнее, ибо находки в Ёсиногари имеют прямое отношение к нашему рассказу.

Хроника «Вэйчжи» дает довольно детальное описание укрепленного городища, населенного «людьми *ва*». Многочисленные археологические исследования в течение длительного времени не обнаруживали ничего, что соответствовало бы этому описанию. И только раскопки в Ёсиногари, начавшиеся в 1986 году, подтвердили правильность сведений, содержащихся в «Вэйчжи». На невысоком холме площадью свыше 30 гектаров помимо большого числа могил, самые древние из которых, как полагают, относятся к I

веку н. э., было обнаружено укрепленное поселение, обнесённое двойным рвом, земляным валом с деревянным частоколом. Вдоль частокола на некотором расстоянии друг от друга возвышались 12-метровые наблюдательные вышки — свидетельства того, что обитатели городища должны были находиться в постоянной готовности отразить нападения извне. Сами они жили в крытых соломой полуземлянках *татэана*, которых на территории городища обнаружено не менее 350. Многочисленные предметы, найденные в могильнике и на территории самого городища, говорят не только о связях его жителей с материком, но и о том, что уже в первые века нашей эры японцы владели техникой, пусть примитивной, изготовления изделий из бронзы.

Городище в Ёсиногари было обнаружено случайно в ходе земляных работ с целью строительства здесь крупного промышленного комплекса. Но как только стало ясно, что местность представляет интерес для археологов, планы строительства были отменены. В феврале 1989 года часть территории раскопок открыли для посещения. Здесь реконструирован ряд строений, восстановлена часть рвов, валов с частоколом, наблюдательные вышки, построено временное здание музея, где экспонируются находки. Число посетителей этого комплекса, находящегося в ведении правительства, которое объявило его «государственным историческим объектом», исчисляется уже миллионами...

Итак, раскопки в Ёсиногари, подтвердив сведения, содержащиеся в «Вэйчжи», усилили позиции тех, кто полагает, что речь в хронике идет о племенных объединениях, находившихся, скорее всего, на Северном Кюсю, а не в каком-то другом месте. Яматай был одним из них. Судя по месту, которое в хронике уделено правительнице этого «царства» Химико, Яматай был одним из наиболее мощных, если не самым мощным, среди таких племенных союзов на территории Кюсю III века. Так, может быть, правы те, кто рассматривает легенду о «восточном походе» Дзимму как мифологизированную интерпретацию действительных событий, а именно: завоевательного похода воинства Яматай? Ведь сама гипотеза об основании государства на равнине Ямато пришельцами из юго-западных районов Японии практически не оспаривается.

Среди тех, кто верит в реальность легенды о «восточном походе», бытует мнение, что правитель Яматай, получивший впоследствии имя Дзимму, выступил в поход где-то в 280 году. Примерно в 290 году его воинство достигло подножья горы Мива, где руководитель похода объявил себя царем. После смерти он был захоронен в самом большом кургане в этой местности — *Хасихака*. Читатель, вероятно, помнит, что «Нихон сёки» называет курган Хасихака

могилой принцессы Ямато-то-то-хи момосо химэ, покончившей с собой из-за несчастной любви, мягко говоря, не совсем обычным способом. Однако, как считают сторонники версии о реальности «восточного похода», сведения в «Нихон сёки» не соответствуют действительности: трудно предположить, чтобы такое большое захоронение было могилой «обыкновенной принцессы», не имевшей каких-либо прав наследования царской власти. Хасихака не только самый большой курган в данном районе, но и самый древний: его сооружение относят к 300—310 годам.

Однако немало японских ученых оспаривает эту версию. Они ссылаются на данные археологических раскопок, проведенных в 70—80-х годах в непосредственной близости от горы Мива в районе Макимуку. Здесь обнаружены следы большого городища, возникшего уже в середине III века. Судя по форме самых древних курганов — *кофунов* — в Макимуку, ряду других находок, это городище было основано пришельцами из Кибі — области, расположенной к северу от Внутреннего Японского моря. Исследователей привлекла одна любопытная деталь: в Макимуку не обнаружено следов полуземлянок — *татэана*, служивших жилищами простых общинников. Все строения в Макимуку — это свайные постройки, которые, как известно из раскопок в других местах, использовались не только как зернохранилища, но и как жилища нарождавшейся в процессе классового расслоения земледельческой общины знати. Отсюда был сделан вывод, что городище в Макимуку представляло собой административный центр, откуда осуществлялся контроль над окрестными сельскими поселениями. Найденные здесь следы инженерных сооружений — каналов, водоочистных систем — свидетельствуют о высоком для того времени уровне техники. Городище в Макимуку было и крупным торговым центром — по разветвленной сети водных путей сюда доставлялись товары из разных мест страны, в том числе и весьма отдаленных, включая западную оконечность Хонсю и земли, прилегающие к нынешнему Токийскому заливу. Об этом свидетельствуют найденные здесь образчики глиняной посуды. Обосновавшиеся в Макимуку пришельцы из Кибі отвергли отправлявшийся местным населением культ, связанный с колоколами — *дотаку*. Но по существу верования пришельцев не выходили за рамки земледельческой обрядности, которая к тому времени стала преобладать на большей части страны.

Изучение следов найденных здесь капищ говорит о том, что обитатели Макимуку отправляли, в частности, обряд «вкусения вместе с божеством плодов нового урожая», который в последующие века стал главным элементом обрядности царского двора.

Изучая раскопки в Макимуку, ряд ученых приходит к выводу, что во второй половине III века, то есть в то же самое время, когда на Северном Кюсю существовали описанные выше «царства», на равнине Ямато возник независимо от них племенной союз со своей оригинальной, во многом отличной от Северного Кюсю культурой. Дело в том, что в Макимуку не обнаружено следов континентального влияния, в то время как в раскопках на Северном Кюсю, относящихся к этому периоду, найдено много предметов китайского и корейского происхождения. Появление такого рода изделий в Макимуку относится к уже более поздним временам. Как полагают исследователи, правители сложившегося в Макимуку раннегосударственного образования, получившего впоследствии название «царства Ямато», на рубеже III—IV веков стали подчинять владения других кланов на равнине Ямато, а затем распространили власть на более отдаленные края, включая и Северный Кюсю.

Судя по этой версии, не равнина Ямато была завоевана в ходе «восточного похода» правителя Яматай, а, наоборот, Яматай был присоединен к «царству» Ямато. В пользу этого говорит и высказываемое рядом ученых предположение о том, что сама легенда о Дзимму и его походе смоделирована с событий, ничего общего не имеющих с передвижениями в равнину Ямато пришельцев с Запада, а связанных с воцарением правителя, именуемого в «Нихон сёки» императором Кэйтай, в первой половине VI века, то есть свыше двух столетий спустя после описываемого периода. Мы не претендуем на роль арбитра в продолжающемся споре между японскими учеными. Несмотря на категоричность утверждений представителей противоположных взглядов, в каждом из них есть немало уязвимых моментов, оставляющих место для сомнений. Само наличие разных подходов в данном случае свидетельствует лишь о сложности проблемы возникновения японской государственности, о том, что в истории этого вопроса еще немало белых пятен...

Вне зависимости от того, имел ли место на рубеже III—IV веков «восточный поход» Дзимму, очевидно, что приблизительно с этого времени начался процесс складывания японского государства под властью «царей», чьи владения на первых порах ограничивались очень небольшой территорией близ горы Мива. Речь, видимо, может идти о раннегосударственном образовании, правитель которого именовался *кими*, а по мере того, как его влияние стало распространяться на соседние такие же образования, его стали именовать *оками*, то есть «большой кими», что обычно переводится как «царь». Какой же характер носила власть *оками*, на чем зиждился их престиж?

Письменные источники и данные археологических раскопок дают однозначный ответ на этот вопрос: речь идет о религиозном престиже. Вспомним правительницу Яматай Химику, вспомним «принцессу» Ямато-то-то-хи момосо химэ, устами которой вещал бог горы Мива — Омоно нуси. То были личности шаманского типа, влияние которых основывалось на их способностях передавать волю богов. Но помните печальный конец Ямато-то-то-хи момосо химэ? Ее супруг, бог Омоно нуси, оскорбленный тем, что «принцесса» не сумела скрыть испуга при его появлении в облике змеи, навсегда покинул ее. В этой легенде ученые усматривают намек на весьма важное изменение во властных структурах «царства» Ямато, а именно: переход всей полноты власти от личностей шаманского типа, которыми чаще всего были женщины, к правителю-мужчине — *оками*. А в описываемую эпоху это возможно было лишь при условии, что сам правитель берет на себя жреческие функции, сам начинает отправлять культ божества-покровителя своего «царства». Но дело не ограничилось только этим. Именно в описываемое время, то есть где-то на рубеже III—IV веков, сложилось представление о том, что тело *оками* является обителью духа божества горы Мива. Позднее вселившийся в *оками* дух стали называть *сумэра микото-но митама* (дух верховного правителя, передающего слова небесного божества). Но это произошло только в VII веке под влиянием китайской традиции, откуда был заимствован термин *тэнно* (кит. *тянь хуан*) — «небесный правитель», который по-японски передавался словами *сумэра микото*. А в описываемые времена говорили просто *митама* (божественный дух).

Став обителью «божественного духа», *оками* сделался равным другим божествам. Обращая свои взоры к горе Мива, подданные *оками* называли *митама* наряду с именами других божеств. Чтобы подчеркнуть равенство *оками* другим богам, использовался и обряд *куними* (смотрения на страну). Плоская вершина горы Мива была идеальным местом для отправления этого обряда. Считалось, что, озирая подвластный им край с вершины горы, *оками* не только демонстрируют свое равенство с богами, но и наделяются способностями, позволяющими им более эффективно управлять своим царством.

Так сложилось одно из специфических явлений японской государственности — культ «божественного» императора, игравший важную политическую роль на различных этапах истории Японии. Вместив в свое тело «божественный дух», *оками* узурпировал право на *кунитама* — божество-покровителя страны. Ведь раньше он считался божественным предком и покровителем всех жителей

царства, теперь же оказался монополизированным одним человеком — окими, сделавшим кунитама своим прародителем. Укоренению такого представления способствовали сложившиеся, очевидно, в этот период обряды, сопровождавшие воцарение оками. В древний обряд «вкушения вместе с божеством плодов нового урожая» вносились новые элементы, превратившие его главный обряд, отправлявшийся при воцарении. В частности, оками, удалившиеся в специально выстроенное помещение, некоторое время проводил там, возлежа на циновке, накрытый одеялом. Считалось, что тогда-то и вселяется в него «божественный дух». Этот обряд под названием *дайдзесай* сохранился до наших дней. Без него император не может считаться императором. Отправлялся он и в 1990 году в связи со вступлением на престол императора Акихито.

У читателя, хотя бы поверхностно знакомого с историей Японии, может возникнуть вопрос: японские императоры считают своей прародительницей солнечную богиню Аматаэрасу, а правитель крохотного царства Ямато отправлял культ кунитама — духа-покровителя «страны» у подножья горы Мива — нет ли здесь противоречия? Оказывается, нет. Вспомним: кунитама — многолик. Он включает в себя различные аспекты культа предков и земледельческого культа, обладая способностями дарить людям воду и солнце, обеспечивать богатый урожай, оберегать от эпидемий и стихийных бедствий. Одна из ипостасей кунитама *Аматаэру митама* (божество солнца). Этому одному из самых популярных среди древних японцев духу с незапамятных времен поклонялись на горе Мива. Стоит ли удивляться, что именно эта ипостась кунитама со временем превратилась в клановое божество царского рода, получившее впоследствии имя Аматаэрасу? Но произошло это значительно позже, когда в силу того, что резиденция царей Ямато переместилась в другие районы, возникла естественная необходимость «оторвать» культ «божественного духа» царя от культа горы Мива, сделать его универсальным — ведь солнце светит всем!

Вот как рассказывает об этом «Нихон сёки». Первоначально царь Судзин поклонялся Аматаэрасу и кунитама в собственной резиденции. Но «совместное проживание» с богами послужило причиной обрушившихся на страну бедствий. Поняв это, Судзин решил исправить положение вещей. В частности, он повелел отправлять культ Аматаэрасу в местности, именуемой в хронике «деревня Касануи», что в двух километрах к северу от Омива дзиндзя, доверив эту миссию одной из своих дочерей. Затем Аматаэрасу еще не раз меняла местопребывание, пока не остановила выбор на провинции Исэ. «Это уединенная и приятная страна. Здесь я желаю поселиться», — изрекла Аматаэрасу, разумеется, устами своего оракула.

Так, согласно хронике, возникло главное святилище солнечной богини — Исэ дзингу. Следует лишь добавить, что перемещение культа Аматаэрасу диктовалось и политическими соображениями: Исэ занимал ключевое положение на пути в восточные земли, поэтому цари Ямато стремились подчинить своей власти...

Сегодня деревню Касануи не найти даже на самой крупномасштабной карте. О ней напоминает лишь надпись на столбе, установленном в пределах Хибара дзиндзя, новенькие постройки которого прячутся в густой роще криптомерий. Это одно из самых приятных мест на Яма-но бэ мити. Святилище было основано в XVIII веке священником из Исэ, который считал необходимым, чтобы Аматаэрасу поклонялись и там, где она оставила свои «божественные следы». Пришедшие в ветхость строения восстановили в 1965 году, воздвигнув перед ними такие же тройные тории, как те, что скрываются за молельным залом Омива дзиндзя. Двадцать один год спустя слева от тройных торий появилась еще одна постройка — миниатюрное, чуть выше человеческого роста святилище духа царской дочери Тосеукири-химэ — первой жрицы солнечной богини. Всем постройкам придан нарочито древний вид, даже тории, обозначающие вход в «священные пределы», выдержаны в стиле самых ранних сооружений такого рода: два деревянных столба с подвешенной к ним веревкой симэнава, свитой из толстых жгутов рисовой соломы. А сами «священные пределы» — это покрытая галькой светлая площадка, всегда аккуратно разровненная граблями. Резко контрастируя с зеленью криптомерий и ярко-красной оградой, окружающей основную постройку, она создает атмосферу подчеркнутой чистоты и гармонии, сопоставимую разве лишь с той, какая охватывает человека, попавшего в главную обитель Аматаэрасу — Исэ дзингу. Немало туристов, включая детей, проходят ежедневно по тропе, подковой огибающей площадку. Но никто не поддается соблазну спрямить путь, зайдя на площадку сбоку и нарушив тем самым проведенные граблями линии. Даже те, кто торопится, обойдут площадку, а решившие посетить святилище войдут в его пределы лишь через тории. Эта маленькая деталь — свидетельство столь присущего японцам уважения даже не столько к древним богам, сколько к порядку, освященному традициями и обычаями.

Продолжим, однако, наш рассказ и попытаемся разобраться в том, что происходило на равнине Ямато в период, когда резиденция царей все еще оставалась в Макимуку. По данным археологических раскопок, этот период длился до конца IV века. В пользу такого предположения говорит, в частности, то обстоятельство, что на равнине Ямато сосредоточено подавляющее большинство относя-

Святынище
Хибара
на месте
«божественных
следов»
солнечной
богини
Аматэрасу

щихся к IV веку курганов — кофун, считающихся захоронениями царей Ямато...

Что такое *кофун*? Это квадратно (спереди)-круглый (сзади) курган, обнесенный рвом, наполненным водой. В плане он напоминает замочную скважину. Обнаружить это можно, если смотреть на кофун с птичьего полета. Тогда видно, что это сооружение правильной формы, для строительства которого требовался высокий для той эпохи уровень технических знаний. Когда же находишься с кофун, в поле зрения попадает лишь часть покрытого густыми зарослями кургана и часть довольно широкого — иногда до 20 метров — рва. Многие кофуны находятся в ведении Управления императорского двора, поэтому археологические изыскания на их территории сопряжены с трудностями.

В Макимуку небольшие (до 100 метров длиной) кофуны начали появляться уже с середины III века. Чьи это захоронения, до сих пор не выяснено. Споры идут вокруг кофуна Хасихака — самого крупного (278 метров) в Макимуку. Как уже говорилось, не все исследователи принимают на веру запись в «Нихон сёки» об этом кофуне. Размеры Хасихака наводят на мысль, что под этим курганом захоронен один из первых, если не самый первый, правитель царства Ямато. Спор идет и о том, кто был этим правителем. Некоторые называют царя, известного в «Кодзики» и «Нихон сёки» под именем Дзимму. Но, как мы уже успели убедиться, Дзимму — скорее герой легенды, нежели историческая личность. Исследователи обращают внимание на то, что в «Нихон сёки» фигурирует еще один «император», которого хроника, наряду с Дзимму, называет первым. Это уже неоднократно упоминавшийся Судзин. Впрочем, Судзин, как и Дзимму, посмертное имя, оно означает «Почитающий богов». Прижизненное имя Судзина, согласно хронике, Мимаки ирихико, в котором концовка «хико» означает «любимец солнца» или «дитя солнца». По данным исследований, многие родовые вожди в IV веке носили имена с такой концовкой. Это позволяет сделать вывод о том, что Судзин жил в IV веке. Кофун, под которым, как утверждает хроника, захоронен Судзин, находится в нескольких километрах к северу от Макимуку.

Запись о Судзине практически полностью состоит из легенд, в которых большинство действующих лиц — божества. Но ученые обращают внимание на еще одну немаловажную деталь: о восьми «императорах», помещенных в хронике между Дзимму и Судзин, практически нет никакой информации. Дело ограничивается лишь указанием их годов правления, из чего следует, что некоторые из них правили не менее 100 лет, и самых общих сведений. Отсюда делается предположение, что имена этих императоров были вклю-

чены в хронику, чтобы заполнить пустоты между Дзимму, якобы основавшим японское государство, и «подлинным первым императором» Судзин, который считался таковым по крайней мере до середины VI века. Полностью отвергать такое предположение нельзя. Легенда о Дзимму явно более позднего происхождения: она сложилась не ранее VI века, когда резиденция царей находилась на крайнем юге равнины Ямато в местности Асука. Об этом свидетельствует прижизненное имя Дзимму — Иварэхико, а Иварэ — одно из географических названий в Асука. Легенда о Дзимму, события которой отнесены в глубину веков, понадобилась тогдашним правителям Ямато для более солидного обоснования своего права на власть: ведь в те времена значимость каждого рода была тем выше, чем древнее было его происхождение.

Если легенда о Дзимму — продукт относительно поздней корректировки истории, то нельзя исключить возможность того, что Судзин был тем оками, кто предпринял первые шаги для объединения под властью своего клана не только равнины Ямато, но и других районов Японии. При этом царский клан действовал в союзе с рядом кланов на равнине Ямато, на побережье Внутреннего Японского моря и даже на Северном Кюсю, не сразу подчинив их полностью своей власти. По некоторым данным, нескольким поколениям оками потребовалось не менее ста лет, чтобы объединить под своим контролем всю равнину Ямато.

В упоминавшемся в начале нашего рассказа святилище Исо-но-ками, что в Тэнри, хранится меч, который, по преданию, был передан первопредком клана Мононобэ императору Дзимму, чтобы помочь ему подчинить племена на равнине Ямато. Но в святилище его поместил не Дзимму, а все тот же Судзин, который, как читатель уже мог убедиться, «дублировал» многие действия своего предшественника, что лишний раз заставляет усомниться в самом существовании Дзимму. Так или иначе, в этом предании звучат отголоски событий IV века, когда оками в союзе с некоторыми другими кланами, в числе которых были и Мононобэ, утверждали свое господство на равнине Ямато.

Наряду с этим предпринимались военные экспедиции и в более отдаленные места. Некоторые исследователи считают, что уже около 320 года царям Ямато удалось утвердиться на Северном Кюсю. В обоснование этого предположения они приводят то обстоятельство, что в относящихся к указанному периоду захоронениях союзного оками клана Касуга, владения которого охватывали северную часть равнины Ямато, обнаружены меч и бронзовое зеркало, взятые, как полагают, в качестве трофеев во время похода на Северный Кюсю. Так или иначе, но именно с этого вре-

мени культура мечей и зеркал активно распространяется на равнине Ямато, и эти предметы, бывшие символами власти правителей «царств» Северного Кюсю, становятся регалиями власти оками.

На протяжении всего IV века оками выступал в первую очередь как верховный жрец. Об этом красноречиво говорят предметы, найденные в царских захоронениях. Среди них — бронзовые зеркала, железные мечи, яшмовые подвески, каменные браслеты, другие изделия из камня. Ни один из этих предметов не имел практического назначения. Все они связаны с обрядами и магическими действиями, выполнявшимися самим оками.

Городище в Макимуку просуществовало до конца IV века, когда резиденция царей Ямато была перенесена на запад, в район, примыкающий к Осацкому заливу. Именно здесь находят относящиеся к V веку кофуны, в том числе и самые крупные из них. Кофуны, считающиеся захоронениями царей Одзин и Нинтоку, достигают в длину соответственно 428 и 486 метров. Громадные размеры этих курганов говорят о значительном возрастании мощи и влияния царского клана. То был период интенсивных контактов царства Ямато с материком, военных экспедиций на Корейский полуостров. Одновременно происходили крупномасштабные переселения выходцев из Кореи на Японские острова. Все эти обстоятельства и побудили царей Ямато строить свои резиденции ближе к морю, к удобным бухтам, откуда легче было добраться и до Кюсю, и до Кореи. Места резиденций менялись часто. Поводами для их смены служили не только кончина царя, но и эпидемии, стихийные бедствия, убийства, политические беспорядки. Смерть, болезнь, разрушения рассматривались как проявления скверны, а на оскверненном месте правителю проживать было негосте. Так и «кочевала» ставка царя с места на место, что не давало возможности построить постоянную столицу.

Оками по-прежнему оставался верховным жрецом, «воплощением божества». Эту свою функцию он сохранял на протяжении многих веков японской истории. Но в V веке заметно усилились его prerogативы как политического и военного руководителя. Об этом говорит характер находок в кофунах: мечи (не ритуальные, а настоящие), кольчуги, лошадиная сбруя, золотые и серебряные украшения. Со временем появляется все больше предметов роскоши китайского и корейского происхождения. Приток материковой культуры становится мощнее. Она все настойчивее проникает в быт верхушки тогдашнего японского общества — царского дома, правителей союзных ему кланов, нарождающейся аристократии.

С переносом царской резиденции равнина Ямато на какое-то время оказалась на периферии развернувшейся исторической дра-

мы. Окими, оказавшийся вдали от горы Мивы, перестал лично отправлять культ местного божества, поручив это занятие главе одного из союзных кланов. Какое-то время он еще вспоминал местного кунитама, поручая делать от его имени подношения божеству. На Мива все еще поклонялись одной из ипостасей кунитама — духу солнца Аматэру митама, но с течением времени происходило все большее разделение этих двух культов, причем отправление последнего во все большей мере становилось прерогативой царского дома. А на каком-то этапе — исследователи полагают, что это произошло где-то в середине VI века — культ духа солнца окончательно отделился от культа божества горы Мива, стал отправляться в другом месте, причем заботы о нем были поручены царской дочери.

Очевидно, с этого времени и оформилось представление о том, что вселившийся некогда в окими «божественный дух» — это дух божества солнца, получивший имя Аматэрасу.

Так кунитама, обретавшийся на горе Мива, утратил свою солнечную ипостась, а вместе с ней и благоволение царей. Когда в VII веке в интересах обоснования сакрального характера царской власти и верховенства рода окими над всеми другими именитыми родами была проведена систематизация многочисленных богов, населяющих Японские острова, кунитама горы Мива оказался во втором эшелоне божественной иерархии, будучи причислен к разряду «земных» божеств в отличие от «небесных» во главе с «божественной прародительницей» царя — Аматэрасу. Культ кунитама, лишенный царской поддержки, стал приходить в упадок. Окими забыли о святилище у подножия горы Мива и больше не облагодетельствовали его своими пожертвованиями. Поистине неблагоприятна память монаршая!

Память народа оказалась куда благодарней. Люди не забыли предания о том, что поклонение кунитама — богу Омонунуси в правление царя Судзин спасло край от опустошительного мора. Не забыли они и песни, исполнявшейся во время обряда в честь Омонунуси человеком, который по поручению Судзин изготовил священное *сакэ* — рисовую брагу, подносимую божеству:

Это священное сакэ
 Не мое священное сакэ:
 Это то самое священное сакэ,
 Которое было приготовлено Омонунуси,
 Покровителем Ямато.
 Как давно это было!
 Как давно это было!

Каменные
 будды
 на тракте
 Яма-но бэ

Не забыт и сам автор песни — легендарный Икухи. Духу его поклоняются в маленьком святилище, расположенном в нескольких десятках метрах от входа в пределы Омива дзиндзя.

И по сей день для местных жителей и для многих людей со всех концов Японии, приходящих к святилищу у подножия горы Мива, Омононуси сохраняет свои функции божества-целителя, покровителя фармацевтов, а наипаче всего — изготовителей сакэ. И в этой своей ипостаси оно остается близким и понятным людям.

Такую вот трансформацию претерпел кунитама с горы Мива по воле тех, чье воображение создало его, лишней раз подтвердив истину, что судьбы богов зависят от людей, а не наоборот.

Прошли века. Нет больше городища Макимуку. Совсем другая жизнь идет окрест. В узкую тропу на отдельных участках превратилась дорога Яма-но бэ мити, с которой связано столько драматических событий эпохи становления царства Ямато. Не тот уже бог Омононуси... Но осталась священная гора, лесистые склоны которой хранят еще столько неразгаданных тайн. Остались странные легенды и предания, доносящие до нас аромат далекой эпохи. Остались прекрасные стихи:

Сладкое вино святое,
Что богам подносят люди...
Горы Мива!
Не сводя очей с вершины,
Буду я идти, любуясь,
До тех пор, пока дороги,
Громоздя извилин груды,
Видеть вас еще позволяют,
До тех пор, пока не скроют
От очей вас, горы Нара,
В дивной зелени деревьев.
О, как часто,
О, как часто
Я оглядываться буду,
Чтобы вами любоваться!
И ужель в минуты эти,
Не имея вовсе сердца,
Облака вас спрятать могут
От очей моих навеки?

«Мангёсю», п. 17

асука

...Вновь и вновь хочу сюда
Без конца я приходить,
Чтоб на Асука взглянуть,
На столицу прошлых лет!
Там и горы высоки,
Там и реки хороши,
И в весенний яркий день
Все б смотрел на склоны гор!

Ямабэ Акахито
«Мангёсю», п. 324

Издавна в Японии сложилась традиция любования восходом солнца, уходящая своими корнями в те далекие времена, когда культ *Аматэру митама* — Священного духа, сияющего в небе, был самым популярным на островах архипелага. Чтобы насладиться зрелищем багрового шара, медленно выплывающего из глубин бескрайней равнины Тихого океана, люди встают пораньше, выходят на берег моря или поднимаются на вершины холмов и гор. Широко распространен обычай *хацухи-нодэ* — встречи восхода солнца в первый день наступившего года. Чтобы лучше увидеть нарождающееся светило, многие готовы терпеть известные неудобства, проводя холодную зимнюю ночь в продуваемых ветром туристских приютах или в неотапливаемых кельях горных монастырей.

В Нара солнце поднимается из-за гряды холмов, окаймляющих город с востока. Холмы подходят к самому Нарскому парку, служа его естественным продолжением. Городские строения вдали уже купаются в солнечных лучах, отражающихся в оконных стеклах, а парк, его лужайки, пруды и рощи все еще остаются в тени холмов. А потом уже набравший силу солнечный шар словно выпрыгивает из-за лесистых вершин, мгновенно стирает все тени, сразу превращая утро в сияющий ярким светом день.

Наблюдая эту картину из окна своего номера в отеле «Нара», я нередко ловил себя на мысли о том, что, как и для всех народов

мира, для японцев солнце восходит на востоке, но было время, когда заря света духовной культуры и бесценных знаний занималась для Японии в прямо противоположной стороне. В Нара это чувствуешь особенно остро. Любуясь точным контуром пятиярусной пагоды Кофукудзи, отражающейся в пруду Сарусава, громадной *Дайбуцудэн* — Зала Большого Будды, знакомясь с экспонатами Нарского музея из сокровищницы Сёсоин, постоянно ощущаешь дыхание мощного потока материковой цивилизации, оплодотворившего японскую культуру. Да, так уж сложилось, что в течение многих веков все, что способствовало материальному прогрессу и обогащало человеческую душу, приходило к японцам с Запада. Пришельцы с материка научили их возделывать рисовые поля, привили навыки обработки металла, принесли с собой десятки полезных ремесел. Китаю японцы обязаны иероглифической письменностью. Оттуда пришли к ним магия и мистика даосов, вошедшие в плоть и кровь национальной религии, морально-этическая система Конфуция, оказавшая громадное влияние на общественную жизнь Японии в последующие века.

В VI веке в Японию пришло учение Будды. Зародившись в Индии, оно проделало долгий путь прежде чем достичь Японских островов. Путь этот проходил через хребты Гималаев, великие равнины Китая, горы и долины Кореи. Целое тысячелетие потребовалось буддизму, чтобы прийти на Японские острова, и, пока длилось это затянувшееся на века путешествие, он впитывал в себя верования народов, по землям которых шел, включал в свой пантеон их богов и святых, обогащался изысканиями индийских и китайских мудрецов. Все это безбрежное богатство мысли аккумуляровалось в сотнях и тысячах сутр, трактатов, комментариев.

Вот какую сокровищницу веры и знаний получили японцы. Вместе с учением Будды они обрели новое мироощущение, новый взгляд на себя, новое представление о смысле человеческого существования, новые понятия прекрасного. Буддизм преобразовал Японию, ее людей, ее культуру. Будда приобщил японцев к громадному миру за пределами маленьких Японских островов. И хотя в процессе своего утверждения в этой стране, как и в других странах, куда учение Будды пришло раньше, буддизм менялся сам, приспособляясь к местным условиям и традициям, это обратное воздействие по своим конечным результатам было несравнимо с тем влиянием, которое он оказал на японцев, на формирование их психологии и национального характера в целом, окрасив в буддийские тона их образ мыслей и чувств.

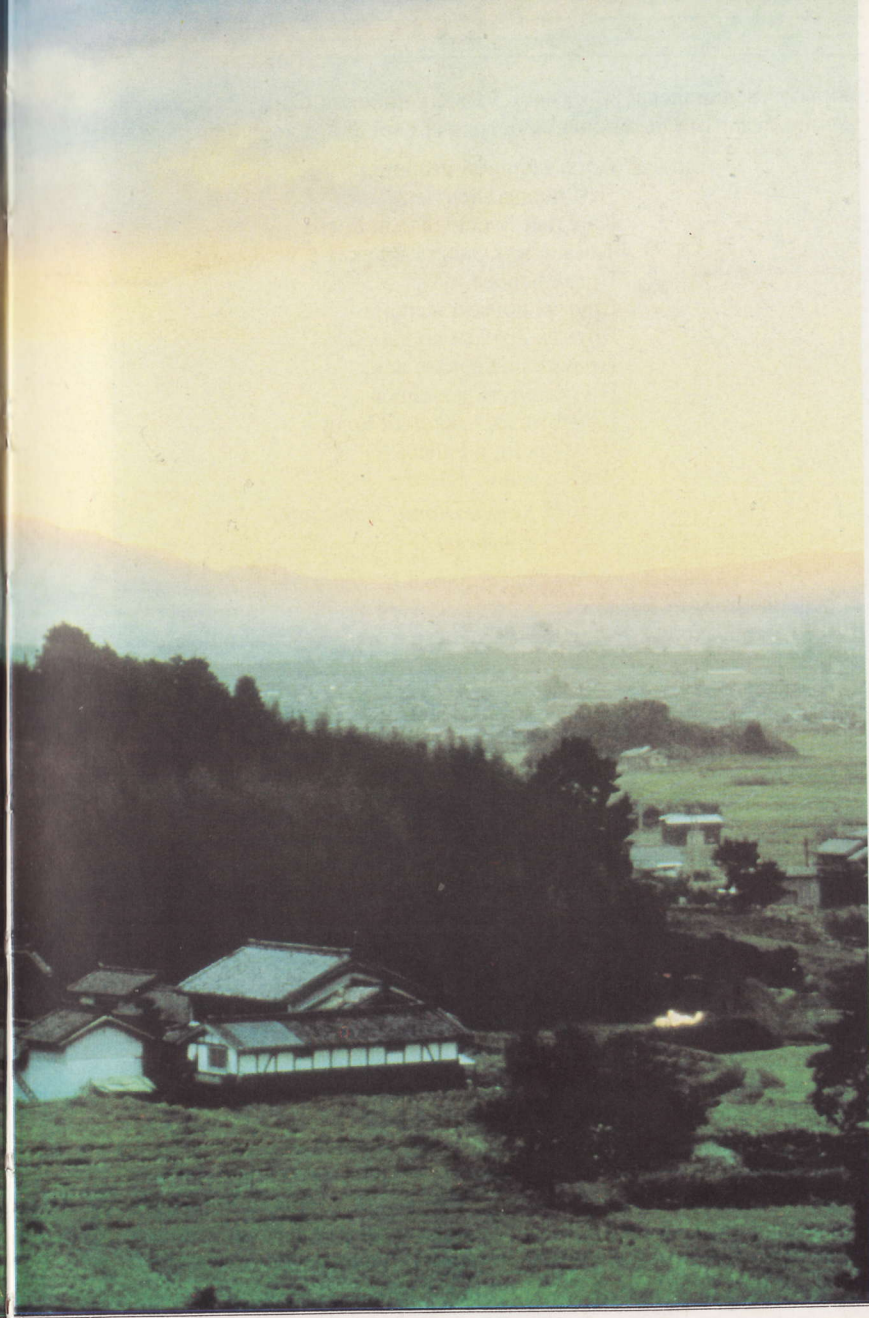
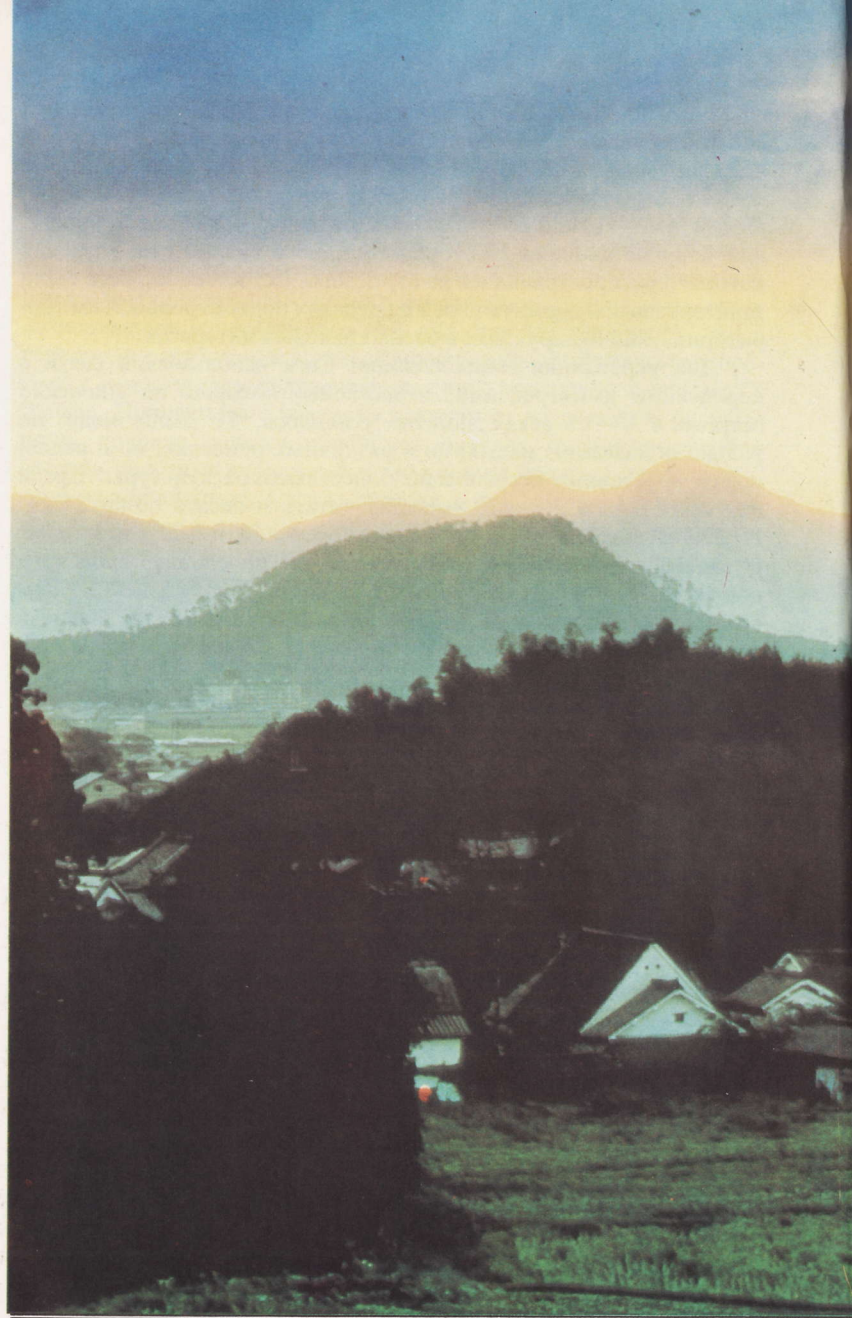
Учение Будды поначалу утвердилось в Асука. Так называется местность на южной окраине равнины Ямато. Сюда к середине VI

века переместилась царская резиденция, до этого почти полтора века кочевавшая по соседней Осацкой равнине. Среди ряда причин, побудивших царский дом вновь обосноваться близ места, где когда-то зародилась японская государственность (ведь от Асука до горы Мива — рукой подать!), немаловажную роль сыграло растущее влияние на царей со стороны мощного клана Сога, владения которого распространялись на эту землю. Естественно, Сога были заинтересованы держать царей в пределах подконтрольной им территории, манипулируя ими в своих клановых интересах.

Для укрепления своих позиций Сога использовали связи с корейскими иммигрантами, переселение которых на Японские острова в V—VI веках заметно усилилось. То были люди, не только обладавшие навыками в различных ремеслах, но и являвшиеся носителями несравненно более высокой культуры. Среди них встречались и люди, умевшие читать и писать по-китайски. Неудивительно, что со временем корейские иммигранты и их потомки составили привилегированную прослойку японского общества. Неудивительно поэтому, что знатные японские роды стремились к контактам с ними, дабы использовать их знания и профессиональные навыки к своей выгоде. Сога в этом плане преуспели больше других. Они всячески поощряли корейцев селиться в своих владениях. Некоторые из них были приверженцами учения Будды, которое проникло в Корею еще в IV столетии. Иные из иммигрантов возводили в своих усадьбах маленькие фамильные молельни.

Так первые ростки буддизма взошли на японской почве. Но ростки, видимо, надолго остались бы ростками, если бы буддизм не получил поддержку на государственном уровне.

Как повествует «Нихон сёки», в 552 году (по уточненным данным в 538 году) ко двору царей Ямато прибыло посольство из союзного им корейского царства Пэкче. Цари Пэкче, враждовавшие со своими соседями на полуострове, были заинтересованы в дальнейшем укреплении связей с Ямато. Одно из средств для достижения этой цели они видели в обращении царей Ямато в свою веру. Послы привезли сутры, изображения будд и послание от царя Пэкче, в котором всячески превозносилось учение Будды. Идея воспринять новую религию была горячо поддержана Сога, которые к тому времени захватили самые влиятельные посты при дворе. Но против этого выступили другие кланы, прежде всего Мононобэ, которым из поколения в поколение поручалось отправлять культ божеств-прародителей царей. Длившаяся несколько десятилетий

борьба увенчалась в 80-х годах VI века победой Сога. Распространению буддизма на Японских островах был дан зеленый свет.

Боги здешней стороны,
Что рождались на земле,
Каждый, каждый сын богов, —
Также, как растут в веках
Ветви дерева цуга,
Друг за другом вслед, —
Друг за другом во дворце
Правили из века в век.
Но покинуть довелось
Нам Ямато — милый край,
Что узрели в небесах
Боги в ясной высоте...

*Какиномото Хитомаро
Манъёсю*

Чем привлек буддизм правящую верхушку Ямато? Со всей определенностью можно сказать, что отнюдь не проповедями своего основателя. Японское общество того времени по уровню развития еще не было готово воспринять ни эти проповеди, ни тем более буддийскую догматику и философию. Будда был воспринят японцами в первую очередь как ками, только на сей раз речь шла о ками чужеземном, да к тому же, по утверждениям почитавших его, обладающим безграничным могуществом и, следовательно, в большей мере пригодном на роль всеобщего покровителя и заступника. Царский дом и клан Сога, в руках которого цари подчас были послушными марионетками, не могла не привлечь присущая буддизму идея универсализма, что позволяло использовать новую религию как орудие борьбы с сепаратистскими устремлениями других кланов, для укрепления центральной власти и объединения страны. Таким образом, на первых порах правители Ямато, обращаясь к учению Будды, руководствовались политическими мотивами. Впрочем, такой подход вполне укладывался в прочно утвердившееся к тому времени представление о единстве религиозного обряда и управления страной, что находило конкретное выражение в выполнении царем функций как верховного жреца, так и руководителя государства. Должно было пройти немало времени, должна была сложиться буддийская храмовая организация, должен был образоваться слой ученых монахов, которые бы начали систематическое изучение привезенных из-за моря сутр и разработку на этой базе собственных концепций спасения, должен был, наконец, существенно повыситься культурный уровень образованного слоя

*Горин-но то —
надмогильная
стupa
в храме
Асука-дэра
(VII в.)*

Большой
Будда
Асука
(Асука-дэра,
VII в.)

японского общества, чтобы буддизм раскрылся во всем своем богатстве и многообразии, чтобы все его аспекты стали достоянием японцев. Но до этого было еще далеко. А в описываемую эпоху главным, если не единственным, для них была культовая сторона буддизма.

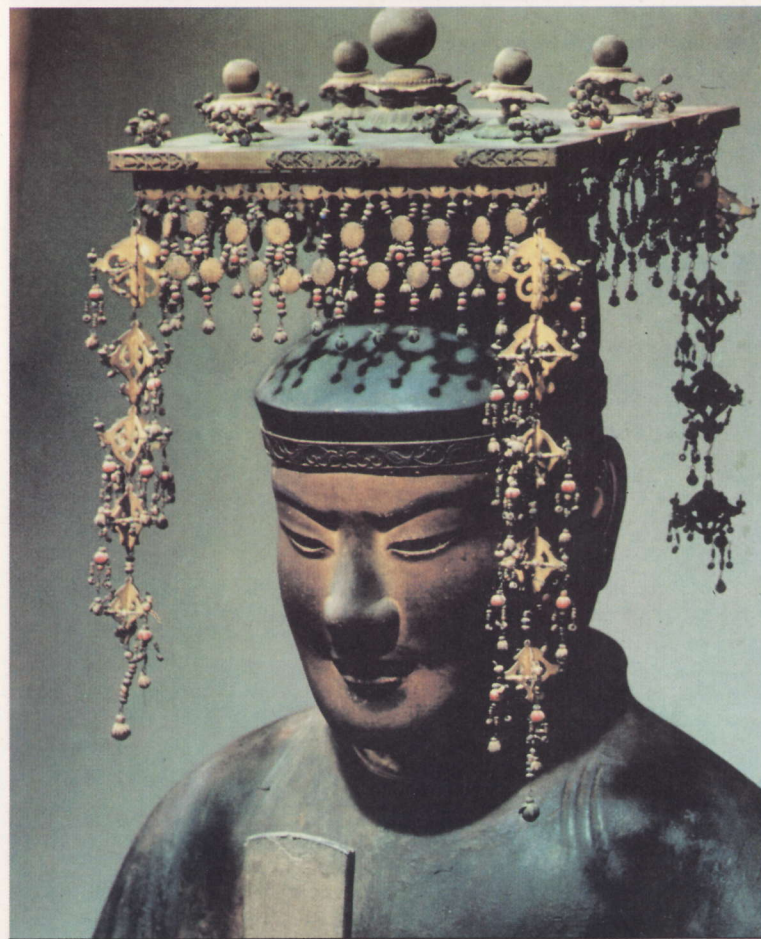
Трудно, однако, преувеличить значение воздействия, которое этот аспект буддизма оказывал на японцев. Если буддийскую литургию еще как-то можно было сравнить с праздниками в честь местных богов, хотя в пышности обрядов национальная религия вряд ли могла состязаться с буддизмом, то появление на японской земле храмов с изображениями будд и бодхисаттв не могло не поразить воображения людей, не могло не оказать революционизирующего влияния на их эстетические представления. Приход буддизма вызвал громадный скачок в развитии архитектуры и изобразительного искусства Японии. Вспомним, что представляла собой застройка поселений Ямато. Покрытые камышом и соломой полужемлянки-*татэана* — жилища простолюдинов; поднятые на сваях дома знати, хотя и большие по размерам, но весьма скромные по внешнему облику и интерьеру. Скульптура была представлена глиняными статуэтками *ханива*, которые устанавливали на захоронениях знати. Были бронзовые зеркала, имевшие ритуальное значение, была незамысловатая керамика. И вот появляются храмы, построенные по образцу тех, которые уже столетиями возводились в Китае, с их изысканной архитектурой, богатым интерьером, с изображениями невиданных «ками». Очевидно, японцы испытали сильнейший культурный шок, который, однако, послужил мощным импульсом развития своего зодчества, создания скульптуры, которая по прошествии относительно небольшого промежутка времени могла с полным правом именоваться национальной японской скульптурой.

Первые буддийские храмы начали возводить в конце VI века. Строили их корейские мастера, следуя канонам храмовой архитектуры Пэкче, заимствованным, в свою очередь, из Китая. Сооружение первого храма во владениях Сога — *Асука-дэра* — было завершено в 596 году. Храм воздвигли по повелению главы клана — Сога-но Умако в благодарность Будде за победу, одержанную Сога над их соперниками из клана Мононобэ. Впоследствии храм дважды переносился: в конце VII века в Фудзивара, первую «постоянную» столицу царей Ямато, а затем в Нара. На месте же первого на равнине Ямато культового сооружения буддизма сейчас находится ничем не примечательный храм Ангоин. Храм пришел в упадок давно, еще со времени пожара, случившегося в конце XII века. Трудно отделаться от ощущения заброшенности и запустения,

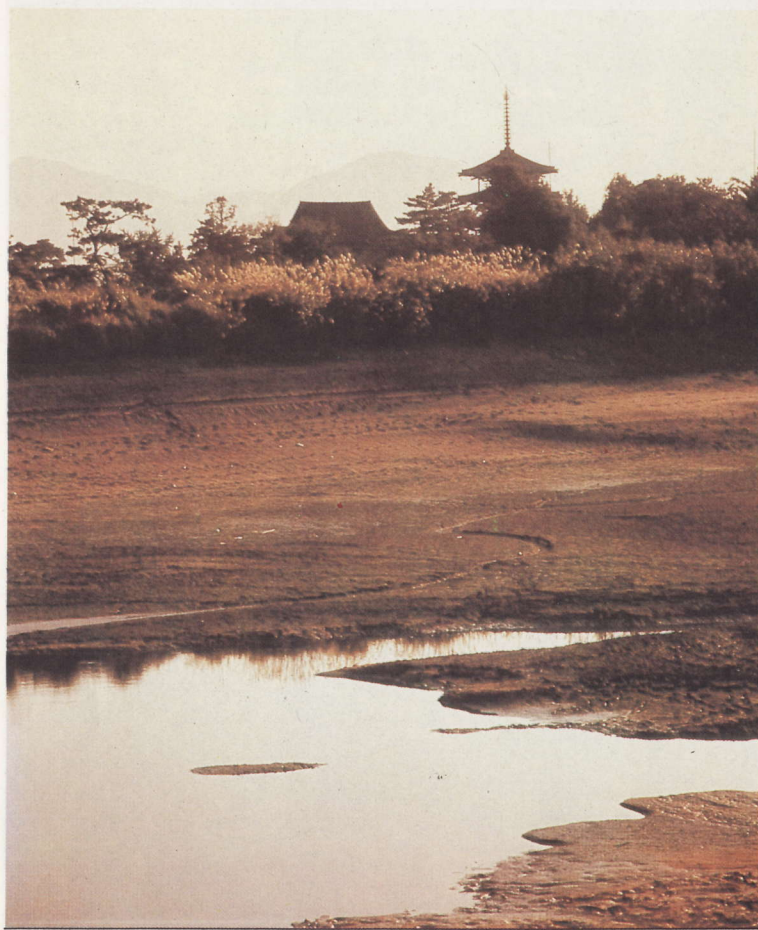
когда попадаешь в его довольно обширные пределы. Единственное, что напоминает о былом величии, это большая — почти трехметровой высоты — статуя сидящего Шакьямуни — основателя буддийского учения. В народе ее именуют *Асука дайбуцу* — Большой Будда из Асука. Вряд ли этого бронзового гиганта можно поставить в один ряд с шедеврами японской буддийской скульптуры. Но все же он заслуживает упоминания: ведь речь идет о самой древней из сохранившихся до наших дней буддийских статуй, вернее, о том, что от нее осталось. А осталось, к сожалению, совсем немного: верхняя часть лица, левое ухо и три пальца на правой руке, все остальное — позднейшие доделки. Много раз горел Ангоин, и всякий раз пожары наносили непоправимый ущерб статуе. Ее неоднократно реставрировали, но восстановить первоначальный облик бронзового Шакьямуни так и не удалось.

История сохранила нам имя создателя Большого Будды из Асука и одного из первых мастеров японской буддийской скульптуры. В «Нихон сёки» есть запись о том, что в 605 году царица Суйко поручила Тори из корпорации шорников, потомков китайских и корейских иммигрантов, заняться изготовлением изображения Будды из бронзы. Год спустя Большой Будда был отлит. Статуя оказалась настолько велика, что ее никак не удавалось внести в храм, и поэтому было решено сломать его двери. Но Тори, проявив незаурядную инженерную смекалку, сумел обойтись без этого и водворить Будду на положенное ему место. Царица была поражена созданием Тори и его инженерным талантом. В благодарность за заслуги Тори был пожалован титул *дайнина* — третий в шестнадцатиранговой придворной иерархии. Но в памяти народной Тори остался не как высокопоставленный придворный, а просто как *Тори бусси* — Тори, мастер буддийской скульптуры. Так будем именовать его впредь и мы.

Тори жил в благоприятное для его творчества время. В 592 году регентом при царице Суйко стал ее племянник, наследный принц Умаядо (574—622), более известный под именем *Сётоку тайси* (буквально — Принц Святые Добродетели). Такого влиятельного положения он смог добиться опять-таки при поддержке вездесущих Сога. Но в отличие от многих других их ставленников Сётоку тайси не превратился в послушную марионетку влиятельного клана. В исторической памяти народа живет образ ревностного приверженца буддизма, активного пропагандиста нового учения, выдающегося государственного деятеля. Сётоку тайси приписывают составление в 604 году «Конституции из 17 статей» — документа, определившего государственное устройство раннефеодальной Японии. Хотя многие исследователи ставят под сомнение

Принц
Сётоку
(VII в.)

Вид
на храм
Хорюдзи

авторство Сётоку тайси, его роль в политической жизни царства Ямато в конце VI — начале VII века бесспорна. В поисках средств укрепления центральной власти Сётоку тайси обращал взор к Китаю. Он видел их в сложившейся в Китае централизованной бюрократической системе и стремился пересадить ее на японскую почву. При нем в Китай в 607 году было направлено первое официальное посольство. С тех пор такие посольства отправлялись ко двору китайского императора примерно через каждые 15—20 лет вплоть до 837 года. Главной их целью было не столько поддержание дипломатических отношений с могущественным заморским соседом, сколько приобретение новых знаний, в которых столь остро нуждалось молодое японское государство. Поэтому в состав каждой миссии непременно включались ученые и просто подающие надежды грамотные молодые люди, в задачу которых входило изучать и усваивать все то, что могло быть полезно для государственного строительства, для приобщения Японии к высокой культуре Китая.

Средством укрепления центральной власти было для Сётоку тайси и распространение буддизма, который он рассматривал в рамках господствовавших в японской правящей элите представлений, то есть как политическую идеологию. Именно при Сётоку тайси и благодаря его неустанному покровительству произошло заметное усиление позиций новой религии. Началось интенсивное строительство храмов. До Сётоку тайси храмы сооружались отдельными кланами. Теперь этим занялось государство. К концу жизни принца в стране было уже 46 храмов.

В 607 году Сётоку тайси удалился в селение Икаруга, километрах в десяти к юго-западу от нынешнего города Нара. Здесь родилась его любимая наложница, и Икаруга была особенно дорога сердцу принца. Говорят, он поселился в Икаруга, устав от дворцовых интриг и решив серьезно заняться изучением буддизма. Ему приписывают авторство комментариев к нескольким сутрам, хотя соответствующая запись в «Нихон сёки» в последнее время ставится под сомнение. Бесспорным же остается то, что, поселившись в Икаруга, принц повелел построить храм, вошедший в сокровищницу мирового зодчества. Храм был завершен в 616 году, но сгорел в 670 году, пораженный молнией. Некоторое время спустя он был вновь отстроен по оригинальному проекту в нескольких сотнях метров восточнее первоначального места. Здесь он остается по сей день, известный каждому японцу и многим людям в мире под именем Хорюдзи — Храм процветания Закона.

Икаруга и сегодня сохраняет очарование тихого сельского уголка. Миниатюрные рисовые поля на слегка всхолмленной рав-

Сай-ин —
Западный
храм
Хорюдзи

Пагода
Хорюдзи

Кондо —
главный
зал
Хорюдзи

Юмэдоно
(Зал мечтаний)
в Восточном
храме
Хорюдзи

нине, спокойная речка, цветение персиков и сакуры весной... Храмовые постройки окружены негустой рощей криптомерий. Весь комплекс состоит из 53 зданий, расположенных на площади в 90 тысяч квадратных метров. В пределы храма проходят через *Нандаймон* — Большие южные ворота. Хорюдзи, как и другие храмы описываемой эпохи, выстроен в полном соответствии с канонами китайского храмового зодчества: фасадом он обращен на юг, постройки в основном размещены по оси север-юг, при этом главные находятся в северной части комплекса, поскольку север считался зоной повышенной сакральности. Этот принцип соблюдался впоследствии и при строительстве городов, прототипами которых служили первые храмы. Пройдя несколько десятков метров по мощенной каменными плитами дорожке, посетитель оказывается перед *Тюмон* — Внутренними воротами, от которых в обе стороны расходятся крытые галереи — *кайро*, поворачивающие затем под прямым углом на север, чтобы в конечном счете примкнуть к стенам *кодо* — зала для проповедей. В образовавшемся прямоугольном пространстве размещены *кондо* — главный (дословно — золотой) зал, вмещающий алтарь, и пятиярусная пагода. Этот неотъемлемый атрибут буддийских храмов ведет свое происхождение от *ступы* — постройки, где хранятся мощи Будды. Первоначально ступы появились в Индии. В Китае они видоизменились, приобретя облик пагод, каждый ярус которых символизирует один из пяти первоэлементов — дерево, огонь, землю, железо, воду, образуемых взаимодействием позитивной (*ян*) и негативной (*инь*) сил, которые в свою очередь приводят в движение все в мире.

Описанный комплекс построек называется *Сай-ин* (Западный храм). С востока к нему примыкает еще один блок — *То-ин* (Восточный храм), расположенный, как считают, на месте резиденции Сётоку тайси. В центре его — восьмиугольное строение — *Юмэдоно* (Зал мечтаний), названное так потому, что, как утверждает традиция, воздвигнуто именно там, где принц проводил дни, погруженный в размышления над сутрами.

Внутренние ворота, расходящиеся от них крытые галереи, пятиярусная пагода и главный зал — самые старые деревянные строения не только в Японии, но во всём мире. По ним мы можем судить о характерных особенностях храмовой архитектуры VII века, воспринявшей основные черты китайского зодчества предшествующей эпохи. Возвышающаяся на 32 метра пятиярусная пагода стала прототипом многих подобных сооружений последующих веков. Всякого, кто любит ее, поражает сочетание чего-то первобытномогучего с мягкой грацией контуров и отдельных деталей. Слегка уменьшающиеся сверху от яруса к ярусу крыши

как бы придают постройке спокойный ритм, лишают ее силуэт активной устремленности вверх. Пагода по-своему величественна, но ее величие не подавляет, а, наоборот, производит впечатление какой-то теплоты и доступности. Есть в ней что-то притягательно человеческое. Такие же чувства вызывает и главный зал с его двухъярусной крышей и идущей по всему периметру здания крытой галереей.]

Хорюдзи привлекает не только своей архитектурой. В его строениях разместились 265 буддийских статуй и свыше полутора тысяч произведений живописи и декоративного искусства далеких веков. Венчают эту сокровищницу свыше десятка скульптур VII века, среди которых и *Троица Шакъямуни*, отлитая из бронзы нашим знакомым Мастером Тори за упокой души Сётоку тайси, скончавшегося за год до этого. К счастью, в отличие от Большого Будды из Асука, эта работа Тори отлично сохранилась, и о ней хотелось бы рассказать подробнее.

Но сначала о том, какими глазами следует смотреть на буддийскую скульптуру, чтобы получить от знакомства с нею подлинное эстетическое наслаждение. Вопрос этот не праздный. Не секрет, что очень многих людей, впервые соприкасающихся с буддийскими изображениями, последние оставляют равнодушными. Все будды кажутся им на одно лицо и утомляют обилием непонятных деталей. Чтобы проникнуть в мир буддийской скульптуры, оценить ее красоту, насладиться ее очарованием, надо иметь хотя бы элементарное представление об основах учения Будды, о мироощущении приверженца этого учения, иными словами, попытаться взглянуть на статую его глазами, то есть глазами человека, для которого изображение Будды не столько произведение искусства, сколько объект веры. Следует иметь в виду и то, что в буддийском изображении нет ничего лишнего, что поза статуи, каждая черточка, каждая линия, различные атрибуты скульптуры, положение частей тела, в частности пальцев рук и самих рук, — все это исполнено глубочайшего смысла и значения. Иначе говоря, буддийское изображение — это, по сути дела, иллюстрация основных положений вероучения. А раз так, то все многочисленные детали должны сохраняться постоянно, то есть канонизироваться.

Путь изображения человека в ранней японской скульптуре — это путь следования канону. Скульптура в то время не могла, по существу, иметь в качестве объекта изображения никого, кроме Будды и других представителей буддийского пантеона, а потому, естественно, была ограничена в выборе модели. В этом смысле буддийская скульптура сковывала развитие творческого начала в искусстве. Ведь и самих ваятелей считали обычными ремесленни-

ками, отличавшимися от плотников, шорников, гончаров разве только тем, что они работали во славу Будды. Никто не признавал в них творческую личность. Значит ли это, что творческое начало было полностью лишено возможности своего проявления? Отнюдь нет. Лучшие мастера, как мы в дальнейшем убедимся, оказались способны даже в самых жестких рамках застывшего канона не только совершенствовать технику скульптуры, но и развивать саму идею художественного изображения.

Обратимся, однако, к творению Мастера Тори — *Троица Шакьямуни*, изображающей основателя буддизма с двумя бодхисаттвами. Эта скульптурная группа установлена в главном зале Хорюдзи. Изображение невелико: главная фигура не достигает в высоту и 90 сантиметров. Шакьямуни изображен сидящим на лотосовом троне, скрестив ноги. Считалось, что такая поза в наибольшей степени располагает к углубленному самосозерцанию, а через него — достижению просветления, вхождению в нирвану. Лотос символизирует чистоту и одновременно центр Вселенной. Восседа на лотосовом троне, Будда демонстрирует универсальность своего учения. Шакьямуни облачен в монашеское одеяние — напоминание о том, что принц Готама, прежде чем достичь просветления, ушел из мира и стал странствующим монахом. Безмятежное лицо Шакьямуни отражает его внутреннюю гармонию, на губах играет легкая улыбка — свидетельство духовной радости достигшего просветления существа, которого больше не беспокоят мирские заботы и тревоги. На лбу Шакьямуни — углубление, называемое *урна*, третий глаз, свидетельство того, что он все видит. Его большие уши с оттянутыми мочками призваны показать, что Будда все слышит, а возвышение на голове — *ушница* — свидетельствует о его глубокой мудрости. У Будды короткие волосы, что естественно: принц Готама срезал их, когда стал монахом. Правая рука Шакьямуни поднята в жесте, который призывает людей не испытывать страха. Левая рука протянута вперед открытой ладонью вверх. Это рука дающего благо. Позади Шакьямуни — большой пылающий нимб, отражающий исходящий от него свет. На нимбе изображены маленькие будды. Это будды прошлого — визуальное отражение того, что Шакьямуни лишь одно из проявлений Универсального Будды, вечного во времени и бесконечного в пространстве...

Названные нами черты и детали в статуе, отлитой Мастером Тори, носят обязательный характер, присутствуют в каждом изображении Будды, будь то Шакьямуни, или Вселенский Будда Махавайрочана (Дайнити), или повелитель Чистой земли — буддийского рая — Амидаба (Амида), или же Будда-целитель Якуси. Многие из них присущи и бодхисаттвам. Впрочем, их гораздо боль-

Троица
Шакьямуни
(Хорюдзи,
VII в.)

Троица
Шакьямуни.
Главное
изображение

ше, чем мы назвали: ваятель знал о наличии 32 основных черт и 80 вторичных, каждая (!) из которых должна была учитываться им. В это число не входят *мудра* — положения рук. Каждому будде и бодхисаттве присущи свои специфические мудра, которые и позволяют отличить их друг от друга. Есть и общие для всех будд мудра. Это уже рассмотренные нами жесты, один из которых символизирует призыв к людям не испытывать страха, другой — руку, дающую благо. А вот будду Дайнити можно узнать по мудре сосредоточения — сложенным впереди рукам так, что обращенные вверх ладони находят одна на другую, а большие пальцы соединены. У будды Амида целых девять мудра, символизирующих девять уровней духовного просветления, которые нужно пройти, чтобы погрузиться в нирвану. У будд и бодхисаттв в руках предметы, каждый из которых имеет символическое значение.

Вот теперь, после того как мы получили лишь очень поверхностное представление о каноне, которому должен был следовать Мастер Тори, еще раз внимательно взглянем в его творение. И мы должны будем признать, что Мастер отлично выполнил стоявшую перед ним задачу: побудить человека проникнуться духом учения Будды, воплощенного в статую. Даже тех, кто не принадлежит к числу адептов буддизма, при виде этой скульптурной группы невольно охватывает чувство душевного спокойствия, умиротворенности, внутренней гармонии. И это говорит о том, что перед нами не подделка ремесленника, а работа творца, вложившего в нее часть души, свою веру, свои убеждения.

При более детальном рассмотрении Троицы Шакьямуни обращают на себя внимание несколько неестественные позы фигур, нарочито подчеркнутая симметричность в исполнении их одеяний, резкость линий, что создает впечатление какой-то болезненной напряженности. Не передалось ли статуям напряженное состояние самого Мастера, который работал над ними, имитируя известные ему китайские образцы? Очень возможно, что так оно и было: ведь Мастер создавал объект культа и, видимо, был глубоко убежден в том, что только строжайшим следованием уже имеющейся модели возможно донести до человека дух буддийского учения. Но художник тем и отличается от ремесленника, что, даже поставленный в самые жесткие рамки, обреченный никогда не выходить за их пределы, он все-таки сумеет выразить свое творческое «я». По свидетельству специалистов, изучавших Троицу Шакьямуни в сравнении со служившими для нее образцами — статуями эпохи Вэйской династии, работа Мастера Тори более выразительно передает ту высокую одухотворенность, которой проникнут образ Шакьямуни.

Кудара
Каннон
(Каннон
из Пэкчэ,
VII в.)

Среди других скульптур Хорюдзи особенное внимание привлекает изображение бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвара), издавна известное под названием *Кудара Каннон* — Каннон из Пэкче. Почему за этой более чем двухметровой статуей закрепилось такое название, сказать трудно. Не потому ли, что образцом для нее послужила скульптура, привезенная из Пэкче? Если это предположение верно, то она должна была проделать очень долгий путь, прежде чем попасть в Японию: дело в том, что в отличие от Тори, который следовал стилю буддийских изображений, сложившемуся в Северном Китае в эпоху Вей, неизвестный ваятель, вырезавший из дерева Кудара Каннон, явно ориентировался на другие образцы, скорее всего, на скульптуру Южного Китая. Кудара Каннон контрастирует со строгими, подчас жесткими линиями Троицы Шакьямуни необычной мягкостью, женственностью и деликатностью, которой словно дышит вся фигура. Ее удлинённые пропорции создают впечатление чего-то устремленного ввысь. Но главное — это руки, длинные, с тонкими длинными пальцами, правая протянута в жесте дающего благо, левая опущена вниз, два пальца слегка сжимают узкое горлышко сосуда с божественным нектаром. Эти руки, исполненные неземной грации, завораживают, трудно отвести от них взгляд. Руки Кудара Каннон — излюбленный объект японских мастеров художественной фотографии: мне доводилось видеть десятки фото с их изображением в разных ракурсах, и каждый раз это было прекрасно.

Совсем другие настроения рождает также вырезанная из дерева статуя *Кудзэ Каннон* — Каннон-спасителя мира, главное изображение в Зале мечтаний. Есть что-то мистическое в этом продолговатом лице с глубоким вырезом губ, на которых застыла загадочная улыбка, невольно вызывающая ассоциацию с улыбкой Джоконды. Отнюдь не ощущением спокойствия и духовной гармонии веет от нее, а, скорее, чем-то дьявольским, как бы кощунственно это ни звучало. Кудзэ Каннон сохранилась значительно лучше, чем большинство других статуй в Хорюдзи. Дело в том, что до 1884 года она была укрыта в специально сооруженном для нее алтаре и избежала тем самым воздействия многих негативных факторов.

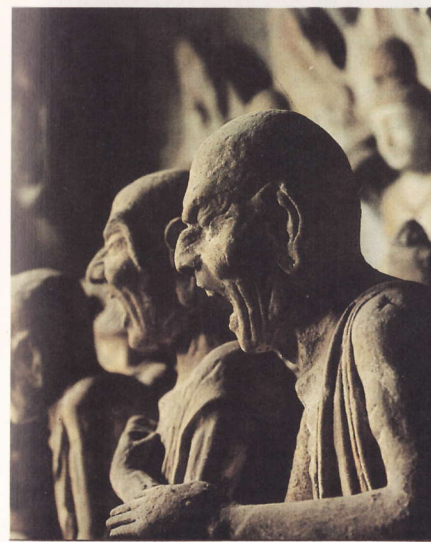
В комплекс Хорюдзи практически входит и примыкающий к Восточному блоку *Тюгудзи* — Храм срединного дворца, выстроенный на месте резиденции матери Сётоку тайси. Главное его изображение — статуя бодхисаттвы Мироку (Майтрейя). *Мироку* — бодхисаттва будущего, нечто вроде буддийского мессии: он должен явиться в этот мир через много миллиардов лет с тем, чтобы спасти его обитателей. Мироку изображен в позе полулотоса — одна его

Кудза
Каннон —
Каннон —
спаситель
мира
(VII в.)

Юмэ
татаэ
Каннон —
Каннон,
меняющая
сны
(VII в.)

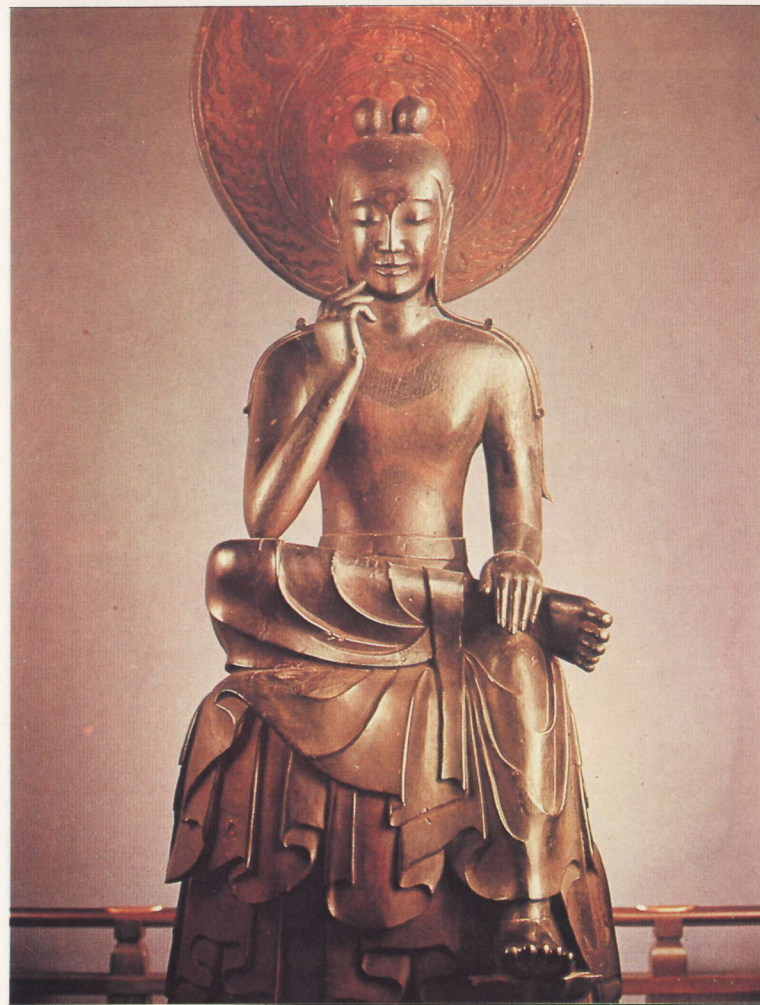
Ученики
Шакьямуни,
оплакивающие
его
уход
в Нирвану
(VII в.)

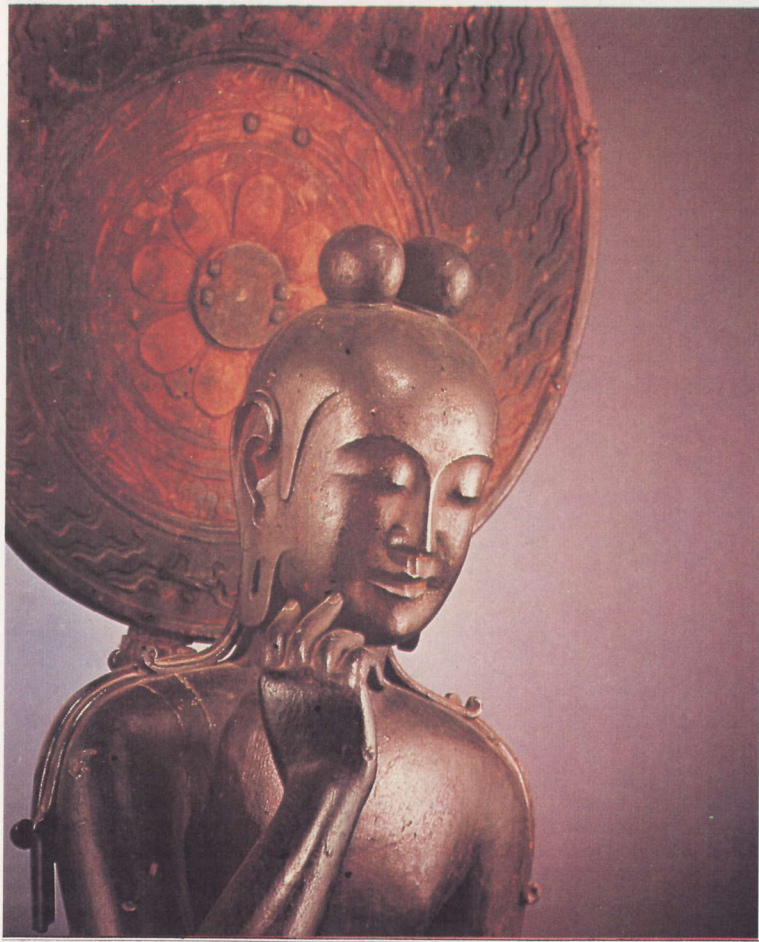
Конго
рикиси,
страж
Закона
Будды
(VII в.)

нога положена на колено другой, которая свободно свисает вниз. В такой позе медитировал принц Готама под деревом бодхи, ожидая, когда на него снизойдет просветление. Закрытые глаза бодхисаттвы создают настроение мечтательности, а легкая улыбка на полураскрытых губах подчеркивает исходящее от него ощущение глубокого духовного мира. Пальцами правой руки Мироку слегка касается подбородка, и этот жест усугубляет впечатление размышления, в которое погружен бодхисаттва. Трудно назвать какую-либо другую буддийскую статую, в которой идеал полной внутренней гармонии нашел бы более чистое и совершенное воплощение. Все прекрасно в этой скульптуре: и тело бодхисаттвы, отполированное временем и прикосновениями человеческих рук до такой степени, что кажется отлитым из металла, и необычное решение изображения волос в виде двух шаров, и изящество, с которым Мироку восседает на своем пьедестале. Вся фигура поражает непревзойденным совершенством, завершенностью, гармоничностью форм и линий. Как и в случаях с изображениями Каннон, имя создателя Мироку осталось неизвестным. Статуя из Тюгудзи по своему решению очень напоминает бронзовую скульптуру Майтрейя, изготовленную в Корее в начале VII века. Но при всей схожести отдельных характеристик, ее корейский собрат отличается от нее: лицо его грубее, нет в его облике той очаровывающей грации, которой исполнен Мироку из Тюгудзи.

Вдумаемся: речь идет о VII веке, скорее всего, о его середине. Прошло лишь несколько десятков лет с тех пор, как Мастер Тори отлил Большого Будду в Асука, и немногим больше со времени начала утверждения буддизма на японской земле. Как ничтожно мало это для истории! И вот перед нами шедевр, создание которого, казалось бы, должно быть итогом длительного развития и совершенствования искусства скульптуры. Японцы оказались очень способными учениками своих китайских и корейских учителей. Конечно, на первых порах они имитировали заморские образцы, что было вполне естественно: ведь своей традиции буддийской скульптуры у них не было. Но прошло совсем немного времени, и они перестали быть просто копиистами, сумели привнести в жесткие рамки канона нечто еле уловимое, еле заметное, но уже достаточное для того, чтобы придать их творениям национальный колорит, пусть еще такой слабый. Может быть, это один из ранних примеров действия модели восприятия японцами чужеземной культуры, когда привнесенное извне, поначалу, казалось бы, совсем чужеродное японской среде, как-то очень быстро и в то же время почти незаметно преобразуется на местный лад и естественно вписывается в эту среду, ничем не нарушая ее внутренней гармонии?

Мироку
(Тюгудзи,
VII в.)

Мироку.
Фрагмент

С тех пор как Хорюдзи был отстроен после пожара 670 года, немало политических бурь пронеслось над Японией, и не раз равнина Ямато становилась ареной кровавых столкновений враждующих кланов и групп, превращавших целые города и селения в дымящиеся развалины. А вот Хорюдзи избежал разрушений, что позволило донести до наших дней его бесценные сокровища. Только ли Госпожа Случайность причиной этому? Далеко не так. На протяжении многих веков надежной защитой Хорюдзи служило преклонение, которое вызывало у японцев само имя Сётоку тайси, обожествленного вскоре после смерти и ставшего объектом культа почти во всех основных школах японского буддизма. Так основатель Хорюдзи навечно остался ангелом-хранителем своего детища.

Беда в Хорюдзи пришла уже в наши дни. В январе 1949 года во время ремонта главного зала внезапно вспыхнул пожар, который почти полностью уничтожил его интерьер. Вывезенные на время ремонта из зала статуи не пострадали, но серьезный ущерб был нанесен фрескам, представлявшим собой редчайшие образцы ранней буддийской живописи Японии. К счастью, сохранились сделанные незадолго до пожара фотографии фресок, в том числе в их натуральную величину. К восстановлению фресок привлекли 14 виднейших художников, и среди них — признанные патриархи живописи живописи в японском стиле Ясуда Юкихико и Маэда Сэйсон, которым в 1967 году, когда началась работа по восстановлению фресок, было соответственно 83 и 82 года. Целый год трудились они вместе с десятками других мастеров — изготовителями специальной японской бумаги и натуральных красок, фотографами, штукатурами и т. п. И фрески были возрождены. Ныне каждый посетитель главного зала Хорюдзи может любоваться этими прекрасными произведениями настенной живописи, которые специалисты сравнивают с фресками Аджанты.

Восстановление фресок Хорюдзи — само по себе событие выдающееся, которое останется в истории лучших достижений искусства реставрации. И в то же время оно очень типично с точки зрения отношения японцев к своему культурному достоянию, для сбережения которого они не жалеют ни сил, ни средств...

...Седьмой век подарил миру поистине великолепные шедевры японской скульптуры и живописи. Будды Хорюдзи дышат спокойствием и умиротворенностью. Глядя на эти исполненные внутренней гармонии лики, трудно поверить, что их породила эпоха, когда жестокость, заговоры, интриги были нормой жизни правящей элиты. После смерти Сётоку тайси Сога еще больше прибрали царский дом к рукам. Действовали они открыто и нагло, возводили на престол угодных им членов царской фамилии, а неугодных сверга-

ли, монополизировали матримониальные дела монархов, по собственному усмотрению присваивали титулы и ранги, обзаводились богатыми домами и тратили казенные средства на сооружение поражающих своими размерами и внутренним убранством усыпальниц. Засилье Сога вызывало растущее недовольство и самой царской семьи, и давних противников Сога из древних и влиятельных родов Мононобэ и Накатоми, из поколения в поколение выполнявших функции верховных служителей культа местных божеств при дворе. Против Сога зрел заговор, душой которого стал глава клана Накатоми — Каматари. В 645 году заговорщики совершили переворот, отстранив Сога от власти. В положении царей, однако, мало что изменилось. Появились лишь новые «опекуны»: место Сога заняли члены клана Каматари, которому была присвоена фамилия Фудзивара. Долгие годы потомки Каматари играли решающую роль при дворе, не уступая Сога в искусстве манипулирования правителями страны.

Каматари умер в 669 году. Его останки перенесли на гору Тономинэ на юго-востоке Асука, где равнина переходит в лесистые холмы. По преданию, именно там Каматари замыслил устранить ненавистных Сога. Возможно, это и побудило его сына, буддийского священника Дзээ, похоронить здесь отца. А может быть, причина была иной: со склонов Тономинэ открывается вид на равнину Ямато, так что дух Каматари мог беспрепятственно обзирать и защищать страну, которую почивший не без основания считал своей вотчиной. Существовало поверье, что гора начинала тяжело стонать всякий раз, когда царскому дому или клану Фудзивара грозила опасность. За время после смерти Каматари стоны слышались 36 раз, и, получив тревожное известие, двор заказывал специальное богослужение, чтобы отвлечь беду.

Когда читаешь о Каматари, воображение рисует облик человека властолюбивого, жестокого, не останавливающегося ни перед чем на пути к достижению поставленной цели. В этом представлении утверждаешься, рассматривая старинную гравюру, изображавшую Каматари, который поражает мечом главу клана Сога — Ирука. И уж никак не вяжутся с этим представлением стихи:

Я увижу ларчик дорогой!
В Миморо средь гор зеленый плющ растет,
Для влюбленных служит ложем он,
Если нам с тобой на нем не спать,
Я не в силах буду больше жить!

«Манъёсю», п. 94

Тандзан
дзиндзи,
место
захоронения
Фудзивара
Каматари

А ведь автор этих нежных строк — тот же Каматари и адресованы они принцессе Кагами, которую всевластный министр двора просил стать его женою! Вот еще один пример того, сколь обманчивы одномерные представления, не учитывающие все богатство и многосторонность человеческой личности...

Устранение Сога отнюдь не означало ослабления позиций буддизма. И царский дом, и Фудзивара осознавали необходимость опоры на новое учение в интересах центральной власти. Буддизм все больше принимал характер государственной религии.

Переворот 645 года открыл более чем полувековой период реформ, известных под именем реформ *Тайка* — Великих перемен, в результате осуществления которых царство Ямато превратилось в сильное централизованное государство. Моделью государственного устройства для правителей Ямато служил Китай, с которым в этот период поддерживались особенно интенсивные контакты. При императорах Сунской и утвердившейся вслед за ней в начале VII века Танской династий было покончено с многовековой раздробленностью страны, пределы империи значительно расширились за счет присоединения соседних земель. Китай вступил в период экономического и культурного расцвета. Нетрудно представить, какой притягательностью для правителей Ямато, стремившихся укрепить свое господство, обладал пример соседней материковой державы. Все успехи Китая они относили за счет эффективности его системы государственного управления, и поэтому не было ничего удивительного в том, что цари и их окружение пошли по пути активного заимствования этой системы. В соответствии с китайской моделью введена универсальная система налогообложения. Отменялось частное землевладение — все земли были переданы в ведение царя. Ему единственному принадлежало право распределять их, что существенно усилило центральную власть — царский дом и связанные с ним кланы.

В конце VII — начале VIII века в соответствии с китайскими образцами было разработано законодательство, детально регулировавшее различные аспекты жизни государства. Была создана жесткая система контроля центра над местами: представители власти на местах обязаны были следовать указаниям, поступавшим из центра, и также регулярно отчитываться перед правительством о своей деятельности и о положении в вверенных им провинциях. Такая система потребовала организации большого чиновничьего аппарата.

В процессе реформ из Китая был заимствован и титул *тэнно*, которым стали титуловаться цари Ямато. Так в даосских сказаниях именовались небесные владыки. Слово «тэнно» стало обязатель-

ным при упоминании имени правителя. На европейские языки его перевели как «император».

Новая система государственного управления обусловила необходимость создания постоянного административного центра. «Кочующая» резиденция правителя этому требованию не отвечала. Реформы вызвали появление в истории Японии первого столичного города, построенного опять-таки по китайскому образцу. Первая «постоянная» столица была названа Фудзивара. Мы взяли слово «постоянная» в кавычки, поскольку впоследствии столица еще не раз переносилась. В Фудзивара резиденция царей размещалась чуть побольше полутора десятка лет — с 694 по 710 год. Но это действительно был первый город в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово. Место для его строительства выбрали в одном из самых живописных уголков Асука, между «тремя горами Ямато» — Миминаси на севере, Унэби на западе и Ама-но Кагуяма на востоке. Любителям японской поэзии эти названия знакомы: они упоминаются в десятках прекраснейших стихов, собранных в антологии «Манъёсю». Вот как воспел этот край неизвестный поэт, обращаясь к царице Дзито (686—697), в правление которой была построена Фудзивара:

Там, где ткут простую ткань,
На долинах Фудзии,
Ты впервые начала
Строить славный свой дворец.
И когда ты смотришь вдаль,
Встав на насыпи крутой,
У пруда Ханяясу,
Дивный вид
Со всех сторон
Открывается тебе:
На востоке у ворот,
Где восходит солнца свет,
Где Ямато — милый край,
Там в лазури пред тобой,
В зелени густой листы
Поднимается гора,

То гора Кагуяма,
Что зовут горой весны.
А у западных ворот,
Где заходит солнца свет,
Свежей зелени полна,
Встала Унэби-гора,
Величаво, гордо ввысь
Поднимается она,
И зовет ее народ:
«Юной прелести гора!»
А у ближних к ней ворот,
Там, где севера страна,
Миминаси поднялась.
Вся в зеленых камышах.
Красотой лаская взор,
Божеством встает средь гор!

«Манъёсю», п. 52

Не буду вводить читателя в заблуждение: то, что в стихах именуется горами, не более чем холмы, самый высокий из которых — Унэби — не превышает и 200 метров. Но на фоне равнинной местности они действительно воспринимаются как горы. Сейчас здесь ничто не напоминает о былых днях. Аккуратно нарезанные прямо-

угольники рисовых полей, разбросанные тут и там небольшие поселения, бегущие во все стороны дороги... А ведь здесь был довольно большой город с населением 20—30 тысяч жителей, моделью которого послужил Лоян — столица императоров Северной Вэйской династии в Китае. Как же выглядел этот город? Ответ дают археологические раскопки, которые начались еще до второй мировой войны, возобновились в 1969 году и продолжают по сей день.

Представьте себе совершенно правильный прямоугольник со сторонами 3,2 километров с юга на север и 2,1 километров с востока на запад. Девятью улицами, проложенными с юга на север, и тринадцатью другими, пересекавшими их под прямым углом, Фудзивара был разбит на квадратной формы кварталы. Каждый из них делился в свою очередь на четыре квартала поменьше пересекавшимися в его центре узкими переулками. Малый квартал назывался *тё*, то есть так же, как сегодня в Японии именуются городские кварталы. Для крупных застроек, каковыми были усадьбы знати, несколько *тё* объединялись, а для мелких, наоборот, *тё* разделялся на несколько участков, застраивавшихся по собственному усмотрению их владельцев.

Все расстояния в городе были строго выверены. Так, улицы прокладывались на расстоянии 265,5 метров друг от друга, каждая была шириной от 10,6 до 24,8 метров. Центральный проспект — Судзаку содзи (буквально Большая дорога Красной птицы), пересекавший город по оси север — юг, был шириной около 32 метров, включая сточные канавы по обеим сторонам. Свое название проспект получил от мифической Красной птицы, которая в древнем Китае символизировала юг. Ширина переулков составляла около 9 метров. Квартал занимал в среднем 1,4 гектаров.

Дворцовый комплекс занимал середину северной части города, будучи по форме почти квадратом, чуть-чуть вытянутым с востока на запад, со сторонами 925,4 и 906,8 метров. Его окружала высокая, до 5,5 метров, стена, крытая сверху черепицей, какой обычно покрывали крыши домов. В стене было двенадцать ворот, по три с каждой стороны. Ворота представляли собой солидное сооружение с двускатной крышей, опиравшейся на восемнадцать столбов, установленных по шесть в ряд и отстоящих друг от друга на пять метров.

За стенами располагались Большой зал приемов (Дайгокудэн), комплекс правительственных учреждений (Тёдоин) и императорская резиденция (Дайри). Их размещение повторяло размещение зданий на территории храмовых комплексов. При этом фасадами они также были обращены на юг, а самые важные строения —

резиденция императора — располагались на севере. Император появлялся в Дайгокудэн, а его министры собирались в Тёдоин, где не только проводились заседания правительства, но и отправлялись различные церемонии. Дайгокудэн был крупнейшей постройкой дворцового комплекса: по фасаду она тянулась на 45 метров, а в глубину — на 20 метров. Тёдоин состоял из двенадцати зданий, причем весь комплекс опять-таки имел форму правильного прямоугольника, вытянутого с юга на север.

В Фудзивара перенесли и Асука-дэра. Читатель помнит, что первоначально это был семейный храм клана Сога, но в 680 году по императорскому указу ему был присвоен статус официального храма. После перенесения в Фудзивара Асука-дэра стал именоваться *Гангодзи*.

Вместе с императором в Фудзивара переехала знать со своей многочисленной челядью, город заполнился чиновниками, солдатами, торговцами, в нем постоянно находилось большое число крестьян, занятых на земляных и строительных работах. Материальных свидетельств того, как жила столица, сохранилось не так уж много. Но из того, что найдено, можно сделать вывод о заметном китайском влиянии не только в планировке города, архитектуре строений дворцового комплекса, но и в образе жизни правящей верхушки. Это показали, в частности, раскопки захоронения Такамацудзука в Асука, произведенные в 1972 году.

Судя по всему, это захоронение члена императорской фамилии или же представителя знатного аристократического рода, и относится оно к концу VII — началу VIII века, то есть ко времени, когда существовала первая «постоянная» столица Ямато. Обычай сооружать захоронения в виде курганов, в плане напоминавших замочную скважину, уже отошел в прошлое. Такие захоронения — *кофуны* — отличались друг от друга только по размерам: у царей они были очень большие, у представителей знатных родов — поменьше. В этом обстоятельстве японские исследователи усматривают отражение того, что правители Ямато, вынужденные опираться на влиятельные кланы и во многих случаях зависевшие от них, считали себя по отношению к ним первыми среди равных. Но с середины VII века, после переворота, покончившего с засильем Сога, ситуация изменилась. Вышедшие на авансцену политической жизни Фудзивара, особенно поначалу, исходили из того, что повышение престижа двора в полной мере отвечает и их интересам. Свою роль в этом должна была играть и погребальная символика. Захоронения правителей стали отличаться от захоронений знати не только по размерам, но и по форме: первые были восьмиугольные, в то время как представители знати обретали вечный покой в захо-

ронениях квадратной формы. К ним относится и захоронение в Такамацудзука.

Раскопки обнаружили внутри могильного холма каменный склеп, оштукатуренные стены и потолок которого расписаны цветной настенной живописью. Мотивы сохранившихся фресок основаны на китайской космологии. На северной стене изображены змея с черепахой, голубой дракон занимает центр восточной стены, а на западной стене нарисован белый тигр. В древнем Китае каждое из этих животных символизировало соответствующую часть света, отсюда следует, что на южной стене, с которой штукатурка обвалилась, очевидно, было изображение мифической Красной птицы. Потолок склепа украшен рисунком созвездия Большого Ковша, над драконом изображено восходящее солнце, а над тигром — луна. Но самое интересное — это человеческие фигуры, которыми расписаны восточная и западная стены. На последней они сохранились лучше. Мы видим четырех женщин, по всей видимости, фрейлин императорского двора, облаченных в длинные, волочащиеся по земле одеяния, поверх которых надето нечто вроде кардиганов. В руке у одной из женщин круглый веер, у другой — метелочка, очевидно, для отпугивания мух. В одежде фрейлин заметно сильное корейское влияние, а стиль росписей в целом близок к живописи Танского Китая. Не исключено, что фрески в Такамацудзука были выполнены художниками, прибывшими с материка.

Открытие фресок поразило не только археологов, но и большинство японцев. И неудивительно: ведь фрески в Такамацудзука — это, пожалуй, самые ранние из обнаруженных до сих пор образцов светской живописи, изображения реальных людей — далеких предков японцев.

Наш рассказ об Асука подходит к концу. По принятой в Японии периодизации эпоха, когда центр политической и культурной жизни страны находился в этом районе, делится на два периода: Асука — с конца VI до середины VII века и Хакухо — с середины VII до начала VIII века. Это было время заметного усиления влияния материковой культуры, утверждения буддизма на японской земле, начала становления одухотворенного учением Будды искусства — сооружения храмов, создания первых буддийских статуй, произведений настенной живописи. Лучшее из культурного наследия той эпохи, дошедшего до наших дней, окрашено в буддийские тона. Вот почему, рассказывая об Асука, мы говорили в первую очередь о буддизме и буддийском искусстве. А что же местные боги? Не отвергли ли их японцы, приняв учение Будды, так же как тысячу лет тому назад принявшая крещение Русь отринув своих

богов? Нет, этого не произошло, да и не могло произойти, по крайней мере, по следующим двум причинам.

Вспомним, как завоевывал буддизм души людей в разных странах. Ни в одной из них проповедники нового учения не стремились ниспровергнуть местных богов. Наоборот, наиболее эффективное средство его утверждения они видели в том, чтобы заручиться их поддержкой, для чего их брали «на службу» Будде. Так, в Индии местные божества — дева — были включены в буддийский пантеон, стали верными защитниками и хранителями закона. В Китае буддийские проповедники одно время утверждали, что мудрецы древности — Конфуций, Лао Цзы и другие — якобы были посланы на землю Буддой в помощь людям. А придя на землю Японии, буддизм начал активно сотрудничать с местными богами, признав за ними их прерогативу как охранителей местности, где сооружались буддийские храмы. И поэтому сооружение храма никогда не начиналось до тех пор, пока на то не было получено соизволение местных богов.

На последующих этапах истории взаимоотношения между буддизмом и местной религией, получившей название *синто* — путь богов, принимали различные формы. Но, как правило, это были отношения сотрудничества, сосуществования, но не конфронтации. Это обстоятельство оказало решающее воздействие на формирование религиозного сознания японцев, обусловив их приверженность одновременно обеим религиям и их религиозную терпимость в целом.

Но была и другая причина, носившая чисто политический характер. При всех тех плюсах, которые правители Ямато нашли в новой религии, буддизм мог удовлетворить далеко не все их нужды. Идеологической основой господства царского дома по-прежнему оставалась концепция его «божественного» происхождения. В этом смысле буддизм не мог заменить местные культы. К тому же царям надо было ладить с влиятельными кланами, престиж которых опять-таки зиждился на системе сакральных генеалогий. Все это обусловило необходимость в сохранении и поддержании местных культов, в их сосуществовании с буддизмом. Для правителей Ямато это стало очевидно уже спустя короткое время после проникновения учения Будды в страну. Так, о царе Ёмэй, правившем в 585—587 годах, в «Нихон сёки» сказано, что он «верил в Закон Будды и почитал богов». А ревностный приверженец и пропагандист буддийского учения Сётоку тайси говорил в 607 году: «Разве может кто-нибудь перестать уважать и возносить молитвы небесным и земным богам? Поэтому пусть все мои приближенные всем сердцем почитают богов неба и земли».

Вот почему правители Ямато, покровительствуя буддизму и поощряя распространение нового учения, никогда не забывали о местных богах. Более того, они принимали меры с целью оформления многочисленных местных культов в единую национальную религию. Конкретно это нашло выражение в соответствующей обработке и систематизации мифов, легенд и преданий, связанных с царскими и другими влиятельными кланами. Японские исследователи склоняются к мнению о том, что начало этого процесса, который привел к составлению японского государственного мифа, игравшего роль идеологического обоснования права царей Ямато на власть, следует отнести к середине VI века. При этом они полагают, что составителями указанного мифа, равно как и легенды о восточном походе Дзимму, были образованные представители знати, близкие к царскому дому. Материал для построения государственного мифа они черпали как из легенд и преданий различных местностей Японии, так и из реалий окружавшей их среды. Так, рассказ о сотворении Японских островов божественной парой Идзанаги и Идзанами ведет свое происхождение от космогонического мифа, распространенного в древности среди рыбаков Авадзи — небольшого острова, отделяющего внутреннее море от Осацкого залива. Эпизод о сокрытии божественной прародительницы императоров Аматаэрасу в небесной пещере, по всей вероятности, заимствован из легенды о солнечном божестве местности Исэ, где, как помнит читатель, было создано святилище богини. Подобного рода примеров можно привести немало. Таким образом, местные предания, ничего общего не имевшие с мифом царского клана, будучи вплетены в его канву, стали составной частью государственного мифа. А вот еще любопытная деталь: в Такамагахара (на Равнине высокого неба), где верховенствует Аматаэрасу, мы встречаем божественных предков кланов, занимавших в VI веке наиболее влиятельное положение при дворе, в том числе неоднократно упоминавшихся Накатоми. Пантеон богов Такамагахара словом спроецирован с правящей верхушки царства Ямато. И не только пантеон: в Такамагахара встречаются те же географические названия, что и в Асука, среди них — знакомая нам гора Ама-но Кагуяма.)

Работа по составлению государственного мифа, начатая где-то в середине VI века, очевидно, заняла не одно десятилетие. Возможно, впервые он был зафиксирован в самых ранних хрониках царства Ямато, составленных в 20-х годах VII века, но до нас, к сожалению, не дошедших. Мы знаем японский государственный миф по более поздним источникам — неоднократно упоминавшиеся летописно-мифологические своды «Кодзики» и «Нихон сёки» датиру-

ются соответственно 712 и 720 годами. Значение этих двух сочинений для понимания древней Японии нельзя переоценить. «Кодзики» и «Нихон сёки» — это и самые ранние письменные памятники, и начало японской литературы, и первостепенной важности исторические источники, и ценнейший материал в изучении религиозных представлений японцев древности. Но в то же время это, возможно, один из наиболее ранних в истории человечества образцов политически мотивированного искажения и фальсификации исторического процесса, тенденциозного подбора и обработки мифов и старинных преданий в интересах обоснования права царского дома Ямато на власть. Причем обработка эта настолько очевидна, что многие японские ученые в свое время даже отказывали мифам «Кодзики» и «Нихон сёки» в праве называться мифами. Так, выдающийся исследователь древней Японии Цуда Сокити квалифицировал их как «политические повествования», качественно отличающиеся от мифов, которые являются продуктами народных верований. А основатель японской этнографии Янагида Кунио называл их «повествованиями в стиле мифов», не считая их подлинно народными мифами. Может быть, сегодняшнему читателю эти характеристики покажутся и излишне категоричными, но такую резкость суждений диктовало само время: высказывания Цуда и Янагида были сделаны в годы, когда мифы «Кодзики» и «Нихон сёки», будучи положены в основу школьного образования, использовались правителями милитаристской Японии как орудие идеологической обработки народа в духе преданности «божественному» императору, для культивирования идеи превосходства японцев над другими народами. Не будет преувеличением сказать, что японский государственный миф стал орудием убийства, ибо апеллируя к нему, любая авантюра военщины объявлялась «священной войной», а смерть за императора провозглашалась высшим благом, которого только может удостоиться человек. И было это уже в нашем столетии. Вот такая долгая политическая жизнь уготована японскому государственному мифу, истоки которого восходят к временам, когда цари Ямато обосновались в Асука.

Жизнь первой «постоянной» столицы царства оказалась куда короче. Фудзивара была заложена и сооружалась под непосредственным руководством сына Каматари — Фубито (659—720), одного из выдающихся государственных деятелей той эпохи. По иронии судьбы он же положил конец этому городу, выступив за перенос столицы на крайний север равнины Ямато. В обоснование этого предложения проводилось немало доводов: мол, и с водоснабжением в Фудзивара плохо, и пути, ведущие из столицы в другие районы страны, неудобны, да и сам город недостаточно велик,

чтобы разместить в нем увеличивающуюся с каждым годом армию чиновников правительственного аппарата. Вероятно, каждый из этих доводов в той или иной мере был справедлив, но судьбу первой «постоянной» столицы решили соображения иного, политического, порядка: Фубито и его сородичам очень хотелось возвести на престол своего внука Обито. Для этого надо было еще больше укрепить позиции клана Фудзивара при дворе, а сам факт переноса столицы, в чем опять-таки первую скрипку играли Фудзивара, представлял им для этого хорошую возможность. В 710 году, после отъезда императорского двора с его челядью и приближенными, массой чиновников и другого служилого люда, Фудзивара опустела. А от тех дней, когда люди покидали первую «постоянную» столицу, остались такие стихи:

Если Асука-селенье,
Где летают в поднебесье птицы,
Я покину и уйду отсюда,
Те места, где ты остался, мой любимый,
Неужели больше не увижу?

«Манъёсю», п. 78

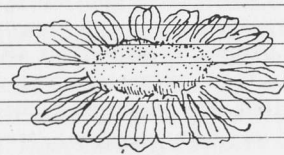
Это пятистишие сочинила императрица Гэммё, покидая Фудзивара. И, словно эхо, откликнулся этим печальным строкам оставшийся неизвестным поэт:

Государыня моя
Приказала...
Чтя приказ,
Сердцу близкий дом родной
Я покинул и ушел...
В скрытой среди гор стране,
В Хацусэ,
По глади вод
Долго плыл на корабле.

У извилин быстрых рек,
По которым плыл тогда,
У извилин быстрых рек,
Не минуя ни одной,
Все оглядывался я
На далекий край родной,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я...

«Манъёсю», п. 79

ХЭЙДЗЁ КЁ

*Прекрасная в лазури голубой
Столица Нара,
Как цветок расцветший,
Теперь настал
Её сияющий расцвет!*

*Ону Ою
«Манъёсю», п. 328*

Решение о переносе столицы было принято в 708 году. Место для сооружения нового города выбрали в 16 километрах к северу от Фудзивара. С точки зрения китайской геомантии оно было идеальным: с трех сторон — на востоке, севере и западе — его окружали холмы, к югу находился небольшой пруд, долженствовавший по китайским канонам символизировать центральную власть, через район застройки протекало несколько речек, обеспечивавших водоснабжение города. С Фудзивара место строительства было связано по меньшей мере тремя удобными дорогами. Строительные работы начались в том же 708, а уже в 710 году императорский двор переехал на новое место. Город назвали *Хэйдзё кё* — Столица Цитадели мира, а резиденцию императора соответственно *Хэйдзё кю* — Дворец Цитадели мира. Так в истории Японии началась новая эпоха — эпоха *Нара* по названию местности, где построили столицу.

В наши дни большинство приезжих прибывает в Нара поездами железнодорожной компании «Кинтэцу», конечная станция которой находится в самом центре города. Тут самые оживленные кварталы, в нескольких минутах ходьбы — здание префектурального управления, храмовый комплекс Кофукудзи, а чуть подальше — Тодайдзи с его знаменитым Большим Буддой. Но в описываемое время нынешний центр города приходился на восточную окраину

строившейся столицы, а храм Тодайдзи вообще не входил в ее пределы. Основное строительство шло примерно в 1,5—2 километрах к западу от нынешней станции Кинтэцу Нара на плоской равнине, занятой сейчас жилыми кварталами или же рисовыми полями.

По своей планировке Хэйдзё (будем так для краткости называть новую столицу) напоминала Фудзивара, но в три раза превышала ее по площади, составлявшей около 24 квадратных километров. Это был такой же вытянутый по оси север—юг прямоугольник со сторонами в 4,8 и 4,3 километров. Но с востока к нему примыкал прямоугольник поменьше (2,1 на 1,6 километров). Эта часть города называлась *Гай кё* — Внешняя столица. Именно там сегодня находится центр Нара. От главных ворот, воздвигнутых в южной стороне основного прямоугольника, шла прямая магистраль, упиравшаяся в дворцовый квартал. Как и в Фудзивара, она называлась Судзаку оодзи, но была гораздо шире, достигая 90 метров. Магистраль делила основную территорию города на две равные части, называвшиеся соответственно *Укё* и *Сакё* — Правая и Левая столицы, в каждой из которых был свой рынок. Как и в Фудзивара, городские кварталы образовывались в результате пересечения под прямым углом основных улиц шириной каждая от 21 до 36 метров. Каждый такой квартал делился узкими проулками на малые кварталы — *тё*, но было их не четыре, как в бывшей столице, а шестнадцать, хотя по размерам они не отличались от фудзиварских *тё*. Дворцовый квартал также был больше, чем в Фудзивара, да и земляная ограда, окружавшая его, была посolidней, достигая 6 метров в высоту и шириной у основания — 2,7 метров. Постройки внутри дворцового квартала были те же — Большой зал приемов, комплекс правительственных учреждений и императорская резиденция, но опять-таки размерами побольше.

Здесь следует обратить внимание на одну существенную деталь: в отличие от китайских и европейских городов, окруженных высокими крепостными стенами, ни в Фудзивара, ни в Хэйдзё, ни в других городах, которые потом становились столицами Японии, ничего подобного не было. Лишь по обеим сторонам от главных городских ворот — *Расёмон*, — откуда к императорскому дворцу вела магистраль Судзаку оодзи, на некотором расстоянии тянулись похожие на крепостные стены, а перед ними был вырыт столь же короткий ров с переброшенными через него тремя мостами.

Однако практического значения эти сооружения не имели. Их назначение состояло, скорее, в том, чтобы придать фасаду города престижный вид: ведь у главных городских ворот проходили церемонии встреч и проводов китайских и корейских послов, коим над-

лежало внушить, что столица японских императоров ни в чем не уступает столицам представляемых ими государств.

По различным оценкам население Хэйдзё составляло от 60 до 100 тысяч человек. Так или иначе, в городе не наблюдалось такой скученности, как в столице Танской династии Китая Чанъань, послужившей моделью для Хэйдзё: по площади Чанъань превышал Хэйдзё в четыре раза, но население его составляло 1 миллион человек.

На месте дворцового квартала Хэйдзё я побывал осенью 1988 года. Прошло почти 30 лет с тех пор, как начались крупномасштабные раскопки древней столицы. Глазам открылась непривычная, на первый взгляд даже странная картина. Было такое впечатление, будто находишься на территории парка, разбивка которого только-только началась. Обширное совершенно плоское пространство, расчерченное, словно по линейке, на большие квадраты и прямоугольники, частично посыпанные светлой каменной крошкой, частично засеянные травой. На этих зеленых лужайках — ровные ряды посаженных на одинаковом расстоянии друг от друга деревьев, на других — немного возвышающиеся над травянистой поверхностью большие плоские камни. Одна из лужаек с такими камнями приподнята метра на два-три, образуя совершенно правильной формы прямоугольную площадку, на которую можно подняться по уложенным со всех сторон ступеням. Как выяснилось из надписей на установленных там и сям щитах, на месте приподнятой площадки находился Большой зал приемов, крупные плоские камни — это опоры для несущих конструкций различных построек; участки, засеянные травой, обозначают места расположения зданий, показывая их подлинные размеры, а деревьями отмечено местонахождение опорных столбов зданий. Все вместе, включая восстановленные ворота и часть стен, ландшафтный сад, — результат многолетнего труда археологов, историков, художников, реставраторов, садовников, строителей и людей других профессий, попытавшихся донести до нас дух и облик далекой эпохи. Находясь в этом своеобразном парке, вновь убеждаешься в том, что в Японии достижения археологии не только достояние узкого круга специалистов. То, как они пропагандируются и как подаются, делает их фактором сегодняшнего дня, важнейшим элементом образования и нравственного воспитания подрастающего поколения в особенности, да и вообще всех японцев.

Честно говоря, с еще большей остротой осознал я громадность и значимость проделанной на месте древней столицы работы, когда некоторое время спустя побывал на выставке, посвященной 30-летию начала раскопок Хэйдзё, а затем на еще одной экспози-

ции, тематика которой охватывала лишь часть этих раскопок, на месте усадьбы одного из виднейших государственных деятелей начального периода эпохи Нара — принца Нагая, человека трагической судьбы, несправедливо обвиненного его политическими противниками из дома Фудзивара в заговоре против императора и вынужденного вместе с женой и детьми покончить с собой. Этому печальному событию посвящены стихи, сложенные современницей злосчастного принца:

Чтя волю государя своего,
Приказу ты повиновался,
И потому, хоть срок не вышел для тебя
Быть в усыпальнице священной,
В далеких облаках ты скрылся навсегда!

«Манъёсю», п. 441

История раскопок усадьбы Нагая весьма показательна для отношения японцев к своему историческому наследию. В середине 80-х годов компания «Сого», владелец сети магазинов, охватывающей всю страну, решила построить свой универмаг в Нара. Однако, поскольку строительство планировалось на месте расположения древней столицы, в предварительном порядке было проведено обследование отведенного под здание участка, обнаружившее, что он представляет большой интерес для археологов.

Начались раскопки, которые велись три года, с 1986 по 1989 год. Только после их окончания «Сого» получила разрешение приступить к строительству, да и то обусловленному рядом ограничений, в частности, запрещением размещать под зданием складские помещения.

Раскопки дали исключительно интересные результаты. В частности, было обнаружено не менее 50 тысяч *моккан* — небольших деревянных дощечек, на которых в VIII веке писали короткие послания, указания о производстве тех или иных работ и отчеты об их выполнении, распоряжения о доставке продуктов и товаров, расписки в их получении, объявления и т. п. Мокканы использовались в качестве бирок, прикреплявшихся к доставляемым в столицу грузам, чеков, по которым выдавались на господской кухне обеды многочисленным чиновникам и слугам, занятым в усадьбе Нагая.

Изучая мокканы, равно как и многие другие предметы, найденные в ходе раскопок, удалось восстановить повседневную жизнь обитателей не только усадьбы Нагая, но и всей столицы. Вот на этом и строилась экспозиция, одним из организаторов которой, кстати сказать, была все та же компания «Сого», выполненная не только

на высоком научном уровне, но и проникнутая участием к судьбам людей далекой эпохи, стремлением донести до посетителей выставки повседневные дела и заботы их предков.

Такой подход определял и характер пояснений к экспонатам. Вот моккан, который сообщает о служебных обязанностях некоего Идзумо-но Оми Ясумаро, мелкого чиновника, выполнявшего в усадьбе Нагая отдельные поручения, бывшего, что называется, «на подхвате». За год он отработал 320 дней, да еще 185 раз выходил на службу вечерами. «В наши дни, когда в порядке вещей становится рабочая неделя с двумя выходными, просто не верится, что могут быть такие одержимые работники», — комментирует автор пояснения.

Рассказывая далее, что, судя по составленному 13 лет спустя документу, Ясумаро за эти годы лишь чуть-чуть поднялся по служебной лестнице, автор пояснения сетует на нелегкую жизнь этого маленького человека, имя которого чудом дошло до нас из невообразимого далека сквозь почти тринадцативекową толщу времени.

Пусть меня обвинят в легковесном и ненаучном подходе, но я глубоко убежден, что именно вот такая живая подача экспоната куда нужнее и важнее с точки зрения нравственного воспитания, чем сухие рассуждения о смене общественно-экономических формаций и методах и формах эксплуатации, в которых нет и следа присутствия главного — судьбы обыкновенного человека. Наблюдая за посетителями выставки, за тем, как терпеливо объясняют они экспозиции своим детишкам — а их было там немало, — я словно ощущал живую связь времен, теплое человеческое участие к давно ушедшим в небытие людям, пусть не оставившим заметного следа в истории, но не менее интересным, чем выдающиеся государственные деятели или прославленные полководцы. Ибо каждый человек — это богатый и неповторимый мир. И казалось, что каким-то необъяснимым образом сжимается разделяющее нас с Ясумаро время.

Позже я познакомился с размышлениями русского философа прошлого века В. Фёдорова о роли музеев в народном самопознании, которые воскресили в памяти и описываемую экспозицию, и многие другие выставочные и музейные экспозиции, которые довелось видеть в Японии. Музей, писал В. Фёдоров, учреждение, где знание неотделимо от нравственности. В нем «обитает разум не только понимающий, но и чувствующий утраты, скорбящий о них, ибо музей — храм поминовения тех, кого должно и можно воскресить совокупными усилиями сынов, не забывших долга относительно отцов».

Достоины воскрешения в памяти потомков и те десятки тысяч согнанных со всех концов страны крестьян, отбывавших трудовую повинность на строительстве новой столицы. Поистине нелегкая им досталась доля. Хотя место для города было выбрано на равнине, идеально ровным оно не было. Надо было срезать холмы, засыпать овраги, прокладывать улицы, менять течение рек, протекавших по территории застройки. Чтобы подготовить площадку для строительства дворцового комплекса, пришлось сравнять с землей даже несколько *кофунов* — усыпальниц знати. Все работы велись вручную. Тяжкий труд, недостаток продуктов питания, которые доставлялись нерегулярно, унесли жизнь многих. После того как строительная площадка была выровнена, начался не менее тяжелый этап работ: доставка стройматериалов. 300 тысяч кубометров бревен и досок, полученных от разборки строений в Фудзивара, разумеется, не хватило. Лес рубили в горах в нескольких десятках километров к северу от новой столицы, а затем сплавляли по рекам, тащили волоком, преодолевая крутые склоны горных троп.

Есть в «Манъёсю» песня, в которой рассказывается о сплаве леса, предназначенного для строительства дворца, правда, не в Хэйдзё, а еще в Фудзивара. Но для обеих столиц лес рубили на склонах горы Таноками на юге нынешней префектуры Сига и сплавляли по одним и тем же рекам.

Будто бы плывут в воде	Сбив плоты,
Водоросли — жемчуга,	Сплавляют лес,
По течению плывет	Волоком и по реке
Лес, что велено сплавлять	На постройку гонят лес.
И, сплавляя этот лес,	И когда согласишься ты,
Там шумит рабочий люд.	Как старается народ,
Дом родной свой позабыв,	Ты увидишь, что и впрямь
Не щадя последних сил,	Волну он вершит богов!
Словно утки, целый день	
Не выходят из воды.	

«Манъёсю», п. 50

Доведись поэту побывать на сплаве леса, предназначенного для дворца в Хэйдзё, он, очевидно, нарисовал бы такую же розовую идиллическую картину, лишь отдельные детали которой («не щадя последних сил... не выходят из воды») намекают на то, каким изнурительным был труд людей, вершивших волю своего правителя.

Надписи на деревянных дощечках не столь красочны, но зато называют вещи своими именами. Из них мы узнаем, например, что

для крыш дворцовых строений и домов знати требовалось от 5 до 6 миллионов штук черепицы. Ее обжигали в специальных печах, устроенных на склонах близлежащих холмов, а доставляли к месту строительства на спинах крестьян, каждый из которых нес не менее чем по 30 килограммов.

Переезд в Хэйдзё начался полтора года спустя после того, как развернулось строительство. Но еще долго стучали топоры, еще долго сновали по улицам города крестьяне-строители. На первых порах они и составили значительную часть населения столицы, хотя городскими жителями их не считали, даже постоянных жилищ для них не строили: ютились они в полуземлянках — *татэана*. Постоянное же население Хэйдзё помимо императорской семьи и примерно ста семей знати составляла их многочисленная челядь, растущая армия чиновников разных рангов, монахи, обитавшие примерно в сорока храмах, воздвигнутых в городе, несшие охрану дворцового комплекса солдаты.

Участки для застройки распределялись в соответствии с социальным положением жителей города. Чем выше был придворный ранг, тем ближе к императорскому дворцу позволялось его обитателю строить усадьбу, тем больше она была по размерам, тем больше было шансов на то, чтобы ворота ее выходили на одну из главных улиц города. Придворные третьего ранга и выше пользовались правом застраивать 4 тё, то есть до 67 тысяч квадратных метров площади, четвертого—пятого рангов — один тё, шестого ранга — половину тё и т. д. А тем, кто вовсе не имел рангов, полагалась лишь одна шестьдесят четвертая тё — примерно 250 квадратных метров. На этом участке можно было разместить лишь жилой дом, небольшую хозяйственную постройку, колодец да крохотный огород. Жилой дом, как правило, был размером 7 метров на 5 метров. Конструкция его отличалась предельной простотой: на врытых прямо в землю тонких — диаметром до 20 сантиметров — столбах, устанавливаемых на расстоянии примерно 1,8 метров друг от друга, крепилась деревянная рама, крышу сооружали из бамбуковых жердей, покрытых соломой или драпкой. Пол был земляной, внутренние перегородки отсутствовали. Практически не было и мебели, если не считать одной-двух полок, на которых размещалась глиняная посуда.

Обнаруженные в ходе раскопок мокканы позволяют составить представление о рабочем дне сотен чиновников низших рангов, занятых в правительственных учреждениях дворцового квартала. Им надлежало прибыть к воротам квартала до трех часов утра, а для этого уже в два утра быть на ногах: как уже говорилось, жилища мелко чиновной братии располагались подалеке от двор-

ца, как правило, на южной окраине города, откуда до ворот дворцового квартала было 2,5—3 километра. Наскоро позавтракав чашкой неочищенного риса, приправленного солью, да похлебкой из свежих овощей, чиновник спешил к воротам, которые открывались по сигналу — ударам в большой барабан. Проходя ворота, каждый служащий обязан был сдать деревянную бирку со своим именем. Так осуществлялся контроль за выходом на работу, и в зависимости от этого начислялось жалование. В отличие от более поздних времен, когда японцы писали сидя на циновках за низкими столиками, в конторах правительственных учреждений работали за столами нормальной высоты, сидя на стульях, то есть так, как это было принято в Китае. Большое число чиновников было занято ведением разнообразных счетных книг: во дворец в качестве подати поступали грузы со всех концов страны, их следовало зарегистрировать, надлежало образом распределить и т. п. Наиболее важные документы писали на бумаге; то, что попроще, — на мокканах. Для этого часто прибегали к уже использованным мокканам — с них соскребали прошлые записи и наносили новые. Те же мокканы, которые уже не представлялось возможным употребить даже для тренировок в правильном написании иероглифов, просто выбрасывали в проложенную поблизости сточную канаву (именно в такой канаве и было обнаружено наибольшее количество мокканов).

Формально рабочий день заканчивался в полдень. Кстати, именно по этой причине комплекс правительственных учреждений получил название *Тёдоин* — Утренний зал. Но, как мы уже могли убедиться, чиновникам низших рангов и служащим приходилось работать и во второй половине дня, по меньшей мере половину года. А ведь еще надо было заняться и своим огородом, служившим каким-никаким источником пропитания. О том, как простолюдины проводили свободное время, в мокканах свидетельств нет. Да и вряд ли им было до развлечений.

Жизнь знати выглядела полным контрастом жалкому существованию простолюдинов. То был совершенно иной мир. Взять хотя бы усадьбу Нагая. По существу, то был город в городе: помимо домов, в которых жили принц и члены его семьи, где принимались многочисленные гости, на территории усадьбы размещалось множество разных контор, конюшни, вольеры для птиц и животных, содержавшихся для развлечения хозяев и их гостей, мастерские, в которых производилось многое из того, что было необходимо для самообеспечения жителей усадьбы: посуда, одежда, мебель и т. п. Сырье для их изготовления, не говоря уже о продуктах питания, регулярно доставлялось из поместий принца.

Это обширное хозяйство обслуживало не менее 400 человек, находившихся на содержании государства. Пусть читатель не думает, что принц злоупотреблял своим служебным положением: так полагалось в соответствии с его рангом и занимаемым постом: он был левым министром двора. Среди многочисленной челяди Нагая были гончары, кузнецы, ткачи, шорники, оружейники, углежogi, прачки и люди многих других профессий. Жили они тут же, работали с утра до позднего вечера, питались, получая чашку неочищенного риса с жидкой овощной похлебкой на господской кухне по предъявлении деревянных бирок, служивших чем-то вроде чеков в наших общественных столовых.

Знакомство с этими и подобными им деталями невольно наводит на мысль о том, что присущий японцам высокий уровень организации всех сторон повседневной жизни и деятельности различных ведомств и учреждений уходит своими корнями в ту далекую эпоху. А может быть, стоит заглянуть еще глубже: сам характер поливного рисосеяния, требующего кропотливого труда, миниатюрные размеры рисовых полей, обуславливающие стремление к использованию максимально эффективно каждого клочка земли, для чего нужны повышенная четкость и аккуратность (достаточно вспомнить, как еще совсем недавно вручную высаживались саженцы риса вдоль протянутой от края до края поля бечевки!), содействовали воспитанию у японцев чувства самодисциплины и организованности. Заимствованные же в VII—VIII веках китайские методы управления попали уже на хорошо подготовленную почву и потому так быстро привились.

Вернемся, однако, в усадьбу Нагая. Убранство жилых помещений говорит о смешении японских и заимствованных из Китая черт. Войти внутрь, не снимая обуви, как это было принято даже в аристократических китайских домах, было нельзя: земляные полы комнат, разделенных легкими подвижными ширмами, покрывались коврами. Мебель состояла из низких столиков (за которыми писали, сидя на ковре), полок, сундуков для хранения одежды. Спали, однако, не так, как сегодня в традиционном японском доме, расстелив матрацы — *футоны* — прямо на циновках, а на низких деревянных кроватях, наподобие китайских канов. Пища хозяев усадьбы отличалась разнообразием и изысканностью: очищенный рис, всевозможных видов овощи, фрукты, мясо диких кабанов, оленей, диких птиц, такие деликатесы, как икра морского ежа, разнообразные съедобные моллюски и т. п. Деликатесы подчас доставлялись из весьма отдаленных мест. На бирках, прикреплявшихся к продуктам, которые доставлялись в усадьбу, можно прочесть десятки разных географических названий. Любопытно, что

большинство блюд, которыми питались Нагая и его ближайшее окружение, практически не отличалось от блюд современной японской кухни, разве что меньше было всяких приправ, совсем не было соевого соуса, без которого сегодняшние японцы практически не садятся за стол. В целом по сравнению с нашим временем пища была более легкой и менее калорийной. Подавали яства в лаковых чашках, ели покрытыми лаком палочками и длинными ложками. Именно в этот период зародился обычай употребления палочек для еды. Нагая мог позволить себе редкую по тем временам роскошь: из специального ледника, устроенного в нескольких километрах от города, в самый разгар лета ему доставляли лед.

В усадьбе нередко устраивались приемы, на которые приглашались аристократы, ученые, поэты, а временами даже заморские послы. Гостей принимали в саду на берегу пруда. В этих случаях угощения подавались на позолоченной посуде, ели позолоченными палочками и ложками. Собравшихся развлекали приглашенные из императорского дворца музыканты и танцоры, хозяин и гости декламировали стихи собственного сочинения. Сочинять стихи на китайском языке было признаком высокой образованности. Этим и занимались участники приемов в усадьбе Нагая. Впоследствии сочиненные ими китайские стихи были собраны и составили сборник «Кайфусо». Но Нагая сочинял и по-японски. Несколько его стихотворений можно найти в «Манъёсю»:

Возле Удзима-гор
Утром холоден ветер,
Я в пути нахожусь,
Нет любимой жены,
Что могла бы мне дать на дорогу одежду!

«Манъёсю», п. 75

Нагая оставил после себя не только стихи. Он был ревностным приверженцем Закона Будды, покровительствовал монастырям, жертвовал монахам ткани на их ритуальные одеяния. В усадьбе Нагая постоянно работали переписчики сутр и мастера буддийской скульптуры. По повелению принца дважды переписывали очень популярную в ту эпоху сутру Великого Разума (*Дайханъя кё*), причем объем переписанного текста составил 600 свитков.

Усадьба Нагая была обнесена высокой глинобитной стеной, поверх которой виднелись лишь крытые корой кипарисовика крыши самых высоких строений. Апартаменты знати были скрыты от глаз простого люда. Зато в храмы мог войти каждый. Мы уже упоминали о том, что в городе с населением не более 100 тысяч человек только государственных храмов насчитывалось

свыше сорока. Их строительство шло практически непрерывно все 74 года, в течение которых Хэйдзё оставался столицей. Сначала сюда переносили храмы из Фудзивара. Благодаря этому в Хэйдзё оказалось немало буддийских статуй, созданных в предшествующую эпоху. Затем стали строить новые храмы. Иные сооружались на месте усадеб знати и членов царствующего дома. Так, в 745 году в пределах резиденции императрицы Комё, приходившейся дочерью Фудзивара-но Фубито, был воздвигнут женский монастырь Хоккэдзи — Храм лотоса. Та же Комё в 747 году повелела соорудить *Син Якусидзи* — Новый храм Будды — целителя Якуси — специально для того, чтобы возносить молитвы о выздоровлении императора Сёму. Храмов, построенных с такого рода целями, было немало. Поводом для строительства *Сайдайдзи* — Великого храма Запада, последнего из крупных храмов, сооруженных в Хэйдзё, послужила попытка государственного переворота, предпринятая одним из Фудзивара — Накамаро. В храме молились о подавлении мятежа, поднятого Накамаро.

В описываемую эпоху буддизм еще не проник в гущу народной жизни. Простой люд продолжал почитать своих местных богов-покровителей. Широко была распространена магическая практика — заговоры, заклинания с целью отвратить злые силы, исцелиться от болезни, предотвратить эпидемии или же, наоборот, наслать всяческие беды и даже погибель на недоброжелателей. Для этого использовались вырезанные из дерева маленькие человеческие фигурки: считалось, что, если наречь фигурку именем врага, проткнуть ее глаза и грудь, прочтя соответствующее заклинание, враг погибнет. Именно в попытке погубить таким образом императора был несправедливо обвинен принц Нагая. Широко практиковались обряды очищения, церемонии успокоения земли при закладке новых строений (*дзитинсай*), вошедшие составной частью в культ национальной религии и сохранившиеся до наших дней. После рождения ребенка послед закапывали у входа в дом: считалось, что, чем больше его будут топтать, тем здоровее будет младенец и тем скорее он вырастет. Вот эти верования, частично связанные с религиозными представлениями глубокой древности, частично заимствованные с материка, и составляли основной фон духовной жизни не только простолюдинов, но и значительной части привилегированных групп населения.

А какую же роль играли буддийские храмы? Чем занимались монахи, которых в иных храмах насчитывалось по 200—300 человек? Тесно связанные с императорским двором и его окружением, они обслуживали идеологические нужды правящей верхушки. В государственных храмах молились о сохранении мира, спокойствия

обряды

в стране, процветания государства, о даровании исцеления занемогшим членам императорской фамилии. Сопровождавшиеся пышными, красочными обрядами службы были призваны внушить подданным императора представления о его величии и могуществе. Буддизм в эпоху Нара был подлинно государственной религией.

Вместе с тем храмы были центрами культуры, а монахи — ее главными носителями. Они составляли большую часть образованных людей, тушечница и кисти для письма были неотъемлемыми атрибутами каждого из них. В стенах храмов шла непрерывная работа по переписыванию буддийских текстов, проводилось их систематическое изучение. Именно в нарсских храмах сложились ранние школы японского буддизма: Санрон, Дзёдзицу, Куся, Рицу, Хоссо, Кёгон. Храмы давали заказы мастерам буддийской скульптуры, ставшей в ту эпоху основной формой художественного выражения.

Исключительно большую роль играли монахи в обменах с Китаем. Их неизменно включали в посольства, направлявшиеся ко двору китайского императора, но они использовали и другие возможности попасть в Китай. Оттуда они привозили не только сутры и комментарии к ним, но и передовые знания, наблюдения за жизнью заморских соседей, столь отличной от того, что они видели у себя дома.

Не будет преувеличением сказать, что деяния этих людей граничили с подвигом. Как ни близки друг к другу Япония и Китай, но их разделяет море, служившее тогда труднопреодолимым препятствием для несовершенных парусных судов. Иногда путешествие в один конец занимало несколько месяцев. Много времени уходило на то, чтобы дожидаться попутного ветра. Вышедшее на морские просторы суденышко подстерегали мощные тайфуны. И если даже ему удавалось устоять перед натиском бури, не раз бывало, что его относило к неведомым берегам. А на подходе к Китаю судно рисковало стать добычей пиратов, сновавших в прибрежных водах.

Поэтому не всем из тех, кто отправлялся в Китай даже на посольских судах, удавалось добраться до места назначения. Тем же, кому повезло, предстояло провести в чужой стране долгие годы, а иногда и десятилетия, прежде чем им представлялась возможность вернуться на Родину. Все это время они посвящали постижению Закона Будды, изучению правил, регулировавших жизнь монашеской общины, богатой и сложной буддийской иконографии. Но главным было переписывание сутр, ибо в ту эпоху не было иных способов распространения знания Закона. И занимались этим японские монахи с неистовой одержимостью, стремясь донести до соотечественников учение Будды во всей его полноте.

Образ одного из таких одержимых рисует писатель Иноуэ Ясуси в романе «Черепичные крыши Тэмпё» (*Тэмпё* — период времени с 729 по 767 год, на которые приходится расцвет Нара). Роман посвящен событиям, связанным с приездом в Японию китайского монаха Гандзина, речь о котором пойдет еще впереди. Но, пожалуй, самый запоминающийся персонаж книги — монах Гёко, проведший в Китае свыше 30 лет и переписавший за это время громадное количество сутр. Этот титанический труд состарил его, лишил сил и здоровья. Он отлично понимал, что по возвращении в Японию его не ждут ни почести, ни награды, ни высокое положение в мире буддийского духовенства — слишком долго отсутствовал он, чтобы рассчитывать на то, что кто-то вспомнит о нем и воздаст должное его трудам. Но это отнюдь не печалило его. Главное — донести накопленное им бесценное богатство до Японии, где, как он убежден, переписанные им сутры обретут свою самостоятельную жизнь. «Только бы добраться до Японии! Как только я ступлю на ее землю, — говорит он, — сутры сами собой разойдутся по стране. Множество монахов будет их читать, переписывать, изучать. И учение Будды широко разнесется по земле».

Но судьба распорядилась иначе: бесценные свитки стали добычей моря, погиб и сам Гёко, не отходивший от них ни на шаг. Эта трагическая картина рисуется в воображении расставшегося с Гёко за несколько дней до этого монаха Фусё (доподлинно историческая личность, о которой еще будет упомянуто).

«На рассвете 20-го дня Фусё, не понимая, происходит ли это вовне или наяву, очнулся от крика Гёко. Не было никаких доказательств, что кричит Гёко, но у Фусё не возникало сомнения, что он слышит именно его крик. Волны вздымались высоко, и судно по-прежнему тряслось, как древесный лист. Оно то взлетало на гребень волны, то падало в водную пучину, и всякий раз, когда оно стремительно низвергалось вниз, глазам Фусё, как ни странно это было, открывалась отливавшая синевой спокойная и чистая морская гладь. Вода была необычайно прозрачной, и сквозь ее толщу виднелись колышавшиеся на дне нити зеленых водорослей. И Фусё увидел, как в эту воду один за другим погружаются десятки свитков сутр. Свитки по одному, словно дрожащие всем телом живые существа, падали в воду и исчезали на дне, над которым колыхались зеленые водоросли. Они опускались на дно один за другим через короткие промежутки времени, и это бесконечное их погружение рождало какое-то тоскливое чувство невосполнимой утраты. И каждый раз, когда в глазах Фусё странным образом возникала эта спокойная морская гладь, откуда-то доносился горестный крик Гёко.

Судно много раз взлетало на гребень волны и тут же падало вниз. И много раз в ушах Фусё звучал этот печальный крик, а перед глазами возникала картина многочисленных свитков, которые один за другим, вращаясь, опускались в прозрачной морской воде.

Внезапно Фусё пришел в себя. Он не мог понять, то ли ему привидился сон, то ли все это происходило на самом деле. В его ушах все еще звучал исполненный глубокой печали крик Гёко. А глазам отчетливо рисовалась картина десятков, сотен свитков, которые, дрожа, опускались среди зеленых водорослей, и необычайная прозрачность поглощавшей их морской воды.

Прошло долгих четыре года, прежде чем до Нара дошло известие о том, что посольское судно, на котором плыл Гёко, потерпело кораблекрушение. Спасся лишь посол и с ним не более десятка человек. Старого больного монаха с его бесценными свитками среди них не было...

Несмотря на все потери и неизбежные издержки опасных и рискованных морских путешествий, подвижники, подобные Гёко, продолжали упорно делать свое дело. Сотни и тысячи свитков с сутрами и комментариями все-таки доходили до Японии, где сотни переписчиков делали с них новые копии, и сияние Закона все ярче разгоралось над японской землей. Монахи были поистине интеллектуальной элитой нации, вдохновителями и творцами буддийской культуры, ее верными хранителями на протяжении всей истории страны. Многое из бесценного наследия прошлого дошло до нас благодаря самоотверженным, а подчас и героическим усилиям людей в рясах — в ряде случаев очень известных, а чаще всего оставшихся безвестными. Слово «героические» употреблено с полным основанием: ценнейшие документы не раз приходилось спасать буквально из пламени. Не могу не вспомнить в связи с этим посещение выставки, посвященной 1100-летней годовщине смерти Энтина, выдающегося деятеля японского буддизма IX века. На выставке экспонировались, наряду со скульптурой и произведениями живописи из храма Миидэра, хранящиеся там документы, связанные с жизнью Энтина, в том числе сутры и зарисовки, привезенные им из Китая. Я вновь и вновь подходил к стендам с этими экспонатами, не в силах поверить, что в большинстве своем отлично сохранившиеся документы относятся к IX веку. А поверить в это действительно трудно, если знать историю Миидэра — храма на берегу озера Бива, который за свою 13-вековую историю неоднократно сгорал дотла, становясь жертвой междоусобиц, в том числе и между различными группировками самих монахов. И каждый раз находились люди, которые, рискуя жизнью, выносили из огня эти

свитки, спасая тем самым нечто большее — саму историческую память народа.

А сколько храмов и монастырей были возрождены из пепла стараниями монахов! Об этом рассказ впереди. А сейчас хотелось бы помянуть добрым словом тех, кто, выполняя повеление властителей страны, осуществлял самые смелые проекты заморских и своих собственных архитекторов и скульпторов, кто творил красоту Нара. И для этого надо рассказать о *Тодайдзи* — Великом Восточном храме.

Каждый раз, когда судьба дарит мне счастье увидеть громадину *Дайбуцудэн* — Зала Большого Будды, когда, войдя в Зал, пытаюсь охватить взором 16-метровую бронзовую статую, я задаюсь вопросом, который, очевидно, возникает у всякого, кто оказывается лицом к лицу с памятниками древнего зодчества и скульптуры, в какой бы стране они ни находились: как создали такое в эпоху, когда не было ни больших кранов, ни мощных траков, перевозивших тяжелые и громоздкие грузы, ни самих дорог, по которым сейчас движутся такие траки, ни многих умных машин и механизмов, без которых в наши дни немыслимо сколько-нибудь значительное строительство? Как удалось восстановить и статую, и Дайбуцудэн, не раз разрушавшиеся в последующие века? Вот как отвечает на эти вопросы история.

...Указ о строительстве Тодайдзи был издан императором Сёму 15 октября 743 года. В то время монарх находился не в Хэйдзё, а в местности Сигараки, к северу от Нара, куда он вынужден был бежать в разгар мятежа, поднятого одним из Фудзивара — Хироцугу — с целью возвести на престол более послушного воле могущественного клана члена императорской фамилии. Не случайно идея сооружения Тодайдзи родилась в это время. Великий Восточный храм замыслился как главный культовый центр буддизма, долженствовавший защитить императорский двор в эпоху смут и политических неурядиц, обеспечить мир и спокойствие в государстве. Примером в этом плане правителю Японии служил Китай, переживавший при императорах Танской династии период экономического и культурного расцвета и военного могущества. Не потому ли, что Китай пользуется покровительством Закона Будды? Не потому ли, что подданные китайского императора возносят молитвы Будде, а его гигантская статуя, воздвигнутая близ древней столицы Лоян, надежно защищает Срединную империю? Очевидно, такие мысли не раз возникали у императора Сёму и его окружения. Вот и решили начать с сооружения грандиозной статуи Будды *Вайрочана* (по-японски — Будда Великое Солнце), присутствующего повсюду во Вселенной. Выбор Вайрочана тоже не был

случайным: Будда Великое Солнце служил главным объектом почитания у монахов школы *Кэгон* — школы Величия Цветка Закона, пользовавшихся тогда наибольшим влиянием при дворе. Учение *Кэгон* рассматривало вселенную как совершенное единство всех форм существования, взаимно проникающих друг в друга и сливающихся друг с другом.

Проект статуи был составлен группой мастеров под руководством Кунинака-но Кимимаро, выходца из семьи натурализовавшихся корейцев. Сначала отлили уменьшенную модель, послужившую прототипом статуи. Затем из больших бревен, к которым гвоздями прибивали жерди поменьше, соорудили ее остов. Эту конструкцию обмазывали глиной, смешанной с песком. Изготовление формы заняло целый год. Но главные трудности ждали ваятелей впереди. В Японии не было прецедента отливки таких гигантских статуй. Восемь раз строители принимались за литье, терпя неудачу за неудачей. Работа шла почти непрерывно — днем и ночью в течение двух лет. Зарево над площадкой у северо-восточной окраины столицы, где отливали статую, было видно на несколько десятков километров окрест. Все ресурсы государства были мобилизованы на сооружение гигантского Будды. Из разных мест везли медь, олово, ртуть. Развернувшиеся по всей стране поиски золота, необходимого для того, чтобы покрыть тело статуи, увенчались успехом: драгоценный металл нашли на далеком севере в провинции Муцу, обитатели которой — предки нынешних айну — лишь незадолго до этого были подчинены правителям Японии.

И вот громадная статуя наконец отлита. Нетрудно вообразить себе, какое потрясающее впечатление произвел на японцев того времени вознесшийся на более чем 16-метровую высоту гигант, с каким трепетом взирали они на этого колосса. Ведь только лицо Будды было 5 метров от уха до уха, длина его вытянутой ладони составляла 3,7 метров, а средний палец достигал двух метров. Даже урна — глаз мудрости во лбу — был больше нормальной человеческой головы, а в ноздри легко мог заползти взрослый человек. Вес пьедестала статуи, исполненного в форме цветка лотоса, составил 130 тонн. Всего же на сооружение Большого Будды пошло около 444 тонн меди, 82 тонны олова, большое количество золота.

По завершении отливки статуи началось строительство Дайбуцудэн, которое столкнулось с неменьшими сложностями. Лес для Зала Большого Будды рубили в горах к северу от Нара. Связанные в плоты бревна сплавляли по рекам, на которых было немало мелей и перекатов. Плоты часто застревали на них. Был найден хитроумный способ выхода из создавшегося положения: соорудили плотину, ожидая, пока вода поднимется до уровня, при кото-

Вид
на Зал
Большого
Будды
с горы
Вакакуса

Вид на Зал Большого Будды со склона Нарасака →

*Колокольня
Тодайдзи*

*Конгоси,
страж
Закона
Будды
(Тодайдзи,
XIII в.)*

ром станет возможен сплав, и тогда пускали плоты. То же самое повторяли вслед за тем на новом участке. И так — много раз, производя это своеобразное шлюзование. На одной из речек приходилось проводить большие бревна — длиной 20 метров и диаметром 2 метра — через узкое порожистое ущелье, образованное нависшими над потоком скалами. Немало сплавщиков заплатили жизнью или стали калеками, работая на этом проклятом месте. Легенда рассказывает, что монах Робэн, сыгравший большую роль в пропаганде сооружения Тодайдзи и ставший позже настоятелем храма, придя в ущелье, прочитал молитву, благодаря чему скалы рассыпались и сплав был значительно облегчен. Но, как хорошо известно, подобного рода чудеса возможны только в легендах, и можно лишь догадываться, какого труда стоило людям добиться расширения речного русла... Наконец пройдены ущелья, преодолены мели и пороги, бревна вытаскивают на берег реки Кидзу, откуда еще шесть километров до стройки. И перед мысленным взором встают тысячи людей и сотни волов — последних было куда меньше, чем людей! — волокущих этот тяжелый груз к Большому Будде день за днем, ночь за ночью при свете звезд...

9 апреля 752 года при большом стечении народа, в присутствии императорской четы состоялась церемония освящения Большого Будды. Такие церемонии называются *кайгэн куё* — «служба по случаю открытия глаз», поскольку в ходе церемонии рисуют глаза статуе. Эту миссию в Тодайдзи взял на себя монах Барамон (Бодайсена), приглашенный специально из далекой Индии, возможно, первый индус, побывавший на японской земле. Свыше 10 тысяч монахов из всех храмов Хэйдзё читали сутры, исполнялись придворные танцы бугаку, звучала придворная музыка гагаку. Такого торжества императорская столица не видела никогда, ни до, ни после за всю свою 74-летнюю историю.

Однако судьба Большого Будды сложилась непросто. Немало неприятностей претерпел он от неуправляемой стихии, а еще больше от злой воли людей. Беды его начались в 855 году, когда во время землетрясения у статуи отвалилась голова. Было еще несколько подобного рода случаев. Но самое страшное ожидало Большого Будду в конце XII века. К этому времени прошло уже почти четыре столетия, как столица была перенесена в *Хэйан* — нынешний Киото. Ушла в прошлое эпоха, когда всем и вся при императорском дворе заправляли люди из клана Фудзивара. Большие изменения произошли и в самой структуре правящего лагеря. Реальная власть во все большей мере переходила от придворной аристократии к представителям военного сословия — самурайства, среди которых выделялись две основные соперничавшие группы

ровки — Тайра и Минамото. Борьба между ними завершилась победой Минамото, которые в 1192 году создали в Камакура военное правительство — *сёгунат*, сосредоточившее в своих руках всю реальную власть. Но этому предшествовали десятилетия кровавых столкновений, жертвами которых становились тысячи людей и плоды их многолетних трудов.

8 декабря 1180 года воинство Тайра Сигэхиро вторглось в Нара, чтобы проучить местных монахов, которые, как считал Сигэхиро, плели нити заговора против дома Тайра. Нападающие встретили сильное сопротивление. Тогда Сигэхиро решил сжечь город. Вот как рассказывает о том, что произошло, безвестный автор знаменитой военной эпопеи «Повесть о доме Тайра».

«...Дул сильный ветер, и хотя огонь сперва вспыхнул в одном лишь месте, ветер перенес пламя на соседние храмы. ...В Великом Восточном храме, Тодайдзи, высылось изваяние будды Вайрочана... И вот исчез без остатка внушавший благоговение священный лик, подобный луне, сияющей в небесах, сгорела и вся голова, упала и лежала теперь во прахе; тело, расплавившись, уподобилось бесформенной гряде... Изваяние в Великом Восточном храме было единственным во всем нашем греховном мире, второго такого не сыщешь нигде на свете! Казалось, оно будет выситься вечно! Теперь же во прахе и пыли лежала священная статуя, надолго повергнув в скорбь души людей!

...Некогда император Сёму собственноручно начертал августейшей кистью: «Пока процветает мой храм, будет процветать и страна; придет в упадок мой храм — погибеть ждет и страну!» Оттого и казалось, что государство теперь непременно погибнет».

Тодайдзи сгорел дотла. В пламени погибли свыше 1700 человек, пытавшихся найти убежище на втором ярусе Дайбуцудэн. Сотни людей погибли в других храмах, ставших добычей огня.

Гибель Тодайдзи была тяжело воспринята многими людьми, о чем свидетельствует пафос описания трагического события в «Повести о доме Тайра». Это и понятно: ко времени, когда с Великим Восточным храмом стряслась беда, произошли большие изменения в отношении японцев к буддизму. Храмы по-прежнему были тесно связаны с государством. По-прежнему богослужения с целью обеспечить защиту трона и процветания государства были их основной функцией. Но вероучение буддизма уже глубоко проникло в гущу народа. Благодаря деятельности амидаистов (приверженцев культа будды Амида, владетеля Чистой земли — буддийского рая) буддизм становится подлинно японской религией. Вот почему люди по всей стране остро переживали гибель Тодайдзи, который в их глазах был символом Закона Будды. Если в середине VIII века сооруже-

ние такого громадного храма было возможно лишь с использованием принудительного труда десятков тысяч крестьян, отбывавших трудовую повинность, то теперь обстановка существенно изменилась. Тысячи людей были готовы к тому, чтобы внести свою лепту в восстановление храма. Нужен был лишь энтузиаст, который взял бы на себя бремя забот по сбору средств и организации восстановительных работ. Такой человек нашелся. Им был настоятель храма Дайгодзи, расположенного в окрестностях Хэйан — тогдашней столицы государства, Тёгэн (1121—1206).

В одной из часовен в пределах Тодайдзи установлено скульптурное изображение Тёгэна, созданное, как считают, вскоре после его смерти. Эта статуя, причисленная к категории государственных сокровищ, по праву может быть названа шедевром японской реалистической скульптуры XIII века. Да, да, мы не оговорились, именно реалистической. Создавая изображение многочисленных будд и бодхисаттв, ваятели по-прежнему следовали жесткому канону. Но, выполняя заказы на изображение патриархов буддийского вероучения, выдающихся деятелей японского буддизма, они могли позволить себе выйти за рамки канона, стремиться к созданию скульптурных портретов, отражавших человеческую индивидуальность. И в этом плане изображение Тёгэна очень показательно. Перед нами не олицетворение абстрактной идеи служителя Закона Будды, а портрет живого человека с присущими только ему чертами, который легко отличить от сотен изображений других буддийских прелатов. Вытянутое изможденное лицо со впалыми щеками, с набухшими мешками вокруг глаз. Лицо очень старого человека, очевидно, не блещущего здоровьем, я бы сказал, лицо просто некрасивое, не способное вызвать чувство симпатии у человека, не посвященного в то, что совершил Тёгэн. Прижатые к груди руки, перебирающие четки. Худые, с набухшими старческими венами, они особенно привлекают взгляд. Старый, усталый, больной человек, а не идеализированный образ буддийского святого, каковым Тёгэна, несомненно, рисовало воображение людей того времени. Меня всегда привлекала эта скульптура как материализованное воплощение неистового стремления художника к отображению неприкрашенной правды жизни, несмотря на какие бы то ни было каноны и установления...

Когда Тёгэн приступил к сбору средств на восстановление Тодайдзи, ему уже перевалило за 60 лет — по тем временам это считалось преклонным возрастом. Очевидно, для того, чтобы привлечь к себе внимание возможно большего числа людей, Тёгэн передвигался по стране в необычном экипаже — одноколенной тележке, которую толкали сзади двое слуг. Повсюду он разъяснял

Монах
Тёгэн
(Тодайдзи,
XIII в.)

людям свой замысел, просил помочь восстановлению храма. Его неустанные труды возымели действие: средства потекли рекой. Люди несли все, что могли: рис, золотой песок, шелковые ткани. Посланный Тёгэном на далекий север старец Сайгё убедил местного владетеля Фудзивара Хидэхира предоставить добывавшееся в его рудниках золото для статуи Будды.

Тёгэн не ограничивался лишь сбором средств. Не по годам неумолимый и энергичный, он появлялся повсюду, где шли заготовки стройматериалов. Он лично наблюдал за рубкой леса на территории нынешней префектуры Ямагути на крайнем юго-западе Хонсю, отделенного от Нара сотнями километров. Срубленные бревна в плотах транспортировались по Внутреннему Японскому морю, а затем вверх по речным артериям к месту строительства. Необычная картина представляла глазам: сотни людей брели по дну реки подчас по груди, по горло в воде, таща вверх по течению бревна за прикрепленные к ним канаты.

Конечно, Тёгэн пользовался поддержкой властей. Сам фактический правитель страны сёгун Минамото Ёритомо покровительствовал восстановительным работам. И все же, наверно, в истории Японии эта была первая, действительно народная стройка, в которой воплотилась вера и чаяния массы простых людей. 12 марта 1195 года в присутствии Минамото Ёритомо состоялась церемония открытия восстановленного храма. Несколько десятков тысяч самураев, прибывших специально для этой цели из Камакура, заполнили город. Один этот факт должен был красноречиво свидетельствовать о том, кто хозяева в стране, кто хозяева Великого Восточного храма.

370 лет спустя Тодайдзи вновь был разрушен, став на сей раз жертвой кровавых междоусобиц, терзавших Японию в XVI веке. 10 октября 1567 года храм полностью сгорел, подожженный ворвавшимися в город самураями. Случилось так, что погиб лишь храм, а городские кварталы уцелели. В этом жители города увидели свидетельство того, что Большой Будда принял на себя пламя и тем самым спас город. И долго еще возносили они молитвы своему заступнику и покровителю.

После гибели Тодайдзи в 1180 году потребовалось лишь 15 лет, чтобы восстановить храм в его былом величии. После его разрушения в 1567 году для восстановления потребовалось куда больше времени. Страну по-прежнему сотрясали свары феодалов. К тому же вопрос о восстановлении Тодайдзи стал предметом нечистой политической игры. В 1588 году Тоётоми Хидэёси, боровшийся за объединение Японии под своей властью, развернул кампанию по конфискации оружия у населения, получившую в исто-

рии название «охоты за мечами». Он преследовал вполне очевидную цель: разоружить крестьян и беспокойных монахов, подавив тем самым возможные очаги сопротивления своей политике. Но проводилась эта кампания под предлогом сбора железа для восстановления Тодайдзи. Добившись своей цели, Хидэёси забыл о своем обещании. Он ограничился лишь тем, что повелел соорудить временное строение вокруг полуразрушенного Большого Будды. Спустя двадцать лет эта постройка была сметена мощным тайфуном, сопровождавшимся ливневыми дождями. Ее разрушение молва приписала нечестному поведению Хидэёси, который использовал дорогое всем имя Великого Восточного храма в своих политических интересах.

Шли годы. Объединение страны под властью сёгунов из дома Токугава положило конец кровавым междоусобицам, а Тодайдзи все еще лежал в развалинах. Продолжалось так до тех пор, пока не появился подвижник, для которого восстановление храма стало делом всей жизни. Монах Кокэй (1648—1705), принявший постриг в тринадцатилетнем возрасте, дал обет перед разрушенной статуей Большого Будды, что приложит все силы для того, чтобы возродить Тодайдзи в его былом величии.

История сохранила нам образ Кокэя. В пределах Тодайдзи есть маленькая часовня, сооруженная в его честь, а в ней — небольшое изображение монаха, вырезанное из дерева его друзьями и последователями Сёкэй и Сокунэн. Перед нами лицо еще не старого человека (Кокэй умер в возрасте 57 лет), с острыми скулами, глубокой складкой у рта. Как и у всех монахов, голова наголо обрита, и такое впечатление, будто кости черепа туго обтянуты кожей. Что-то детски беспомощное в этих больших торчащих ушах. Но вся фигура словно олицетворяет сосредоточение на единственной мысли, и мы знаем, что это — мысль о Тодайдзи.

Приступив в 1684 году к сбору средств на восстановление храма, Кокэй поначалу был обескуражен тем, что не нашлось богатых жертвователей. Временами ему казалось, что так и не удастся выполнить свой обет. Рассказывают, что в один из таких дней он попросил расписаться в *кандзинтё* — книге регистрации пожертвований — свою престарелую мать. Фраза, написанная старушкой: «Считай и сушеные овощи», озадачила монаха. В ответ на его недоуменный вопрос мать сказала: «Если нет у тебя готовности с радостью принимать в качестве пожертвования хотя бы горстку сушеных овощей, считай дело восстановления храма обреченным на неудачу».

Может быть, и не было такого разговора между матерью и сыном, может быть, это лишь плод народной фантазии. Но даже

если мы имеем дело с легендой, она отражает идеи, которыми руководствовался Кокэй, а именно: дело восстановления Тодайдзи — дело всего народа, и каждый может внести в него свою лепту, как мала бы она ни была. Жизнь подтвердила его правоту. В восстановлении храма приняли участие многие тысячи самых разных людей, каждый по-своему способствуя успеху благого начинания.

Осакский купец Китакуния Дзиэмон пожертвовал свыше пяти-сот килограммов меди — всего три тысячи болванок, но возможностями доставить их в Нара не располагал. Тогда Кокэй установил у груды металла деревянную табличку с надписью о том, что медь предназначена для Зала Большого Будды. Этого оказалось достаточно для того, чтобы люди, проходившие мимо, брали с собой по одной-две болванки, и неделю спустя вся эта гряда меди была перенесена на место строительства.

Для конька крыши Дайбуцудэн требовалось два громадных бревна. Поиски подходящих деревьев заняли пять-шесть лет. Наконец их нашли в пределах одного из синтоистских святилищ на другом конце страны — в местности Кирисима на юге Кюсю. Бревна длиной каждое почти 24 метра вместе весили 45 тонн. С трудом доволокли их до берега моря. Встал вопрос, как доставить этот тяжелейший груз в Нара. Решение проблемы нашел хитроумный плотник Ягоро. Сначала затопили судно класса «сэнгокунэ» — самых крупных судов того времени, водоизмещением примерно 100 тонн. К бортам его с обеих сторон привязали по бревну. Дождавшись отлива, откатали из трюма всю воду, заделали пробоины. Когда вновь наступил прилив, судно всплыло само по себе и его вывели в открытое море. Так корабль доплыл из далекого Кюсю до Осаки, откуда необычному грузу предстоял еще трудный путь по рекам Эдо и Кидзу и далее — посуху к Наре. Рассказывают, что местные жители восприняли прибытие груза как большой праздник. Тысячи людей совершенно безвозмездно участвовали в транспортировке бревен. И вместе с ними постоянно был Кокэй. Целый год потребовался, чтобы доставить бревна в Тодайдзи, и еще немало лет прошло, когда наконец в 1709 году работы по восстановлению Дайбуцудэн были завершены. Строителям так и не удалось возродить Зал Большого Будды в его прежних размерах. Вновь отстроенное здание было 57 метров длиной по фасаду, свыше 50 метров в глубину и около 49 метров в высоту, составляя по своему объему примерно 60 процентов от первоначальной постройки. И тем не менее возрожденный Дайбуцудэн был и остается самым большим деревянным строением в мире, а помещенная в нем статуя — одной из самых крупных скульптурных работ в истории мирового ваяния.

Кокэй не дожил четыре года до окончания строительства. Но в 1692 году он руководил торжественной церемонией освящения статуи Большого Будды, которую за год до этого восстановил литейщик Яэмон Кунисиэгэ.

Дайбуцудэн с его массивной двухъярусной четырехскатной крышей под черепичной кровлей впечатляет, с какой бы точки ни любоваться им: будь то центральные ворота — *тюмон*, откуда фасад здания внезапно открывается во всей своей огромности, заполняя все пространство перед взором потрясенного посетителя, или же с противоположной стороны, где его мощный силуэт просматривается в просветах между тянущимися к солнцу длинными тонкими стволами сосен, выросших на месте, где когда-то возвышался молельный зал — *кодо*, либо из-под крытой галереи, опоясывающей обширную площадку перед Залом. Мне же больше всего запомнился вид с вершины холма Вакакуса, куда я неоднократно поднимался уже ближе к вечеру: только верхний ярус крыши возвышается над зеленью сосен, поблескивают в лучах садящегося за горами Икома солнца позолоченные *сиби* — украшения на коньке в виде хвостов невиданных гигантских рыб... На холме, обычно столь оживленном, уже почти никого нет, за исключением нескольких задержавшихся парочек. Мирно пощипывают траву выводки оленей. Тихо кругом, и в этой наполненной спокойствием и умиротворенностью атмосфере словно начинаешь ощущать соприкосновение с далеким прошлым...

Если вам, читатель, когда-нибудь доведется увидеть Тодайдзи, без которого Нара не Нара, мне хотелось, чтобы вы вспомнили о тех, кому обязаны открывшейся вашим глазам красотой. Как часто несправедливы мы к памяти людей, подобных Тёгэну и Кокэю! Даже те, кто хорошо знает историю Японии и в состоянии без труда перечислить десятки имен императоров, сёгунов, владельцев князей, премьер-министров, промышленников и дипломатов, далеко не всегда знакомы с ними. А ведь именно такими людьми держится нация, ее история, ее культура и — что важнее всего — ее нравственность. Ибо разве не является высшим проявлением нравственности их самоотверженные усилия? Думается, вовсе не обязательно быть истым приверженцем Закона Будды, чтобы преклоняться перед этими подвижниками, плоды трудов которых одинаково дороги каждому из нас. Да и сама убежденность в вере, служившая главным импульсом подвижничества Тёгэна и Кокэя, — разве это не повод глубоко задуматься в наше смутное время крушения идеалов и бесконечно мучительной переоценки ценностей? Пусть же перед вашим мысленным взором предстанут и немощный старец, перебирающий четки, которого

возят по стране в странной, а кому-то может показаться шутовской одноколенной тележке, и тщедушный маленький человечек с подетски торчащими большими ушами, чья фигурка в монашеской рясе мелькает в толпе суетящихся вокруг гигантских бревен людей. Они не менее достойны нашей памяти и почитания, чем сами творцы прекрасного, и уж куда больше, чем те, кто в ослеплении своими честолюбивыми замыслами и амбициями мало считались с культурным наследием прошлого, а подчас безжалостно его уничтожали.

Признаюсь: уделить столь много внимания Тёгэну и Кокэю меня побудило ознакомление с детской книжечкой «Большой Будда в Нара», изданной Отделом образования правления храма Тодайдзи. Книжечка эта предназначена для распространения среди многочисленных групп школьников, заполняющих пределы Тодайдзи особенно в дни школьных каникул, когда вместе с учителями они совершают запланированные программой обучения поездки по достопримечательным местам Японии. Книжечка, честно говоря, мало серьезная, типа комикса, рисунков в ней куда больше, чем текста. Но главные ее герои — люди, которые строили и восстанавливали храм, то есть составлена она так, чтобы, прочитав ее, каждый подросток проникся осознанием прежде всего того, каких трудов стоило соорудить Большого Будду и Дайбуцудэн, какие усилия потребовались, чтобы дважды возродить Тодайдзи из развалин. Думается, это очень важно: зная, как тяжело досталось созданное человеческими руками, будешь лучше беречь его.

Надо сказать, что в Японии вообще умеют отдавать должное памяти людей, сберегших для нынешнего поколения культурное наследие страны. Примечательно, что многие экспозиции из сокровищниц известных храмов приурочиваются либо к завершению очередных реставрационных работ, либо, что еще чаще, к годовщине рождения или смерти тех, кто когда-то своими трудами возрождал эти храмы. Выставки Тодайдзи, например, проводились в 1980 году, после окончания шестилетнего цикла реставрационных работ в Дайбуцудэн, и в 1991 году в связи с реставрацией восьмиметровых фигур божеств-охранителей Нио в *Нандаймон* — Южных воротах Тодайдзи. И в обоих случаях почетное место среди экспонатов занимали изображения Тёгэна и Кокэя.

Здесь автор вынужден просить прощения у читателя: увлекшись рассказом о событиях, связанных с сооружением Большого Будды, его разрушением и последующим восстановлением, он обошел вниманием другие строения Тодайдзи. Не сказать о них было бы несправедливо, ибо, вопреки расхожему мнению, Тодайдзи — это не только Дайбуцудэн и установленный в нем Большой Будда,

но также целый ряд других построек со своей историей, оригинальной архитектурой, связанными с ними обрядами. Поспешим же исправить допущенную оплошность и познакомить читателя хотя бы с немногими из них.

Начать, видимо, следует с *Сёсоин*, единственной в Тодайдзи постройки VIII века, сохранившейся до наших дней. Сёсоин расположен позади Дайбуцудэн за высокой оградой в роще криптомерий. Внешне здание не представляет из себя ничего примечательного: простая бревенчатая постройка, поднятая на сваях примерно на 3 метра над землей. Однако за этой кажущейся простотой скрываются поражающие нас и сегодня изобретательность и инженерная смекалка строителей той далекой эпохи. Дело в том, что Сёсоин с самого начала сооружался как хранилище художественных ценностей, и вся постройка как нельзя в большей степени отвечает этой функции. Началось все с того, что в 756 году императрица Комё пожертвовала часть своих личных вещей Большому Будде, дабы тот услышал ее молитвы за упокой души ее супруга — императора Сёму. Вот для того, чтобы хранить дары императрицы, и было сооружено несколько бревенчатых построек на сваях, получивших общее название Сёсоин. Задумка строителей была проста, как все подлинно гениальное. Они исходили из того, что в дождливую, влажную погоду бревна будут набухать и расширяться, пропуская внутрь лишь минимум влаги, и, наоборот, в сухую погоду между ними будут образовываться широкие щели, позволяя свежему воздуху свободно циркулировать внутри здания. Задачу борьбы с влажностью преследовал и свайный характер постройки. Такая конструкция превратила Сёсоин в идеальное хранилище, благодаря чему большое количество исторических и культурных ценностей дошли до наших дней.

Сёсоин регулярно обогащался новыми дарами. Его коллекция включает большое количество рукописей, предметов буддийского ритуала, музыкальных инструментов, одежды, оружия, произведений прикладного искусства. Здесь немало вещей материкового происхождения, пришедших не только из Китая и Кореи, но и из далеких Индии и Персии. Последние служат вещественным напоминанием о временах, когда эти страны связывал с Восточной Азией Великий шелковый путь. Многие из них были получены японскими послами в качестве даров от китайских императоров. Коллекция Сёсоин ныне образует старейшую музейную коллекцию в мире.

Сейчас Сёсоин пуст: его бесценные сокровища перенесены в выстроенные рядом специальные хранилища. Часть из них экспонируется ежегодно в Нарском музее в течение очень короткого

промежутка времени: с конца октября по начало ноября, который считается самым сухим сезоном в Нара. Все подчинено задаче обеспечения их максимальной сохранности: поддержание в хранилищах и выставочных залах соответствующей температуры и уровня влажности, использование в этих целях новейших достижений техники и т. п. Но это стало возможным лишь совсем недавно. А до этого в течение многих веков невзрачная бревенчатая постройка надежно служила людям, сохраняя для будущих поколений реликвии прошлых эпох.

Расположенный на склоне холма в нескольких сотнях метров к востоку от Зала Большого Будды *Хоккэдо* (Зал лотоса) был построен еще раньше, чем *Сёсоин*, в 733 году, когда еще не было *Тодайзи*, в комплекс которого он был включен позже. Правда, от первоначальной постройки остались лишь отдельные части, да и то, чтобы рассмотреть их, надо зайти в тыл здания к его северной стене. *Хоккэдо* больше известен под именем *Сангацудо* — Мартовский зал, названный так потому, что ежегодно в марте здесь читается *Сутра Лотоса* — один из основных буддийских текстов. В *Сангацудо* собрана значительная часть буддийских изображений, сохранившихся в пределах *Тодайзи*. Главное из них — более чем 3,5-метровая статуя бодхисаттвы милосердия *Фукукэндзяку Каннон*, материалом для которой послужил сухой лак. Скульптура производит впечатление не только своими размерами, но и богатым убранством: вся грудь ее украшена ожерельем со множеством подвесок, на голове — серебряная корона, украшенная почти 20 тысячами драгоценных и полудрагоценных камней. Богато оформленная статуя как бы символизирует период наивысшего расцвета *Хэйдзё*.

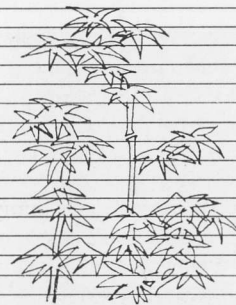
По соседству с *Сангацудо* к отвесной скале прилепилось еще одно строение — *Нигацудо* (Февральский зал). Сооружено оно было в 752 году, то есть в год освящения Большого Будды, но горело неоднократно, и нынешняя постройка датируется 1669 годом. *Нигацудо* воздвигнут на высокой платформе, куда поднимаются по крутой лестнице. Свое название *Нигацудо* (дословно: зал второго месяца) получил от проводимого начиная с 752 года почти ежегодно ритуала, время которого раньше приходилось на второй месяц лунного календаря, а ныне на первые две недели марта. Этот ритуал, называемый *сюниэ* или *мидзутори*, представляет своего рода коллективную исповедь. В течение двух недель ежедневно с полудня до полуночи одиннадцать специально отобранных монахов беспрерывно ходят вокруг алтаря бодхисаттвы милосердия *Одиннадцатиликой Каннон*, которая, как верят, снимает с человека бремя его прегрешений, все время повторяя ее имя. При этом они

Фукукэндзяку
Каннон
(Сангацудо,
Тодайзи,
VIII в.)

не берут в рот ни капли воды. Дабы искупить свои грехи, монахи по очереди падают на колени. 5 и 12 марта, крутясь вокруг алтаря, они в быстром темпе произносят имена почти двух тысяч будд, бодхисаттв и синтоистских божеств, а также называют длинный список прегрешений, которые люди могли совершить в течение года. Ритуал достигает своего апогея 11 и 12 марта, когда на платформу Нигацудо поднимаются люди с громадными (шесть метров в длину, 40 килограммов весом) пылающими факелами, размахивая ими над собравшейся толпой так, чтобы летящие с факелов искры сыпались на нее, символически сжигая все грехи людей. Этот красочный экзотический ритуал интерпретируется также как церемония «сжигания» зимы и прихода весны. Поэтому ранним утром священники зачерпывают «первую весеннюю воду» в священном источнике близ Нигацудо. Для жителей Нара завершение *сюниэ* символизирует приход весны.

С платформы Нигацудо открывается отличный вид на раскинувшийся внизу Нарский парк, городские кварталы и возвышающиеся вдалеке за ними холмы. Как-то мне довелось подняться туда поздним вечером. Трудно было оторвать взгляд от открывающегося зрелища: крыша Дайбуцудэн четко вырисовывалась на фоне озаренного городскими огнями неба, где-то вдали угадывались контуры холмов, а над головой тихо мерцали звезды.

НАРА-МАТИ

*Столица Нара, где осенью порой
Любуются листвою алых кленов
На Касуга-горе,
Заброшена теперь...
И как об этом я жалею!*

Охара Имаки
«Манъёсю», п. 1604

В 784 году резиденция императора была перенесена в *Нагаока*, а десять лет спустя — в *Хэйан кё* — Столицу мира и спокойствия, как тогда назывался нынешний Киото. Хэйдзё опустел. Прошло меньше ста лет, и все вокруг значительно переменялось. Исчезли строения дворцового квартала, усадьбы знати, дома простолюдинов. Не осталось и следа от некогда оживленных проспектов и рынков. Большая часть территории города была распахана и превращена в рисовые поля.

Казалось, что Хэйдзё постигла та же участь, что и Фудзивара. Но этого не случилось. Город возродился благодаря храмам, которые за то время, что Хэйдзё оставался столицей, превратились не только в очаги буддийской культуры, но и в центры заметного политического влияния. Именно это обстоятельство и подтолкнуло императорский двор на переезд из Хэйдзё. Император и его окружение решили быть подальше от нарских монахов, забравших слишком большую власть. Вот почему, в отличие от переезда императорской резиденции из Фудзивара в Хэйдзё, когда в новую столицу были перенесены все храмы вместе с их обитателями, на сей раз монахам не разрешили перебраться на новое место. Нарские монахи и после переноса столицы в Хэйан пытались вмешиваться в государственные дела, однако возможностей для этого у них стало куда меньше.

Напомним, что наиболее влиятельные нарские храмы и святилища — *Тодайдзи*, *Кофукудзи*, *Гангодзи*, *Касуга тайся* — располагались либо на территории *Гайкё* — Внешней столицы, либо в ее окрестностях. Вот здесь-то и начало складываться новое городское поселение. Его первыми жителями стали люди, связанные с обслуживанием растущего храмового хозяйства. Сначала они жили вместе с монахами в пределах храмов. Но по мере того, как число их росло, стали селиться поближе от них. Так около каждого из крупных храмов возникло поселение, получившее название *мондзэнго* — деревня перед воротами храма. Жители мондзэнго не только выполняли различные работы внутри храмов, занимались снабжением монахов всем необходимым, но и обслуживали паломников, приходивших на богомолье с разных концов страны. Со временем мондзэнго слились. Так образовался новый город, названный Нара-мати — городок Нара, совершенно не похожий на бывшую императорскую столицу, с узкими улочками, тесно застроенными многочисленными лавками, постоянными дворами для богомольцев, мастерскими ремесленников. Зримым напоминанием о нем и по сей день остаются кварталы, прилегающие к отелю «Нара» с запада и юга; улицы, мощенные крупными каменными плитами, склонившиеся над продолженными вдоль них водостоками плакучие ивы, ландшафтный сад — единственное, что хоть в какой-то мере сохранилось от Дайдзёин, некогда одного из самых крупных строений в пределах Кофукудзи. История всех нарсских храмов и святилищ связана с этой новой эпохой в жизни города. О некоторых мы попытаемся рассказать.

Самое приятное место в Нара — это, бесспорно, парк, который называют «лучшим произведением искусства» в городе. Будучи в окружности 28 километров и занимая площадь свыше 530 гектаров, парк охватывает подавляющее большинство достопримечательностей города, включая пределы храмов Тодайдзи и Кофукудзи, святилища Касуга. Видимо, по этой причине я долго считал, что сам парк столь же древнего происхождения, как и эти храмы. Каково же было мое удивление, когда в одном из путеводителей вычитал, что парку нет еще ста лет, что разбит он был в 1894—1896 годах, что на месте Национального музея в центральной его части в те времена были поля. В памяти горожан сохранилось имя местного ученого-конфуцианца Маэбэ Тёгэн, который непосредственно руководил разбивкой парка. Его нередко сравнивают с Кокэем, восстановившим Тодайдзи. Маэбэ своими руками посадил сосны вокруг Национального музея...

Сегодня рощи сосен, криптомерий, дубов перемежаются со светлыми лужайками, на которых то здесь, то там возвышаются

Олени
в парке
Нара

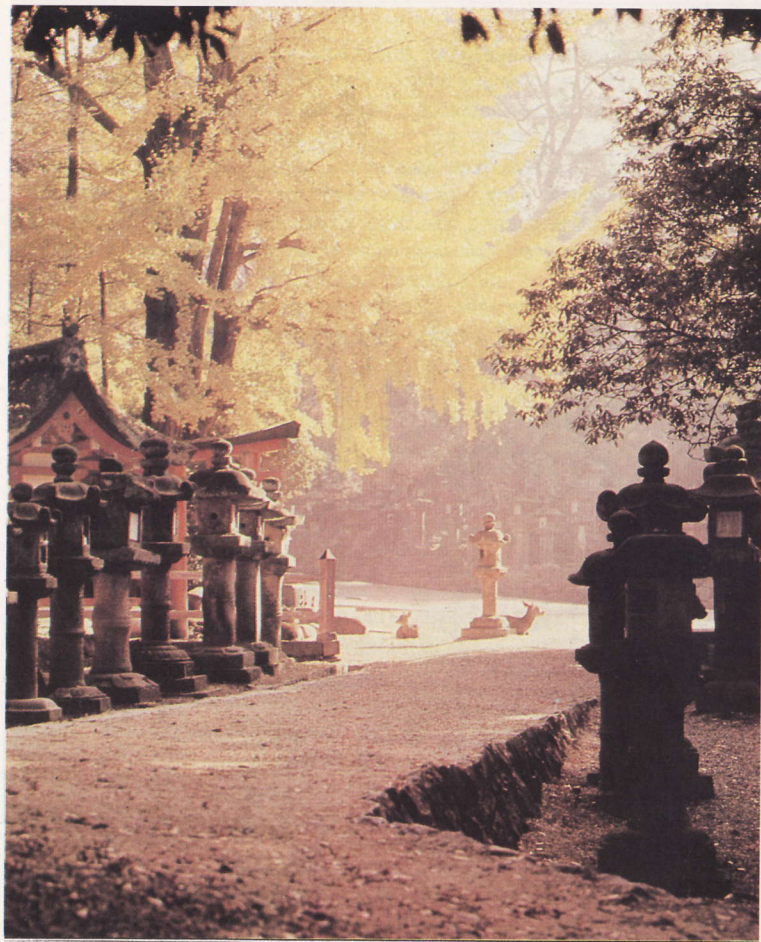
громадные, в несколько обхватов раскидистые деревья: в тени каждого из них может укрыться по несколько десятков человек. Вот уж этим гигантам точно не одна сотня лет, и сохранились они от тех времен, когда самого парка и в помине не было. Деревья окружены невысокими металлическими оградами. Это — защита от вездесущих оленей, которые обдирают кору повсюду, где им это удастся. Оленями буквально кишит вся парковая зона. Животные беспрепятственно подходят к храмовым постройкам, забредают во двор отеля «Нара», выходят на пересекающие парк автомобильные дороги, создавая проблемы для водителей. Они не боятся людей, охотно принимают из их рук рисовые лепешки, бойкая торговля которыми идет в разных местах парка. Олени неприкасаемы, ибо они — посланцы божеств Касуга тайся, чьи строения возвышаются у подножья холма Микаса, или, как его часто называют, Касуга, в том месте, где парк переходит в густые заросли, покрывающие склоны гор.

Вход в священные пределы *Касуга тайся* обозначен большими красными тории, обращенными в сторону одной из главных улиц, пересекающих город с севера на юг. Вы идете по широкой, посыпанной гравием аллее. Слева за соснами виднеются здания Национального музея — старое каменное, выстроенное в псевдоклассическом стиле, и новое — из бетона и металла, напоминающее своей архитектурой традиционные постройки древности. Справа за рядами деревьев мелькают зеленые лужайки. Через некоторое время по обеим сторонам аллеи появляются каменные фонари — *торо*. Их больше двух тысяч, ряды их протянулись до самого святилища. Каждый пожертвован богомольцем или группами паломников, приходившими сюда на протяжении веков. Самые древние относятся к Камакурской эпохе (1185—1333), самые «молодые» — к прошлому — началу нынешнего столетия. На многих можно разобрать надписи, указывающие имя дарителя и время, когда было сделано пожертвование. Поначалу *торо* кажутся очень похожими друг на друга, но, приглядевшись, обнаруживаешь большие стилиевые различия в зависимости от эпохи. За каждым *торо* — чья-то жизнь, надежды, чаяния... Словно немые свидетели истории Касуга тайся выстроились они, указывая путь к святилищу. Только дважды в год — в начале февраля, когда отмечается становление весны, и в середине августа — в день поминовения усопших — зажигают в них свечи, и их слабый мерцающий свет рождает ощущение чего-то тревожного и таинственного...

Следуя дальше по аллее, вы проходите мимо сада Мангё, в котором собраны сотни растений и цветов, упоминающихся в поэтической антологии «Мангёсю». Из четырех с половиной

Касуга
тайся
зимой

*Торо
(каменные
фонари)
Касуга
тайся*

*Галерея
Касуга
тайся*

тысяч стихотворений примерно треть содержит названия цветов, трав, деревьев, водорослей, камышей. Аллея начинает подниматься по пологому склону, заросли деревьев по обеим сторонам ее становятся все гуще, торо — все древнее. И вот, повернув налево и поднявшись на несколько каменных ступеней, вы оказываетесь прямо перед главными — южными — воротами, представляющими собой постройку с двухъярусной, покрытой корой кипарисовика крышей, на окрашенных в красный цвет столбах, очень похожими если не по размерам, то по общему виду на ворота буддийских храмов. Пройдя ворота, вы вступаете на тесную площадку, обнесенную с трех сторон крытой галереей, с потолка которой свисает множество металлических фонарей, а прямо перед вами — еще одни ворота, примерно такого же стиля, что и предыдущие, которые ведут к *хондэн* — обители божеств, священные символы которых помещены в выстроившихся в один ряд четырех совершенно одинаковых маленьких постройках, в архитектуре которых вы, наконец, узнаете типичные синтоистские святилища, отличающиеся простотой форм и напоминающие поднятые на сваях зернохранилища в поселениях 2000-летней давности.

В этом месте читатель вправе спросить: почему такое смешение стилей и почему божеств четыре? Ответ на эти вопросы дает история Касуга тайся.

Мы уже рассказывали о том, какие отношения сложились между буддизмом, проникшим в Японию в середине VI века, и местными божествами. То были отношения не конфронтации, а сосуществования и сотрудничества. Новые храмы воздвигались лишь после того, как было обеспечено согласие местных божеств, а в пределах храмов или поблизости от них сооружались святилища божеств, которые рассматривались как защитники храмов. Когда столица была перенесена в Хэйдзё, клан Фудзивара перенес туда и свой фамильный храм *Умаясака-дэра*, который на новом месте получил название *Кофукудзи*. Естественно, что и святилище своих божеств-предков Фудзивара решили разместить чуть повыше по склону холма, чтобы обеспечить с их стороны надежную защиту храма. Среди четырех божеств Касуга тайся одно — *Амэ-но Коянэ*, — вероятнее всего, издревне считалось прямым предком предшественника Фудзивара — клана Накатоми, исполнявшего при дворе жреческие функции. Намек на это мы находим в «Кодзики» и «Нихон сёки», где сообщается о том, что Амэ-но Коянэ было направлено на землю для выполнения именно такого рода функций. Первоначально святилище Амэ-но Коянэ находилось неподалеку от равнины Ямато на территории нынешней Осака, где неоднократно размещались резиденции императоров, а следовательно, и Накато-

ми. Там же было и святилище Химэ — еще одного из божеств Касуга тайся, бывшего, видимо, предком одной из ветвей клана Накатоми. Таким образом, в отношении этих двух божеств вопросов не возникает.

Сложнее обстоит дело с двумя другими, водворение которых в Касуга тайся состоялось значительно позднее основания святилища, а именно в 768 году. Речь идет о *Такэмикадзути* и *Фуцунуси*, перенесенных сюда соответственно из святилищ Касима и Катори, расположенных вблизи нынешнего Токио, то есть в местности, бывшей тогда далекой восточной окраиной страны. Рассуждая логически, эти божества к клану Накатоми — Фудзивара, происшедшему из Ямато, никакого отношения не имеют. Но, как хорошо известно, логика и соображения политической выгоды далеко не всегда совпадают, а чаще всего не совпадают вовсе. А в те времена соображения политические диктовали необходимость обзавестись такими божественными предками, которые были бы подревнее, да к тому же имели бы солидный «послужной список». Обладание такими предками служило веским основанием для представителей того или иного рода или клана претендовать на более высокое положение в государстве. Вот если взглянуть на дело с этого угла, тогда все становится гораздо проще. Такэмикадзути и Фуцунуси фигурируют в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки». Согласно мифам, именно они убедили божество страны Идзуто на побережье Японского моря — Окунинуси — подчиниться владельцам Ямато. К тому же именно Такэмикадзути вручил легендарному императору Дзимму меч, дабы помочь ему завоевать земли некоторых племен. Как видите, заслуги обоих божеств перед предками императоров бесспорны и значительны, и теперь ясно, почему Фудзивара были так заинтересованы причислить себя к их потомкам.

Описанный эпизод — один из многих. В раннем средневековье стремление занять «солидных» божественных предков было делом обычным. Минамото Ёритомо, основатель Камакурского сёгуната, выходец из самурайского сословия, не имевший отношения к древним аристократическим родам, ничтоже сумняшеся, объявил своим предком божество войны Хатимана. Что ж, своя рука — владыка.

А теперь несколько слов об архитектурном стиле Касуга тайся, так напоминающем буддийские храмы. Ничего удивительного в том нет, если вспомнить, что ко времени проникновения буддизма на Японские острова у божеств национальной религии только-только начали появляться свои святилища. Впоследствии их сооружение стимулировалось строительством буддийских храмов, и в ряде случаев святилища заимствовали многие элементы их архи-

тектуры. По мере усиления синто-буддийского синкретизма это заимствование заходило настолько далеко, что в ряде случаев только по наличию тории можно было отличить святилище от буддийского храма.

Синкретизм проявлялся не только и даже не столько в архитектуре культовых сооружений. С течением времени местные божества были объявлены воплощениями будд и бодхисаттв. Эта участь не миновала и божества Касуга тайся. Свидетельство тому — некоторые *мандала*, широко распространенные в буддийском искусстве картины, поговорить о которых подробно нам еще представится случай. Так вот на Касуга мандала, нарисованной в 1309 году и изображающей четыре святилища Касуга, под каждым написано буддийское имя: Такэмикадзути назван бодхисаттвой Фукукэндзяку Каннон, Фуцунуси — Буддой-целителем Якуси, Амэ-но Коянэ — бодхисаттвой Дзидзо, а Химэ — Одиннадцатиликой Каннон. Такое отождествление использовалось и синтоистским духовенством в корыстных целях. В одном из свитков, запечатлевшем «чудесные деяния» божеств Касуга, проводится мысль о том, что гора, возвышающаяся над святилищем, столь же священна, как и вершина, на которой Шакьямуни произнес проповедь, составившую текст одной из наиболее почитаемых буддистами сутр — Сутры Лотоса благого закона, а потому паломничество в Касуга тайся обещает не меньше благ, чем паломничество к буддийским святыням в Индии. Не обошлось и без спекуляции на сакральных генеалогиях: сопоставляя божественного предка клана Фудзивара Амэ-но Коянэ с Аматаэрасу, авторы свитка прозрачно намекают на близость Фудзивара к императорской фамилии.

Читатель помнит, что Касуга тайся был не только обителью божественных предков Фудзивара, но и выполнял функцию защитника их фамильного храма *Кофукудзи* — Храма, дарящего счастье. Упоминание о Кофукудзи всегда ассоциируется с видом на пятиярусную пагоду храма. Установленная на невысоком холме в нескольких десятках метрах от красных тории, которыми обозначен вход в пределы Касуга тайся, пагода отражается в пруду *Сарусава*, обсаженном плакучими ивами. Это одно из самых красивых мест в Нара. Пруд невелик — всего 360 метров в окружности, но он очень старый — его вырыли во время строительства самого храма. А у сооружения с такой длинной историей не может не быть своих легенд и преданий. С давних пор рассказывают о «семи загадках» пруда Сарусава. Мол, рыбы в нем так много, что она занимает семь десятых части этого водоёма, вода в нем не иссякает, никогда не замутняется, уровень ее постоянен, в пруду не водятся лягушки, не растут водоросли. Я не видел, чтобы пруд кишел рыбой, но, правду

говоря, и кваканья лягушек тоже не слышал. Так что, может быть, некоторые чудеса Сарусава и впрямь существуют.

Однако знаменит пруд не только и не столько «семью загадками». Славу ему составил эпизод из повести «Ямато моногатари», сочиненной неизвестным автором свыше 1000 лет тому назад. Речь в нем идет о фрейлине императорского двора, страстно полюбившей своего повелителя. Но государь не отвечал ей взаимностью, и несчастная фрейлина, не в силах вынести муки неразделенной любви, бросилась в воды Сарусава. Узнав об этом, император опечалился и сочинил такие вот стихи:

О Сарусава —
Пруд — как он жесток!
Ах, когда милой
Рукава в него погрузились,
Пусть бы высохла в нем вода!

Перевод Л. М. Ермаковой

На берегу пруда есть ива, на которой, как следует из надписи на установленной рядом с деревом доске, несчастная фрейлина повесила свои одежды перед тем, как бросилась в воду. Многочисленные туристы снимаются у дерева, а ежегодно в конце сентября, когда принято любоваться полной луной, на берегах Сарусава устраивают праздник в память печального события...

Сколько подобных легенд и преданий довелось мне услышать в Японии! Сколько рассказов о неразделенном чувстве, оканчивавшихся столь же печально, рассказов грустных, но удивительно трогательных и добрых. И думается, как бы далеки ни были такие рассказы от действительности, они очень нужны людям, хотя бы потому, что им нужна сказка, без которой жизнь сера и угрюма...

Вернемся, однако, к пагоде Кофукудзи. Вознесшаяся более чем на 30-метровую высоту, увенчанная шпилем с девятью кольцами, символизирующими девять небесных сфер, пагода являет собою зрелище, от которого трудно оторвать взор. Особенно хороша она вечерами, подсвеченная мощными прожекторами, когда ее четкий силуэт выделяется на фоне темного неба. Кажется, перед вами — само воплощение гармонии и совершенства. Любуясь этим творением рук японских зодчих раннего средневековья, я часто вспоминал слова побывавшего в Нара еще в конце прошлого века американца Феноллоса, который назвал пагоду «застывшей музыкой». Феноллос приехал в Японию в 1878 году, чтобы читать в Токийском университете лекции по философии и политической

Кофукудзи →

экономии. Однако в памяти благодарных японцев он остался как человек, исключительно много сделавший для сохранения произведений японского искусства прошлых веков, содействовавший основанию Японской академии изящных искусств, из стен которой вышла плеяда замечательных художников, составивших гордость национальной живописи в конце XIX — начале XX века.

В период своего расцвета Кофукудзи был одним из самых крупных нарсских храмов. В его пределах насчитывалось не менее 170 построек. То был центр одной из шести школ нарсского буддизма — *Хоссо*, пользовавшейся большим влиянием при дворе. Хоссо оформилась на базе учения, проникшего из Китая еще в VII веке. В основе ее догматики лежало утверждение о том, что все окружающие нас явления не более чем иллюзия, порождение нашего ума. Реальным же признавалось только некое единое сознание, равное абсолюту. Такова истинная сущность Вселенной, и осознание ее, учили теологи Хоссо, должно привести человека к просветлению, чего можно достичь путем длительных тренировок. Догматика Хоссо сыграла важную роль в формировании японского буддизма. Но в описываемую эпоху спекуляции на тему о сущности бытия были достоянием лишь небольшого числа ученых монахов и вовсе не они определяли влиятельное положение духовенства Кофукудзи. Этот храм, как и все другие храмы в Хэйдзё, выполнял именно те функции, в выполнении которых нуждались правители страны: монахи Кофукудзи возносили молитвы Будде о защите государства, об исцелении членов царствующей фамилии и ее приближенных, об их благополучии. Уже в нарсскую эпоху закладывались основы отношения к буддизму как средству обретения реальных земных благ, которое в последующие эпохи стало важнейшим элементом религиозного поведения японцев.

Возникший как фамильный храм Фудзивара, Кофукудзи уже в 20-е годы VIII века стал официальным храмом и сохранял этот статус в течение веков. Беспощадное время жестоко обошлось с ним. История Кофукудзи наполнена пожарами и разрушениями. Только в течение XI века храм горел трижды: в 1046, 1060 и 1096 годах. В 1180 году, подожженный воинством Сигэхиро, Кофукудзи разделил участь Тодайдзи. Потребовалось много лет, чтобы возродить храм из праха, но в 1717 году последовал очередной пожар, от которого Кофукудзи так и не оправился. И дело не только в том, что не нашлось подвижника, подобного Кокэю, который взял бы на себя заботы по восстановлению храма. Кофукудзи был в немилости у сёгунов из дома Токугава, которые никак не могли забыть о давних связях храма с кланом Фудзивара. И хотя Фудзивара уже утратили последние остатки бывшего влияния, их неприязнь к бывлым факти-

ческим властителям страны со временем не уменьшилась. Это чувство неприязни распространялось и на Кофукудзи, духовенство которого в силу указанных обстоятельств не могло рассчитывать на поддержку властей. Средств, которые удалось собрать после пожара 1717 года, хватило лишь на восстановление нескольких зданий.

События 1867—1868 годов привели к власти политических противников Токугава. Но и они не благоволили к Кофукудзи. Храм стал жертвой кратковременной, но полной эксцессами кампании «искоренения буддизма», спровоцированной правительством с целью подрыва влияния буддийского духовенства, служившего опорой сёгуната. Отделение Кофукудзи от Касуга тайся сопровождалось уничтожением буддийских символов в последнем. Некоторые здания храма и часть его территории передали в ведение городских властей. Бесценные произведения буддийской скульптуры, созданные по заказу Кофукудзи, десятилетиями пылились в немногих оставшихся в ведении храма зданиях. Только после второй мировой войны были приняты эффективные меры по их сохранности: в 1958 году на средства правительства для них было выстроено специальное выставочное помещение.

Что же осталось в Кофукудзи от его блестящего прошлого? Самая старая из построек — *Хокуэндо* — Северный восьмиугольный зал — относится к XIII веку. Это — реконструкция часовни, воздвигнутой в 721 году в память Фудзивара-но Фубито, умершего за год до этого. Ныне существующая пятиярусная пагода постройки 1426 года, хотя впервые воздвигнута она была в 730 году. Основанный в 813 году *Нангэндо* — Южный восьмиугольный зал, в котором установлены изображения четырех царей — защитников Закона Будды, также не сохранился в первоначальном виде. Нынешняя постройка относится к концу XVIII века. Нужно отдать должное тем, кто восстанавливал здания Кофукудзи: они стремились возродить их такими, какими они были прежде, и немало успели в этом, но многое ко времени восстановительных работ было уже безвозвратно утеряно. Так или иначе, в одном из самых древних храмов Нара не осталось ни одной постройки VIII века.

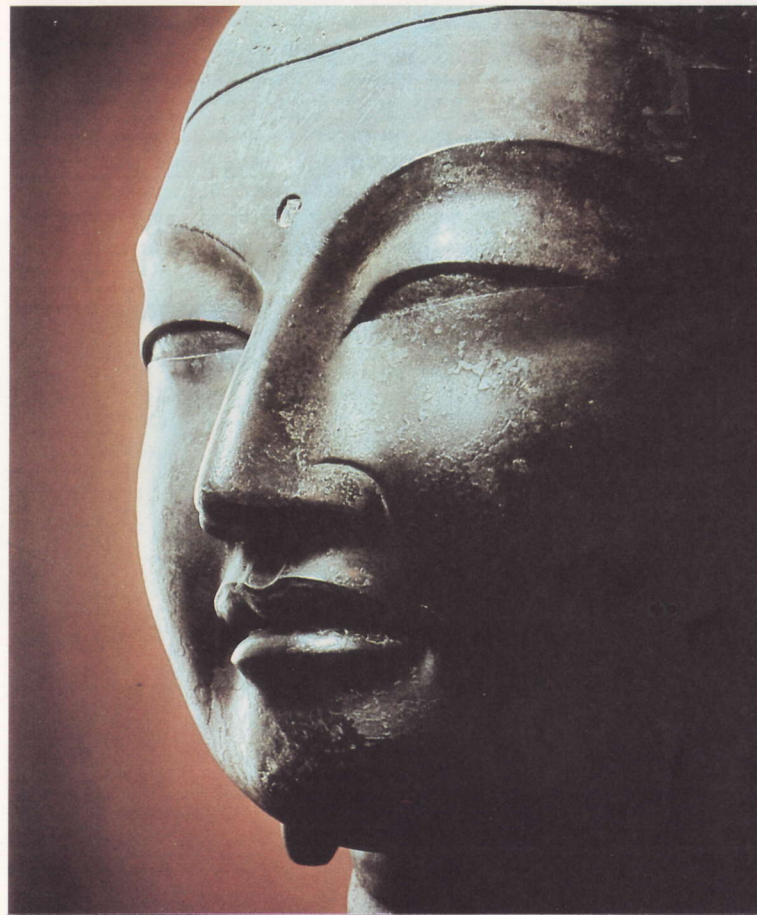
Неоднократные пожары нанесли невосполнимый ущерб и буддийской скульптуре в Кофукудзи. Но даже то, что дошло до нас, позволяет говорить о нынешнем Кофукудзи как о сокровищнице буддийской скульптуры Японии. Здесь хранятся замечательные творения ваятелей разных эпох начиная с VII века и вплоть до XIII—XIV веков. Многие из них относятся к числу лучших образцов японской скульптуры, и обойти их молчанием было бы просто непозволительно.

Те, кому в 1969 году довелось посетить проходившую в Москве и Ленинграде выставку японской скульптуры, не могли не запомнить бронзовую *Голову Будды* — подлинную жемчужину этой экспозиции. Эта работа характеризуется строгими, простыми линиями, великолепно передающими черты лица, исполненные сдержанной силы. Скульптор упростил многое, избавился от ряда деталей и добился впечатления монументальности. Один из иностранных искусствоведов называл Голову Будды из Кофукудзи примером реализма Нарской эпохи, но реализма, не теряющегося в натуралистических деталях, а исполненного сильных чувств, которые придают скульптуре почти абстрактный рисунок. Эта работа, в которой элементы физической красоты сочетаются с выражением духовных идеалов буддизма, была отлита, по всей видимости, в конце 70-х — начале 80-х годов VII века. Полностью она не сохранилась. Бронзовая голова была найдена в пределах Кофукудзи в 1937 году.

Полутораметровая *статуя Ашура дэва* — одного из демонов индуистской мифологии, инкорпорированного в буддизм и ставшего одним из восьми телохранителей Будды, — относится уже непосредственно к Нарской эпохе: она была создана около 734 года. Трехголовый шестирукий Ашура дэва олицетворяет мощь божества, призванного выполнить порученную ему важную миссию. Но в отличие от других божеств-хранителей, поражающих воображение своим устрашающим видом, лица Ашура дэва исполнены юношеской нежности и изящества. Эта скульптура, особенно фигура переднего Ашура дэва с его сплетенными в молитве руками и детски-наивным выражением лица внушает спокойствие и умиротворенность духа.

Надо сказать, что в VIII веке скульптура стала основной формой художественного выражения эпохи. Изображение стало более свободным, больше подчеркиваются чисто человеческие черты. Скульпторы используют уже не только бронзу и дерево, но и другие материалы: сухой лак (пример — тот же Ашура дэва), глину, терракоту. Более разнообразными стали объекты изображения, среди которых заметное место занимают божества-хранители буддийского Закона. Таковы *си тэнно* — стражи четырех стран света, устанавливавшиеся вокруг главных изображений в храмах. Типичным для таких статуй является изображение Дзикоку тэн в Кофукудзи: вытянутые мускулистые руки, крепко сжатые губы, глаза навывкате — все это было призвано олицетворять железную волю и физическую силу.

Много статуй погибло в пожаре 1180 года. После восстановления храма они были заменены новыми изображениями, создате-

Голова
Будды
(Кофукудзи,
VIII в.)

Ашура
дэва
(Кофукудзи,
VIII в.)

лями которых стали выдающиеся скульпторы того времени — Кокэй, его сын Ункэй, внуки Дзёкэй, и Кобэн, один из учеников Кайкэй. Духовенство Кофукудзи нанимало этих мастеров, из поколения в поколение они жили и работали в пределах храма и время от времени принимали заказы от других храмов. Так, Ункэй и Кайкэй создали громадные, 8-метровые *статуи Ни-о* — божественных стражей — в Южных воротах Тодайдзи. Тот же Ункэй выполнил для Кофукудзи почти двухметровую статую одного из основателей школы Хоссо — *Мутяку*, считающуюся одним из лучших образцов портретной скульптуры Камакурской эпохи (1185—1333). Кобэн известен деревянными статуями демонов *Рютоки* и *Тэнтоки*, исполненными доброго юмора и отображающими тело в движении. Дзёкэй внес в скульптуру еще большую свободу и экспрессию, о чем свидетельствуют выполненные им изображения Ни-о и одного из учеников Будды — *Юима* (Вималакирти).

Сегодня Кофукудзи пользуется заслуженной репутацией сокровищницы буддийской скульптуры, а пятиярусная пагода храма стала символом самой *Нара*. Даже для тех, кто попадает в Нара на очень короткое время, посещение площадки перед пагодой является столь же обязательным, как и паломничество к Большому Будде, чтобы иметь основания сказать потом: «Я был в Нара!» В отличие от Кофукудзи расположенный всего лишь в каких-нибудь двух-трех кварталах от него *Гангодзи* пользуется куда меньшей известностью. Если бы не указатели, предусмотрительно установленные на каждом перекрестке, Гангодзи, затерявшийся в сутолоке очень похожих друг на друга одно- и двухэтажных жилых домов под черепичными крышами, вообще было бы нелегко найти. А ведь в свое время Гангодзи был одним из самых больших и влиятельных храмов в Хэйдзё кё и не уступал Кофукудзи ни размерами и числом своих строений, ни количеством обитавших в нем монахов.

Напомним: предтеча Гангодзи *Асука-дэра* был первым буддийским храмом на равнине Ямато. Основанный как фамильный храм клана Сога, Асука-дэра одним из первых был причислен к категории государственных храмов, пользовавшихся всяческой поддержкой двора. Еще до переноса в первую «постоянную» столицу императоров Фудзивара Асука-дэра стал центром одной из самых ранних школ японского буддизма — *Санрон* — Школы трех трактатов, базировавшейся на учении одного из наиболее выдающихся буддийских мыслителей индийского монаха Нагарджуны. Вероучение Санрон отрицало все сущее, утверждая, что конечная истина, или реальность, может быть познана лишь путем такого отрицания. Идеи Санрон были занесены в Японию еще в 625 году

Монах
Муцяку
(Кофукудзи,
VIII в.)

Демон
Рютоки
(Кофукудзи,
VIII в.)

корейским монахом Экан, который в 646 году специально был приглашен ко двору, чтобы познакомить с ними членов правящей фамилии и их окружение.

После переноса в Фудзивара Асука-дэра получил название Гангодзи. С переносом храма в новую столицу Хэйдзё кё произошла некоторая заминка: этому сопротивлялись Фудзивара, помнившие о том, что Гангодзи некогда был фамильным храмом их заклятых врагов Сога. Только в 718 году для Гангодзи был отведен обширный участок в новой столице, храм наделили земельными угодьями в провинции, чтобы монахи, не заботясь о добывании средств к существованию, выполняли свою главную миссию: истово молились о благополучии правителей и процветании государства.

Процветание же самого храма было теснейшим образом связано с поддержкой со стороны власти предрежащих. Поэтому после того, как императорский двор покинул Хэйдзё кё, Гангодзи, как и ряд других государственных храмов, стал постепенно приходить в упадок. Сейчас очень отдаленным напоминанием о его былом величии могут служить лишь одна-две постройки, чудом уцелевшие, несмотря на неоднократные пожары и разрушения. В пределах храма, как правило, малоллюдно. Помнится, я был единственным посетителем, прийдя туда как-то жарким сентябрьским днем. И поэтому, гуляя по посыпанным мелкой белой галькой дорожкам, я мог спокойно и без суеты ознакомиться с громадным количеством установленных вдоль них старых могильных камней. На многих из них были изображены бодхисаттвы Дзидзо, на других высечены знаки санскритской письменности, на третьих — изображение Будды Амида. Эти последние и напомнили мне историю Гангодзи, который, несмотря на утрату высочайшего покровительства, не погрузился окончательно в пучину забвения, а, наоборот, в течение ряда веков оставался одним из наиболее популярных в народе буддийских храмов.

История эта уходит своими корнями в эпоху, когда Гангодзи еще пользовался всеми привилегиями, вытекающими из его положения как государственного храма. Среди многочисленного клира был там монах по имени Тико. Однажды, рассказывает легенда, во сне ему привиделась Чистая земля с восседающим в ней Буддой Амида. Тикó получил указание отказаться от изучения премудростей, содержащихся в сутрах и трактатах, и положиться во всем на милость Амида. Так он и поступил. А в ознаменование своего чудесного озарения изобразил Будду Амида в сопровождении 25 бодхисаттв на деревянной доске. Копию этой картины, воспроизведенную с оригинала уже в Камакурскую эпоху, то есть полтысяче-

летия спустя, можно увидеть и по сей день в *Гокуракубо* — Обители наивысшей радости, как называли строение, где помещалась келья Тико. Картина эта сыграла важную роль в судьбе Гангодзи. Чтобы понять, в чем здесь дело, надо хотя бы вкратце рассказать о культе Будды Амида — одном из самых популярных в японском буддизме.

На санскрите Амида называют *Амитабха*, что значит «бесконечный свет» или «бесконечная жизнь». Прежде чем стать буддой — просветленным, он был правителем одного из индийских царств. К просветлению он шел невообразимо долгое время, ведя подвижнический образ жизни и один за другим выполняя 48 обетов, которые он дал, вступая на путь будды. Результатом его усилий на этом пути явилось создание Чистой земли (по-японски, *Дзёдо*), или, как ее часто называют, Земли наивысшей радости (*Гокураку*). Согласно восемнадцатому из 48 обетов Амитабха, всякий, кто верит в него и возглашает его имя, после смерти возродится в Чистой земле, прервав, таким образом, бесконечную цепь перерождений и связанных с жизнью страданий. О необычайно широком распространении, которое получил культ Амитабха, говорит хотя бы то, что имя этого Будды упоминается более чем в 200 сутрах.

В Японию культ Амида — будем отныне называть его японским именем — проник не позже VII века. Однако на первых порах он особой популярностью не пользовался. Напомним, что в те времена будд и бодхисаттв, подобно местным ками, рассматривали в первую очередь как покровителей и заступников живущих, призванных решать их земные проблемы, а поскольку буддийские храмы находились под покровительством государства, то и молились в них главным образом о процветании государства и благоденствии его правителей. К тому же ни в эпоху, когда резиденция императоров размещалась в Хэйдзё кё, ни в первые два-три века эпохи Хэйан буддизм еще не проник в гущу народа, оставаясь достоянием правящей элиты и духовенства.

Но времена менялись. Императорский двор все больше утрачивал реальную власть, и наряду с этим слабела его поддержка некогда процветавшим государственным храмам. Бесконечные междоусобицы не только расшатывали государственные устои, но и сделали невыносимой жизнь простонародья. Во второй половине XII века кровавая вакханалия междоусобной борьбы достигла своего апогея. В конечном итоге реальная власть оказалась в руках военного сословия — самураев. В 1192 году их руководитель Минамото Ёритомо стал практическим правителем всей страны.

То была поистине переломная эпоха, знаменовавшая переход власти от аристократии к военному сословию. И далеко не случай-

но, что в эту эпоху крайней нестабильности, следовавших один за другим мятежей и переворотов, когда цена человеческой жизни упала невероятно низко, когда простолюдины утратили всякую надежду на перспективу улучшения своего существования в этом мире, на первый план вышел культ Будды Амида. Если жизнь не сулит ничего хорошего, то человеку остается утешиться лишь верой в возрождение в ином, лучшем мире, где не будет войн и насилия, где его душа наконец обретет вечное блаженство.

Култ Амида внедрялся в сознание рода усилиями нескольких поколений проповедников, среди которых наиболее известными являются *Хонэн* (1133—1212) и *Синран* (1174—1263), ставшие родоначальниками двух крупнейших школ японского буддизма — *Дзёдо сю* (Школы Чистой земли) и *Дзёдо Син сю* (Истинной школы Чистой земли). Амидаисты призывали людей во всем положиться на милость Будды Амида. Нет никакой необходимости, говорили они, штудировать трудные для понимания буддийские тексты, прибегать к сложным магическим обрядам, заучивать недоступные для непосвященных заклинания, истязать себя физически, чтобы постигнуть истину Будды. Ничего этого не требуется. Достаточно лишь всем сердцем поверить в будду Амида и в знак этого без конца повторять сакраментальную фразу *Наму Амида буцу* — «О, Будда Амида!» И тогда возрождение в Чистой земле будет обеспечено.

Нетрудно представить себе, сколь привлекательна была эта проповедь для измученных тяготами жизни, отчаявшихся людей. Нетрудно понять и то, почему вероучение амидаистов, столь простое и понятное каждому, стало получать все большее распространение в народных массах. Именно эта проповедь открыла буддизму путь превращения его в религию всего народа. Распространение культа Амида знаменовало собой рождение подлинно японского буддизма.

Новое вероучение вдохнуло новую жизнь в храмы, которые в той или иной степени имели отношение к культу Амида. Вот тут-то и пригодилась духовенству Гангодзи картина, исполненная в далекую эпоху Нара мало кому известным тогда монахом Тико. Люди потянулись в Гокуракубо, где была помещена святыня, чтобы возглашать хвалу Амида непосредственно перед ликом будды. С этого времени Гокуракубо (и Гангодзи) в целом почти семь веков, вплоть до буржуазной революции 1867—1868 годов, служил подлинным центром народного буддизма, то есть верований и религиозной практики, получивших самое широкое распространение среди народных масс. Существующие и по сей день многочисленные проявления такого рода практики берут свое начало в ряде случаев в

Гангодзи в описываемую эпоху. Материальных свидетельств этой практики сохранилось немало в храме, который поэтому нередко называют «сокровищницей народных верований» Японии. Познакомимся с некоторыми из них.

Многократное повторение имени будды Амида считалось главным средством обрести возрождение в Чистой земле. Вместе с тем поощрялись всякого рода добродетельные поступки, которые, как верили, облегчают достижение этой цели. Так, очень добрым делом считалось переписывание сутр, тем более что в те времена это был единственный способ распространения Закона Будды. В Гангодзи хранится множество сутр, переписанных не учеными монахами, а самими верующими. Обычай переписывания, по крайней мере отдельных частей сутр, сохранился и в наши дни: мне лично неоднократно доводилось быть свидетелем такого рода практики в некоторых храмах Киото.

Часто практиковалось изготовление миниатюрных моделей «горин-но то» — каменных пятиярусных ступ, устанавливаемых обычно на могилах. Эти модели, вырезанные из дерева, преподносили в дар храму. В некоторые из них вкладывали кости кремнированных покойников с тем, чтобы они поскорее возродились в Чистой земле. Часто на этих маленьких, не превышающих 10 сантиметров в высоту ступах, писали тушью иероглифы «Наму Амида буцу!»

Но самым распространенным добродетельным поступком было создание буддийских изображений. Считалось, что, чем больше человек преподнесет храму изображений будд, тем больше у него шансов возродиться в Чистой земле. Аристократы преподносили храмам искусно исполненные картины и статуи, служившие их великолепными украшениями. Бедняки были не в состоянии делать такие подношения. Но они могли дешево приобрести изображения будд, отпечатанные на бумаге с деревянных досок или нарисованные тушью на тонких дощечках, или, наконец, маленькие статуэтки, не превышающие 20 сантиметров в высоту. Часто давали обет преподнести храму сто, тысячу и даже десять тысяч таких статуэток. Не только в Гангодзи, но и во многих других храмах доводилось мне видеть так называемые *сэнтай буцу* — тысячу будд. В этом обычае, зародившемся еще в эпоху Камакура, — истоки творчества народных скульпторов более поздних времен, таких, как Энку, Мокудзика и другие, вписавших замечательные страницы в историю японской скульптуры.

Стремление людей возродиться в Чистой земле проявлялось подчас в довольно странной форме. Когда одно из изображений Сётоку тайси, хранящееся в Гангодзи, просветили рентгеновскими

лучами, в правом бедре статуи обнаружили миниатюрную пятиярусную ступу. Во время реставрации другой статуи принца внутри ее обнаружили тексты сутр и листок бумаги с отпечатанным на нем изображением Сётоку. Кстати сказать, в Гангодзи хранится немало вещественных свидетельств того, сколь большой популярностью пользовался культ Сётоку тайси в средневековой Японии.

Того, кто ожидает увидеть в Гангодзи шедевры скульптуры или живописи прошлых веков, ждет разочарование: ни статуи будды Амида и принца Сётоку, ни тем более копию с картины Тико не назовешь таковыми. И тем не менее Гангодзи заслуживает того, чтобы провести здесь час-другой. Ибо, приходя сюда, как бы окунаешься в атмосферу народных верований далекой эпохи, проникаешься чувствами людей давно ушедших поколений, которые, отчаявшись обрести счастье на этой бренной земле, все надежды возлагали на возрождение в ином, по-настоящему светлом и добром мире. И какой бы наивной ни казалась сегодня эта вера, она трогает, заставляя проникнуться сочувствием к далеким нашим предшественникам. И одно это уже хорошо...

Если Кофукудзи — сокровищница буддийской скульптуры, а Гангодзи — «кладовая народного буддизма», как часто называют этот храм, то *Тосёдайдзи* известен тем, что в его пределах сохранилось, пожалуй, наибольшее число строений Нарской эпохи. Основание *Тосёдайдзи* связано с именем очень почитаемого в Японии китайского монаха *Чиенчен* (в японском произношении — *Гандзин*). Кстати, *Тосёдайдзи* можно перевести как Храм приглашенного китайца. Вспоминаю, как в 1963 году отмечали 1200-летие смерти Гандзина. Выставки, телепрограммы, публикации в газетах и журналах, лекции, симпозиумы, не говоря уже о пышных службах в буддийских храмах... Казалось, весь год проходит под знаком памяти Гандзина. Масштабы и широта этих мероприятий настолько меня поразили, что побудили заинтересоваться личностью монаха. Вот его история.

Император Сёму, по повелению которого, как, должно быть, помнит читатель, был сооружен Тодайдзи, задумал пригласить из Китая ученого монаха, знатока обетов и правил, кои должно соблюдать слугам Закона Будды. В специалисте такого рода ощущалась острая необходимость. Дело в том, что японские монахи знали о существовании указанных обетов и правил лишь понаслышке, никто из них им формально обучен не был, и даже то, о чем знали весьма приблизительно, практически не соблюдали. Это в свою очередь вело к падению нравов и ослаблению дисциплины среди монашеской братии. Вот почему в состав отправлявшегося в 733 году в Китай очередного официального посольства были вклю-

Гандзин,
основатель
Тосёдайдзи
(Тосёдайдзи,
VIII в.)

чены два монаха — Эйэй и Фусё со специальным заданием найти нужного человека. Кстати сказать, то был далеко не первый случай включения монахов в состав официальных миссий. Имена монахов фигурируют почти в каждой из них, что неудивительно: ведь именно среди них было наибольшее число грамотных. Отправлявшиеся в Китай монахи подчас проводили там долгие годы, усиленно изучая буддийскую премудрость, знакомясь с различными сторонами китайской цивилизации. Эти люди внесли неоценимый вклад в дело распространения достижений материковой культуры у себя в стране.

Эйэй и Фусё потребовалось не менее десяти лет, чтобы наконец обнаружить того, кто был им нужен. Гандзин, приверженец учения Рицу — Школы заповедей, пользовался репутацией самого компетентного знатока правил, регулировавших жизнь монашеской общины. Не случайно, что такой высокочтимый эксперт принадлежал именно к школе Рицу, духовенство которой придавало куда большее значение соблюдению монахами обетов и правил, нежели знанию самого вероучения.

Поначалу Гандзин, не отличавшийся хорошим здоровьем и вступивший, по понятиям того времени, в преклонный возраст — ему шел уже 55-й год, — предложил кому-либо из своих учеников возглавить миссию в Японию. Однако добровольца совершить далекое и опасное путешествие не нашлось. Тогда Гандзин решил отправиться в Японию сам. Судьба, однако, не была благосклонна к этому начинанию. Четыре попытки Гандзина пересечь море окончились неудачей. Первая сорвалась из-за того, что в число отобранных им сопровождающих затесались пираты. Во второй раз судно, на котором отплыл Гандзин, потерпело кораблекрушение, и сам монах еле спасся. Когда Гандзин вышел в море в третий раз, сильный ветер отнес корабль совсем в противоположную сторону — к южному острову Хайнань. В четвертый раз Гандзину даже не удалось ступить на борт корабля: власти отказались отпустить столь знаменитого человека за пределы страны. Число участников экспедиции Гандзина таяло с каждой неудачной попыткой. Сам он, долгое время страдавший болезнью глаз, потерял зрение. И все-таки он не отказался от своего замысла. В 750 году ему наконец удалось отплыть из Китая на корабле, увозившем японского посла. Последовало многомесячное плавание, длительная остановка на Окинаве, куда ветер занес судно, и только в 754 году Гандзин наконец прибыл в Хэйдзё.

Гандзин не только ознакомил нарсских монахов с многочисленными правилами и обетами. Он ввел практику формального посвящения в монашеский сан, для чего в пределах Тодайдзи была

выстроена специальная платформа — *кайдан*. Он выступал и как комментатор сутр, привезенных им с собой из Китая. Гандзин, действительно, сделал очень много как для укрепления монашеской общины в столице, так и для распространения буддийского вероучения в целом. Именно его усилиям школа Рицу обязана тем, что на протяжении многих лет она оставалась одной из наиболее влиятельных школ японского буддизма.

Гандзин не воспользовался данным ему императором разрешением возвратиться на родину и остался в Японии до конца своих дней. Ему был пожалован участок земли на западной окраине Хэйдзё, где в 759 году воздвигли храм Тосёдайдзи, оставшийся приютом Гандзина до самой его кончины. В пределах храма есть маленькая часовня, а в ней — изображение Гандзина, вырезанное в 763 году. Рассказывают, что одному из учеников Гандзина привиделся сон, из которого он узнал о близкой смерти своего учителя. Тогда ученики Гандзина решили еще при жизни учителя создать его статую. Так впервые в Японии появилась портретная скульптура, обращающая на себя внимание рядом реалистических деталей. Перед вами слепой человек, это очевидно, но тем не менее впечатление такое, будто он напряженно всматривается во все то, что происходит вокруг. Скульптору удалось создать изображение, которое с полным основанием можно характеризовать как олицетворение концентрации всех духовных сил человека.

Мы не случайно столь подробно остановились на личности Гандзина, его делах. Безусловно, его деятельность — одно из многих проявлений японо-китайских связей в области духовной жизни в древности и в период раннего средневековья. Контакты с Китаем сыграли такую роль в становлении собственно японской культуры, японского общества, государственной системы Японии того времени, переоценить которую невозможно. Именно этим объясняется присущий особенно японцам старшего поколения пиетет перед Китаем, преклонение перед его древней культурой. В отношении японцев к Гандзину в концентрированной форме нашло свое проявление, возможно, в ряде случаев подсознательное чувство признательности учеников своему учителю, которому они столь многим обязаны, чувство, распространяющееся на Китай в целом. Это чувство не смогли поколебать ни войны, омрачившие взаимоотношения между двумя странами в период с конца XIX века по середину нашего столетия, ни эксцессы культурной революции, а злодеяния, совершенные в Китае японскими милитаристами в 30—40-е годы, лишь укрепили это чувство, добавив к нему осознание вины перед учителем. Думается, мы никогда не должны упускать из виду это обстоятельство, если хотим правильно понять те факторы, кото-

Кондо —
главный
зал
Тосёдайдзи.
Вид
со стороны
Южных
ворот

*Кодо —
зал
проповедей
Тосёдайдзи*

*Хранилища
реликвий
и сутр
в Тосёдайдзи*

Тысячерукая
Каннон
(Тосёдайдзи)

рые подспудно определяют отношение японцев к Китаю и оказывают влияние на политику Японии в отношении этой страны.

Вернемся, однако, к Тосёдайдзи, одному из самых красивых нараских храмов. Мне довелось посетить его лишь однажды (без малого четверть века тому назад), и до сих пор от этого посещения осталось ощущение светлого праздника, которое охватывает человека всякий раз при встрече с прекрасным. Храмовый ансамбль, в который входят постройки VIII века — *кондо* (главный зал) и *коддо* (зал проповедей), удачно вписан в окружающий сельский пейзаж, словно специально созданный для того, чтобы служить ему естественным фоном.

К кондо ведет обсаженная деревьями аллея. Это одноэтажное продолговатое здание, и первое, что бросается в глаза, большая черепичная крыша с глубокими стрехами, образующая мощную массивную горизонталь. Но ее мягкие контуры вовсе не производят впечатление чего-то давящего, а, наоборот, кажется, что крыша парит, невесомая, над зданием. Может быть, этот эффект достигается тем, что архитектор установил на продольном фасаде здания колоннаду, повторяющиеся вертикали которой уравнивают горизонталь как крыши, так и каменной платформы, на которой стоит постройка. Завершающие маху конька *сиби* — украшения в виде хвостов рыб или, как считают некоторые специалисты, драконов, придают контуру крыши дополнительную элегантность. По всей вероятности, *сиби* имели не только декоративное, но и прагматическое назначение, будучи предназначены для предотвращения пожаров: рыбы, как и драконы, символизировали воду, дождь. Сама по себе постройка чрезвычайно проста, очень похожа на храмовые здания предыдущей эпохи, возможно, лишь с той только разницей, что система консолей и балок, поддерживающих большой вынос крыши, отличается несколько большей сложностью. Коричневое дерево колонн, белая штукатурка стен и серая черепица крыши создают гармоничное целое с окружающей кондо зеленью.

Кондо в Тосёдайдзи — самое старое здание этого типа в Японии. Полагают, что раньше это была одна из построек в дворцовом квартале и ее перенесли на нынешнее место после того, как храм уже был построен. Его архитектура очень похожа на кондо, за исключением того, что это здание более продолговатой формы и у него отсутствует колоннада. Оно предельно функционально, в нем нет ничего лишнего, и оно выглядит очень просто даже на фоне достаточно простых форм кондо.

Неподалеку от Тосёдайдзи (всего лишь в 10 минутах неспешной ходьбы на юг) находится еще один из наиболее древних на-

Восточная
пагода
Якусидзи

ских храмов — Якусидзи. Он был основан еще в 680 году по повелению императора Тэмму, дабы молить Будду — целителя Якуси о выздоровлении императрицы Дзито, пораженной глазной болезнью. Молитвы возымели действие: императрица излечилась. Правда, когда сам Тэмму заболел, никакие обращения к Якуси не помогли, и император скончался. Тем не менее Якусидзи, объявленный официальным храмом, пользовался неизменным покровительством двора. В 718 году Якусидзи был перенесен в Хэйдзё. Есть и другая версия, согласно которой на западной окраине Хэйдзё был выстроен совсем новый храм под этим именем, а старый остался на месте бывшей столицы, изменив свое название на *Мото Якусидзи* — Бывший Якусидзи. Впрочем, это не имеет уж такого большого значения. Известно, что в Нарскую эпоху Якусидзи был одним из наиболее влиятельных столичных храмов, соперничавших с Кофукудзи как один из центров школы Хоссо. К сожалению, время безжалостно обошлось с Якусидзи. Храм не однажды горел, и подавляющее большинство его зданий, которые можно увидеть сегодня, относится к XVII веку. Исключение составляет лишь Восточная пагода, чудом уцелевшая, несмотря на неоднократные пожары, и поныне являющаяся одним из редких образцов раннего японского храмового зодчества.

С какой бы стороны вы не подходили к Якусидзи, пагода — первое, что бросается в глаза и служит верным ориентиром на пути к храму. Ее силуэт с длинным тонким шпилем четко вырисовывается над кущей деревьев, когда вы проходите проселочной дорогой от Тосёдайдзи мимо рисовых полей. А если идти к Якусидзи с запада, то перед вами откроется еще более радующая взор картина: за ровной гладью пруда Кацумата, на некотором расстоянии от его противоположного берега вы видите небольшую рощу и в ней — пагоду на фоне расположенных в отдалении холмов Вакакуса и Касуга. Когда подходишь поближе, то создается такое впечатление, будто у пагоды больше ярусов, чем у сооружений такого типа. Но впечатление это обманчиво. В действительности ярусов всего три.

Дело, однако, в том, что под каждой из трех главных крыш сооружена крыша поменьше, так что кажется, будто перед вами две трехъярусные пагоды, вставленные одна в другую. Пагоду венчает длинный шпиль с уже знакомыми нам девятью кольцами, символизирующими девять небесных сфер, а над ними — так называемый *суйэн* — вырезанное из меди украшение (орнамент) в виде языков пламени, в который вписаны фигурки танцующих и играющих на музыкальных инструментах *хитэн* — небесных ангелов буддийской мифологии. Вся постройка характеризуется легко-

Небесный
ангел
на шпигеле
Восточной
пагоды
Якусидзи

стью, утонченностью контура и грацией, которые делают ее красивой пагодой своего времени.

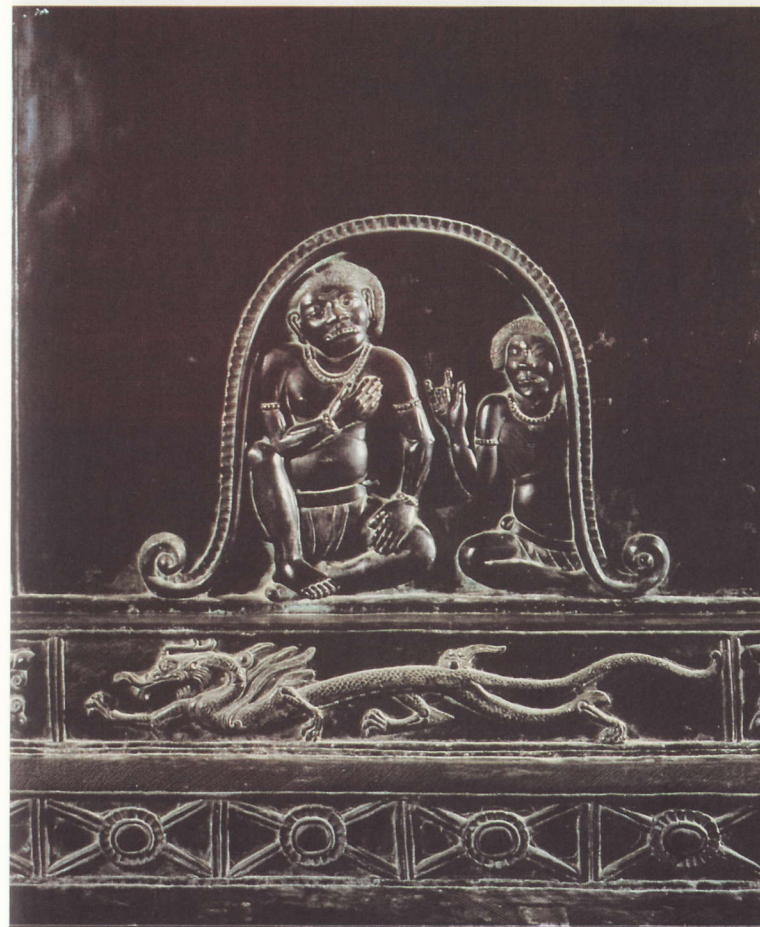
Однако подлинное сокровище Якусидзи — это даже не великолепная Восточная пагода, а бесценная коллекция буддийских скульптурных изображений, часть из которых восходит еще к предшествующей эпохе. Главные из них — помещенная в зале для проповедей троика Якуси: *Будда* — целитель с его неизменными спутниками бодхисаттвами *Гакко* и *Никко*, символизирующими соответственно свет луны и солнца. Отлитые из бронзы монументальные фигуры (высота сидящего Якуси — 255 сантиметров, а стоящих по обеим сторонам от него бодхисаттв — по 312 сантиметров) впечатляют величием, пропорциональностью форм, реалистическими характеристиками в изображении как тел, так и деталей одежды, а главное — технической безукоризненностью и завершенностью. Очень интересны барельефы на пьедестале Якуси. Вы видите какие-то странные полуголые фигуры с длинными нечесаными волосами, с набедренными повязками, браслетами выше локтя, ожерельями на шеех. Кажется, это какие-то дикари, настороженно выглядывающие из своих пещерных убежищ. Тем, кто знаком с ранним буддийским искусством Индии, они напоминают характерные для него изображения дьяволов. Этих фигур — двенадцать, и присутствие их на пьедестале Якуси далеко не случайно: они как бы воплощают двенадцать обетов Будды-целителя — помогать каждому, кто обращается к нему, не исключая людей, ведущих примитивный и дикарский образ жизни.

Здесь мы позволим себе небольшое отступление. Как читатель уже неоднократно мог убедиться, буддийское искусство в целом, а скульптура в особенности, были призваны служить конкретной иллюстрацией самых различных аспектов вероучения. Буддийские изображения должны были просто и доступно рассказать верующему то, что он не мог прочесть в сутрах. Именно поэтому буддийская скульптура, живопись и даже декоративное искусство очень богаты по содержанию и нередко помогают верующему в постижении абстрактных идей буддизма.

Однако со временем содержание, которое первоначально вкладывалось в те или иные образы, могло меняться. Так, фигуры, олицетворяющие двенадцать обетов Будды-целителя, впоследствии эволюционировали в *Дзюни синсё* — Двенадцать божественных генералов, призванных охранять обитель Якуси — *Дзёрури* (Чистая земля ляпис-лазури). При этом число «двенадцать» стало ассоциироваться не столько с двенадцатью обетами Якуси, сколько с числом знаков зодиака: все направления, обозначавшиеся ими, следовало обеспечить должной охраной.

Будда
Якуси
(Якусидзи)

Барельефы
на постаменте
Будды
Якуси
(Якусидзи)

Один
из двенадцати
божественных
генералов
(Син Якусидзи)

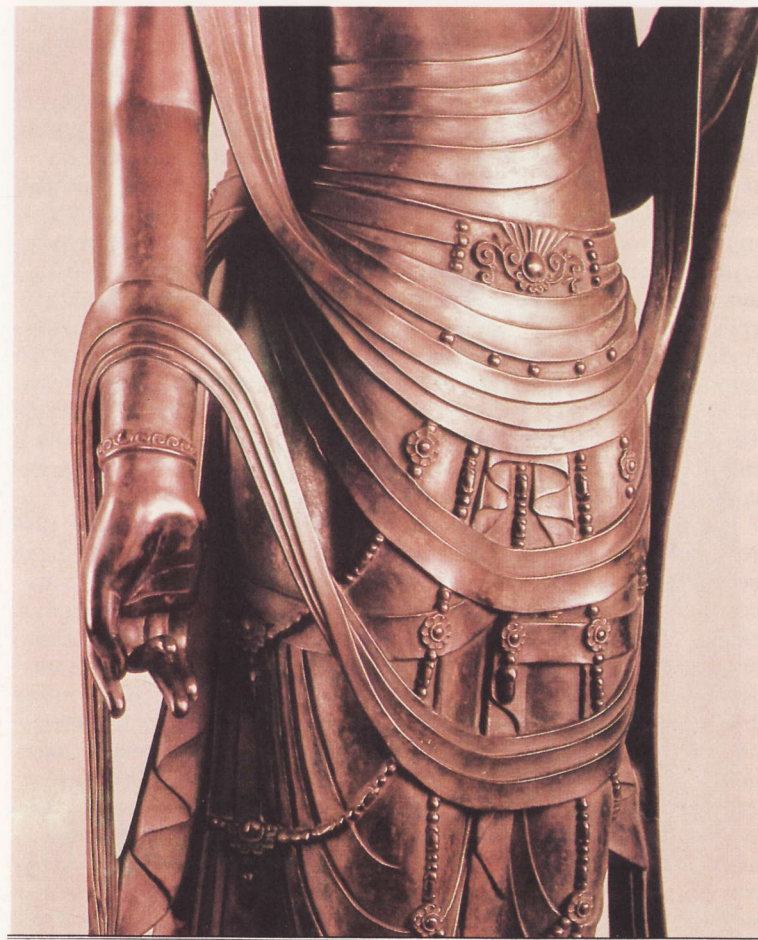
Изображения Двенадцати божественных генералов стали весьма популярными в буддийской скульптуре Японии, породив большое разнообразие в трактовке их образов. Однако и здесь, как и во всех других случаях, должны были строго соблюдаться, по крайней мере, основные характерные черты, установленные каноном. В этом плане интересны фигуры, охраняющие Будду-целителя в упоминавшемся уже храме Син Якусидзи. Двенадцать божественных генералов, вылепленных из глины в середине VIII века, принадлежат к числу наиболее ранних статуй этой категории, и присущие им характеристики вполне могли послужить образцом для мастеров последующих поколений.

Вот как они изображены. *Хайра* стоит подбоченясь левой рукой, с копьем в правой. *Басара* держит в руках хлопущку из конского волоса. *Антера*, положив левую руку на поясицу, в другой держит копье. У *Синдара* украшенная драгоценными камнями трость в левой руке и драгоценный камень — в правой. Самым грозным выглядит *Сётора*: волосы у него стоят дыбом, словно шипы, рот широко раскрыт в диком крике, в правой руке он угрожающе сжимает меч. Двенадцать божественных стражей демонстрируют разнообразные виды оружия: *Макора* сжимает в правой руке топор, *Бикара* — дробилку, *Кубира* натягивает тетиву лука, *Анира* держит обеими руками стрелу, а *Мекира* сжимает меч. Божественные генералы изваяны в человеческий рост, каждый из них облачен в китайские воинские доспехи, подчас изысканно украшенные. Если *Сётора* — само олицетворение гнева и ничем не контролируемой ярости, то и большинство остальных генералов выглядят не намного менее свирепыми. Глядя на них, невольно думаешь о том, как не вяжутся эти фигуры с нашим представлением о духе буддийского вероучения. Но не надо забывать, что функции этих заимствованных из других религий божеств — защищать и охранять Закон и потому, чем страшнее, чем отталкивающе они выглядят, тем эффективнее должны выполнять свою миссию.

Вернемся, однако, в Якусидзи. Хочется сказать еще несколько слов о пьедестале Якуси, который украшен различными декоративными узорами. Мотивы некоторых из них напоминают о древних связях стран Восточной Азии с далеким Средиземноморьем, которые осуществлялись по легендарному Шелковому пути. На каждой из сторон пьедестала имеются и барельефные изображения животных, символизирующих по китайской традиции страны света: голубой дракон — на востоке, белый тигр — на западе, птица феникс — на юге и черепаха со змеей — на севере. С ними мы уже встречались в захоронении Такамацудзука. В данном случае они не

Бодхисаттва
Каннон
(Якусидзи)

Бодхисаттва
Каннон,
деталь

только обозначают страны света, но и символизируют охватывающее весь мир милосердие Будды-целителя.

Одним из лучших образцов техники японской бронзовой скульптуры служит и помещенное в *Тоиндо* (Восточном зале) Якусидзи изображение *бодхисаттвы Каннон*. В нем поражает исключительно тонкая и технически безукоризненная отделка буквально всех деталей, даже тех, которые обычно не видны посетителю храма: фотографии спины статуи обнаруживают, с какой тщательностью скульптор передает складки одежды, декоративные украшения пояса, детали прически, браслеты на руках фигуры. Вместе с троицей Якуси изображение Каннон составляет как бы единую группу, выдержанную в едином стиле, и часто эти фигуры называют «четырьмя бронзовыми статуями Якусидзи». Все они созданы на рубеже VII—VIII веков, несут признаки влияния скульптуры Танского Китая; и это также повышает их ценность, поскольку в самом Китае образцов скульптуры эпохи династии Тан сохранилось немного.

В Якусидзи мы встречаемся с первыми изображениями синтоистских божеств. Как помнит читатель, местные божества были невидимыми, за исключением одного — самого императора, которого поэтому и называли «богом явленным». Но под влиянием буддизма и по мере усиления синто-буддийского синкретизма появились и статуи местных богов. Так, бога воинских искусств *Хатимана* стали изображать в облике монаха, поскольку в IX—X веках сложилось представление о том, что Хатиман — воплощение одного из бодхисаттв. Ныне это изображение установлено в святилище близ Якусидзи. Попало оно туда при следующих обстоятельствах. После пожара Якусидзи в 974 году губернатором девяти провинций было дано указание финансировать работы по восстановлению храма. Одновременно в Якусидзи была перенесена статуя Хатимана в монашеском одеянии, дабы оберегать храм от всяческих бед и неприятностей. Ее установили вместе со статуей императрицы Дзингу, которую также стали почитать как изображение божества.

Мы уже упоминали о женском монастыре *Хоккэдзи*, воздвигнутом по повелению императрицы *Комё* у стен дворцового квартала на месте ее резиденции, бывшей до этого усадьбой отца императрицы — Фудзивара-но Фубито. О *Комё* сохранилось немало легенд и преданий. Они рисуют образ женщины несравненной красоты, верной и любящей супруги, последовательницы Закона Будды, преисполненной чувства милосердия и сострадания к больным и несчастным. Одна из легенд связана с баней, существующей и сейчас в пределах Хоккэдзи. Утверждают, что императрица пове-

Императрица
Дзингу
(Якусидзи)

лела выстроить ее, чтобы мыть больных. Она якобы дала обет собственными руками смыть грязь с 1000 страждующих и выполняла его последовательно без каких бы то ни было колебаний. Так она помыла 999 человек. Но когда очередь дошла до последнего, Комё впервые дрогнула: перед ней предстал прокаженный, все тело которого было покрыто гноящимися язвами. К тому же этот человек сказал, что если она высосет истекающий из его тела гной, то он исцелится. Комё готова уже была бежать, но глубокая вера не позволила ей нарушить обет, до исполнения которого остался лишь один шаг. Превозмогая отвращение, она своими красивыми губами начала слизывать гной с тела больного. И тогда случилось чудо: тело прокаженного внезапно засветилось каким-то чудесным сиянием, больной превратился в Будду и ушел.

Как бы далека от действительности ни была эта легенда, она, вне всякого сомнения, определяет отношение современников к императрице Комё, сложившиеся о ней в народе представления. И видимо, были какие-то основания для таких представлений, ибо легенды на пустом месте не рождаются. В данном случае основанием стали, очевидно, присущие Комё доброта и чувство сострадания к немощным и обездоленным.

В свете сказанного вполне естественным выглядит то, что главным изображением в Хоккэдзи является статуя божества милосердия и сострадания — *Одиннадцатиликая Каннон*. Культ бодхисаттвы Каннон получил в Японии исключительно широкое распространение. Известны 33 ипостаси Каннон, среди них — Тысячерукая, Одиннадцатиликая, Каннон с головой лошади, с головой дракона и т. п. Хотя, как известно, бодхисаттвы — существа бесполое, говоря о Каннон, мы употребляем женский род. Дело в том, что в представлениях японцев этот бодхисаттва рисовался в виде женщины и таковой предстает уже в самых ранних изображениях. Не случайно поэтому, что иные изображения Каннон воспринимаются как олицетворение женской красоты. К их числу принадлежит и статуя в Хоккэдзи. Вглядимся в нее: мягкий абрис пухлых щек, правильный рисунок губ, разлетевшиеся над узкими прорезями глаз брови, выбивающиеся из-под короны локоны, словно струящиеся по плечам, полное тело... А эта правая ножка, отставленная за край пьедестала, нежная ручка с длинными тонкими ладонями, охватывающими горлышко сосуда с цветком лотоса... Разве это не идеализированный образ женщины, воплощение красоты и женственности в понимании людей того времени? Необычно решение нимба в этой статуе: он образован листьями и нераспустившимися бутонами цветов лотоса, длинные тонкие ножки которых тянутся откуда-то из-за спины Каннон так, что не

только ее голова, но и вся фигура выступают перед нами словно в каком-то светящемся ореоле. Вглядимся и в десять ликов на короне статуи: у каждого из них разное выражение, ибо, приходя в этот мир, чтобы спасти страждущих и болящих, Каннон всякий раз принимает разные выражения лица.

И у этой статуи есть своя легенда. Рассказывают, что царь далекой заморской страны страстно желал вознести молитвы живому бодхисаттве Каннон. Однажды, когда он был погружен в глубокое самосозерцание, ему послышался голос, советовавший отправиться в Японию, чтобы увидеть императрицу Комё. Не будучи в состоянии совершить столь далекое путешествие, царь отправил вместо себя ваятеля Мондоси, поручив ему сделать изображение императрицы. Скульптору, проделавшему долгий и опасный путь до Хэйдзё, удалось лишь мельком взглянуть на Комё, стоящую на берегу пруда. Но этого было достаточно для талантливого мастера, чтобы вырезать две статуи Комё в виде Одиннадцатиликой Каннон, одну из которых он увез с собой, а другую оставил в Японии.

Разумеется, это тоже только легенда. Достаточно напомнить, что императрица Комё умерла в 760 году, а статуя была вырезана не раньше начала IX века. Но людям очень хочется верить в красивые сказки, тем более когда они связаны с таким приятным предметом, как женская красота. И раз уж мы заговорили об этой вечной теме всех литератур и искусств всех народов, нам придется отправиться на северо-западную окраину Нара к храму *Акисино-дэра*. Храм был основан в 780 году, то есть за четыре года до того, как императорская резиденция была перенесена из Хэйдзё. Сохранившийся главный зал был построен в XIII веке в полном соответствии с его прототипом Нарской эпохи. Но большинство посетителей храма привлекает отнюдь не эта постройка, а двухметровая фигура *Гигэйтэн* — божества музыки и искусства. И дело не только в том, что статуя в Акисино-дэра — единственное известное скульптурное изображение этого божества. Даже среди шедевров японской буддийской скульптуры трудно найти более совершенное воплощение сочетания мягкой, утонченной женской красоты с чувством безграничного милосердия и сострадания, которыми исполнена вся фигура. Слегка склоненная набок головка, опущенные долу глаза на пухлом детском личике, протянутая правая рука — призыв к людям не предаваться страху перед испытываемыми ими лишениями... Вся фигура исполнена совершенной гармонии, и это настроение невольно передается всякому любующемуся ею. Видимо, судьба Гигэйтэн сложилась непросто: от первоначальной статуи VIII века, сделанной из сухого лака, сохра-

Изображение
женского
божества,
деталь
(Якусидзи)

Китидзё
тэн,
деталь
(Якусидзи)

Одиннадцатиликая
Каннон
(Хокэйдзи)

нилась лишь голова, а вырезанное из дерева тело — работа более поздней, Камакурской эпохи. Считают, что выполнял эту работу не кто иной, как уже известный нам Ункэй. Доказательств его авторства нет, но, думается, версия эта не так уж безосновательна, ибо создать такой шедевр по силам лишь действительно выдающемуся мастеру, каким был Ункэй.

Завершая наш беглый и весьма неполный обзор нарских храмов, следует сказать несколько слов о *Сайдайдзи* — Великом храме Запада, тем более что события, связанные с созданием этого храма, в конечном итоге послужили одним из непосредственных поводов переноса императорской резиденции из Хэйдзё. Мы уже упоминали о том, что храм был основан для того, чтобы молиться о подавлении мятежа Фудзивара-но Накамаро. Но последний имел веские причины для того, чтобы решиться на такой шаг. Накамаро был в зените своей славы и влияния (он практически возглавлял правительство), когда возникла угроза его власти со стороны безвестного дотоле монаха Докё, сыгравшего роль японского Распутина при дворе. Докё пользовался репутацией мага-врачевателя. Когда в 761 году императрица Кокэн заболела, он был призван во дворец, чтобы исцелить ее. Императрица чудесным образом исцелилась, и нетрудно представить, как в результате этого стали развиваться последующие события. Докё был осыпан почестями, получил один из высших постов в буддийской храмовой иерархии, а императрица все больше подпадала под его влияние. Вот это и побудило Накаморо взяться за оружие. Но ему не повезло: он оказался жертвой предательства и был казнен вместе с женой и детьми. А императрица повелела Докё заказать бронзовые статуи *Си тэнно* — Четырех божественных королей, которым надлежало карать врагов трона так же, как они попирают своими ногами демонов — именно в таком виде было принято изображать этих стражей Закона. Так было положено начало Сайдайдзи. Свое название храм получил по месту расположения — к западу от дворцового квартала, в то время как Тодайдзи находится к востоку от него. Императрица Кокэн, которая к тому времени взойшла на трон под именем Сётоку, замыслила построить храм, который по размерам и пышности своих строений ничем не уступал бы Великому храму Востока. В этом проявилось стремление Докё создать противовес духовенству Тодайдзи. Этим и объясняется энтузиазм, с которым он принялся за сооружение нового храма.

Молва, запечатленная в народных легендах, утверждает, что между императрицей и Докё были интимные отношения. Но честолюбивый монах не удовлетворился тем, что мог манипулировать правительницей государства, как ему того хотелось. Он жаждал не

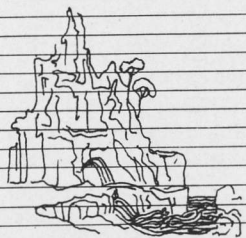
Гигэйтэн
(Акисино-дэра)

только фактической власти, но и самого трона. Смерть Сётоку помешала осуществлению этих амбициозных планов. Докё был изгнан из столицы и вскоре умер. Но призрак угрозы захвата власти со стороны укрепившего свои позиции нарсского духовенства с тех пор не покидал императора и его окружение, что и побудило их в конечном итоге покинуть Хэйдзё.

Сайдайдзи так и остался недостроенным. Пожар 1140 года уничтожил большинство имевшихся построек. В XIII веке усилиями монаха Эйсона они были восстановлены. Именно с этого времени начался период расцвета Сайдайдзи. Но длился он относительно недолго: после пожара 1502 года храм уже никогда не обрел былого великолепия. Ныне ничто в пределах Сайдайдзи не напоминает о временах, когда Великий храм Запада пытался соперничать с Великим храмом Востока. От некогда величественных пагод и залов остались лишь большие камни, на которых возвышались опорные столбы построек. Самое заметное сооружение на храмовой территории — это *дайгоринто*, высокая (3,6 метров) башня, сложенная из камней различной формы и установленная на могиле Эйсона. Такие башенки начали устанавливать на могилах с конца XIII века. Пять камней символизируют пять элементов, из которых, согласно вероучению эзотерического буддизма, к одной из школ которого — *Сингон* — принадлежал Эйсон, состоят все вещи в мире. Квадратный камень, устанавливаемый внизу, символизирует землю. Над ним располагается круглый камень — символ воды. Еще выше кладется камень в форме треугольника, представляющий огонь, далее — камень, напоминающий полумесяц и символизирующий ветер. Венчает сооружение каменный шарик со слегка заостренной верхушкой (так в буддийской иконографии изображаются драгоценные камни маны, наделяемые чудодейственными свойствами). Этот шарик символизирует пространство. Подобного рода башенки можно увидеть часто на месте старинных захоронений. Дайгоринто в Сайдайдзи относятся к числу лучших образцов такого рода сооружений.

Вид могилы Эйсона усугубляет настроение меланхолической грусти, охватывающей человека всякий раз, когда он попадает в обычно безлюдные пределы Сайдайдзи. Все здесь проникнуто атмосферой заброшенности, и вы невольно проникаетесь осознанием непостоянства и быстротечности всего сущего. Был когда-то большой оживленный храм, претендовавший на положение главного в столице, и вот нет его, как нет и самой столицы, ее жителей, с их заботами, страстями, неудовлетворенными амбициями. Поистине быстротечно беспощадно и время, которое, оставляет человеку лишь смутные воспоминания об утраченном прошлом.

символ
башни

ОМИНЭ

Префектура Нара (бывшая провинция Ямато) — это не только и даже не столько равнина Ямато. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться в том, что в зеленый цвет окрашен лишь маленький пятачок в северо-западном углу префектуры. Все остальное — холмы и горы. Особенно сложным рельефом отличается южная часть префектуры: запутанная сеть хребтов, глубокие ущелья с бегущими по дну их потоками, прорывающимися через внезапно возникшие на их пути каменные стены... Необычайно сильное впечатление производит картина этого горного края, когда любишь ее, стоя на краю *Охэбигура* — Пропасти Великого Змея, которая обрывается в 800-метровую глубину плато Одайгахара, пользующееся репутацией самого мокрого места в Японии — так много там выпадает осадков. Кажется почти невозможным, чтобы в поле зрения вместились так много: и цепи вершин, теряющихся в облаках, и стены утесов с низвергающимися по ним водопадами, и блестящий далеко внизу поток — словно весь мир открылся перед вашим изумленным взором. В этом краю природа еще сохранила свою первозданную красоту. В этом убеждаешься еще больше, когда спускаешься в ущелье Осугидани, где я побывал со своими спутниками — преподавателями из университета Тэнри. Очевидно, незадолго до этого промчавшийся тайфун снес часть подвесных мостов, и поэтому турист-

ский маршрут вдоль ущелья был объявлен закрытым. Но мы все-таки спустились и не пожалели: такое мне редко доводилось видеть, несмотря на многочисленные горные походы за годы пребывания в Японии. Не говорю уже об обилии водопадов, низвергавшихся со стен ущелья чуть ли не через каждые 100—200 м пути, о бесконечном многообразии форм скального рельефа, о неповторимости каждого извива бурно несущегося потока. Главное было в том, что на протяжении всего пути, вплоть до выхода из ущелья, нам не встретился ни один человек — явление в Японии почти немыслимое. Часами мы были наедине с великим творением природы, и о присутствии там кого-то другого лишь один-единственный раз напомнил нам туристский приют на берегу реки.

Воротами в этот горный край служит префектурный парк Ёсино. От горы Мива до долины реки Ёсино, разрезающей префектуру Нара поперек на две неравные части, каких-нибудь тридцать—сорок минут на автомашине, а оттуда рукой подать до самого парка — живописнейшей холмистой местности, хорошо известной всем японцам цветением сакуры весной. Мне довелось побывать там много лет тому назад в самый пик цветения. Обстановка для любования цветущей вишней, надо признать, была далеко не самой подходящей: с утра моросил надоедливый дождь, живописные окрестности тонули в густом тумане. Но это не остановило тысячи любителей ханамии, расположившихся под цветущими деревьями на промокших циновках с бутылками рисовой браги — сакэ и нехитрой закуской. Невзирая на моросящий дождь и порывы холодного, далеко не весеннего ветра, люди предавались традиционному пиршеству, радостно возбужденные и счастливые. Вспоминается японская поговорка (*Хана ёри данго* — «лепёшка важнее цветов вишни»), которую я запомнил еще на первых уроках японского языка в далеком 1950 году в стенах дорогого памяти Московского института востоковедения. Действительно, казалось, для этих людей нет ничего важнее, чем осушить чарку сакэ в компании друзей и близких, а о красоте цветущей вишни они вовсе не думают. Но, наверное, так все-таки только казалось. Не было бы цветения, не поднимались бы они по скользкому склону, не росли бы на циновках на мокрой земле. А цветущая сакура всегда хороша, даже в моросящий дождь, когда порывы ветра далеко разносят бледно-розовые лепестки, которые потом быстро несутся вниз в потоках дождевой воды.

Впрочем, Ёсино стало известно задолго до того, как в Японии сложился обычай любоваться цветением сакуры. Еще в те време-

Горы Ёсино в период цветения сакуры →

на, когда резиденция императоров размещалась в Асука, а затем в Хэйдзё, Ёсино было излюбленным местом отдыха членов императорской фамилии и придворных. Здесь проводили они летние месяцы, спасаясь от влажной жары, столь изнуряющей особенно на равнине Ямато, которую окружающие холмы лишали в этот период года доступа свежего ветерка. Верхушка общества того времени просто обожала Ёсино, а пребывание в летней резиденции императора было связано для придворных с самыми приятными воспоминаниями. Наиболее убедительное свидетельство этому — обилие упоминаний о Ёсино в стихах, сложенных императорами, придворными и известными поэтами VII—VIII веков, в которых постоянными эпитетами к Ёсино служат слова «прекрасный», «дивный» и т.п. Как-то я решил подсчитать, сколько раз Ёсино упоминается в «Манъёсю», но, дойдя до третьего десятка, сбился со счёта. Одно из наиболее ранних в японской поэзии стихотворение о Ёсино принадлежит прославленному Какиномото Хитомаро.

Мирно правящая здесь,
Государыня моя!
В Поднебесной, на земле,
Где правление вершишь,
Много есть чудесных стран.

Но страна, где хороши
Виды чистых рек и гор,
Что влечет сердца, одна —
Это Ёсину страна!

«Манъёсю», п. 36

Горы Ёсино были свидетелями многих драматических событий в истории средневековой Японии. Об одном из них напоминает находящаяся здесь могила императора Годайго. В 1333 году он предпринял попытку восстановить прямое императорское правление, но уже четыре года спустя вынужден был бежать в Ёсино, спасаясь от преследователей Такаудзи, предводителя самураев из дома Асикага, поддерживавшего другого претендента на престол. Годайго утвердился в Ёсино, а его соперник — в Хэйане. Более полувека вели они борьбу за власть, а вернее — за видимость власти, ибо реальными хозяевами страны оставались сёгуны, на этот раз — из дома Асикага. Этот период в истории Японии получил название периода Южного и Северного дворов. Соперничество между ними окончилось в 1392 году победой последнего.

Однако в представлениях японцев Ёсино ассоциируется не только с цветением сакуры и династийными сварами средневековья. Убежден, что при упоминании этого названия воображение многих рисует облик аскета — отшельника, проводящего дни в молитвах глубоко в горах. И неудивительно, ибо с Ёсино связана легендарная фигура Эн-но Одзуну, традиционно считающегося основателем практики горного отшельничества в Японии. Впер-

вые об Эн-но Одзуну упоминается в краткой записи за 699 год в хронике «Сёку Нихонги». Магические способности, которые он обрел, уединившись в горах, позволили Эн-но Одзуну творить чудеса, исцелять больных. Более поздняя легенда приписывает ему приоритет в открытии расположенной южнее Ёсино горы Оминэ, ставшей впоследствии центром горного отшельничества. И по сей день на горных вершинах в разных уголках Японии можно увидеть каменные изображения Эн-но Одзуну — свидетельство того, насколько прочно укрепилась за ним репутация основателя *сюгэндо* — практики культивирования сверхъестественных способностей благодаря аскетической жизни в горах. В действительности у сюгэндо не было какого-то определенного основателя, и оформилась эта традиция значительно позже, скорее всего, где-то в середине эпохи Хэйан (794-1192), когда сложились условия, сделавшие возможным ее появление. Что же это было за условия?

Вспомним, какое место занимали горы в представлениях древних японцев. Члены древней земледельческой общины взирали на гору с благоговением, видя в струящихся по ее склонам потоках источник воды, от которой зависел урожай риса, а значит, и сама их жизнь. Гора была окружена для них ореолом святости, ибо на ее вершину спускались боги, там обитали духи усопших. Поэтому горы обожествляли, им поклонялись, но предпочитали заниматься этим на расстоянии и, уж во всяком случае, не позволяли себе осквернять священные пределы, превращая гору в место своего длительного пребывания.

Иное отношение к горам было в Китае у даосов, среди которых была широко распространена практика уединения в горах. Учение даосов проникло в Японию вместе с буддизмом, а может быть, несколько раньше. Но само по себе это не привело к появлению горных отшельников в стране Ямато. Случилось это позже, после того как в Японии утвердились заимствованные из Китая две школы буддизма — *Тэндай* и *Сингон*. Остановимся несколько подробнее на их вероучениях, которые не только составили основу догм сюгэндо, но и сыграли важнейшую роль в становлении собственно японского буддизма.

Учение школы Тэндай принес в Японию *Сайтё* (767—822), долгие годы проведенный в Китае на горе Тяньтай, бывшей духовным центром этой школы. Сайтё учил, что не только люди, но и все живые существа обладают сущностью Будды. Соблюдая строгую дисциплину, тренируя дух и тело, выполняя соответствующие обеты, любой человек способен обрести сущность Будды, хотя достигнуть этого можно лишь в процессе нескольких перерождений.

Школа Сингон, утверждение которой в Японии связано с именем Кукая (774—835), в этом плане шла гораздо дальше. Сущностью Будды, учил Кукай, обладают не только все живые существа, но и неживая природа. Вселенная не что иное, как тело верховного будды Вайрочана (по-японски — Дайнити), который присутствует повсюду — в горах и реках, скалах и пещерах, деревьях и травах, в любой пылинке. Провозглашая мистические формулы и заклинания, человек приходит к осознанию своего тождества с буддой Вайрочана, а следовательно, к обретению сущности Будды. И достигается это не в каких-то последующих перерождениях, а в нынешней жизни.

Со временем и в Тэндай практика повторения магических формул, отправления мистических ритуалов, заимствованных из Сингона, стала преобладать над другими методами раскрытия в себе сущности Будды. Поэтому обе школы получили название эзотерических — таинственных. Такое название тем более оправдано, что часть ритуалов в обеих школах доступна лишь посвященным.

Учение о том, что сущность Будды присутствует во всех живых существах и всех проявлениях неживой природы, удивительно схоже с представлениями национальной религии японцев об одухотворенности всего сущего. Вот эта мировоззренческая схожесть послужила фактором, который форсировал процесс сближения буддизма с национальной религией. Именно на этой основе стало складываться представление о том, что божества национальной религии являются воплощением — *аватарами* — различных будд и бодхисаттв. Указанное представление породило в дальнейшем различные формы синто-буддийского синкретизма, отличавшиеся друг от друга отдельными деталями, но едиными в своем существе.

Нетрудно увидеть, какую роль догмы и культовая практика эзотерических школ сыграли в становлении сюэндо. Если Вселенная — тело будды Вайрочана, если сущность Будды присутствует всюду, то естественно поклоняться буддам и бодхисаттвам не только в храмах, но и повсюду, где они проявляются; и в первую очередь в горах, издревле служивших обителью духов, которые, как теперь стало ясно, есть не что иное, как воплощение будд и бодхисаттв. Горы становились самым подходящим местом выявления в самом себе сущности Будды путем тренировки тела и духа, соблюдения различных обетов и запретов, отправления мистических обрядов.

Так сложилась традиция сюэндо. В ней смешались различные элементы — распространенный с незапамятных времен культ гор, привнесенная из Китая практика горного отшельничества даосов,

догмы и обрядность эзотерического буддизма. Результатом этого смешения стал определенно японский религиозный феномен, окрасивший своим неповторимым колоритом духовную жизнь и быт народа в эпоху средневековья и нового времени.

Людей, удалявшихся в горы, чтобы посредством аскетической практики и повторения мистических формул обрести сущность Будды, стали называть *ямабуси* — спящие в горах. Но далеко не все они оставались в горах постоянно, ведя жизнь отшельников в полном смысле слова. Подавляющее большинство совершало восхождение в горы лишь эпизодически. В остальное время они либо находились в храмах, связанных с сюэндо, либо странствовали, забредая подчас в самые отдаленные и глухие уголки Японии. Постепенно они обрастали приверженцами из числа мирян. Когда наступало время восхождения на святые горы, ямабуси служили для них проводниками и наставниками в постижении тайнств горного отшельничества. Таких ямабуси стали называть *сэндацу*. Влияние их, однако, не ограничивалось узким кругом приверженцев. Ямабуси был желанным гостем в любой крестьянской семье, где он творил заклинания у ложа больного с целью изгнания из его тела вызвавших болезнь злых духов; в любой деревне, где в нем видели единственного, кто своими заклинаниями мог вызвать дождь, столь необходимый в засушливое время года, или же, наоборот, успокоить разбушевавшиеся стихии. Из уст ямабуси постигали люди начатки буддийского вероучения, узнавали о хороших и дурных числах, благоприятных и неблагоприятных направлениях, о многих других представлениях даосизма, которые затем органически вплелись в ткань народных верований. Ямабуси был врачом, наделенным сверхъестественными способностями мудрецом. А еще он был занимательным рассказчиком, от которого люди слышали немало интересных легенд и рассказов о чудесах, незаурядным актером, исполнявшим в ходе рассказа самые различные роли. Иными словами, ямабуси были близки простому народу, и именно эта близость сделала их проводниками учения Будды повсюду, где бы они ни появлялись.

Популярность ямабуси особенно возросла в позднее средневековье, когда Японией правили сёгуны из дома Токугава (1603—1867). Власти установили жесткий контроль над буддийскими храмами, которые, по существу, превратились в звенья разветвленного полицейского аппарата сёгунов, а духовенство было низведено до положения послушных чиновников этого аппарата. Главной функцией буддийских священников стало отправление многочисленных обрядов заупокойно-поминального культа. Это было практически единственное, что связывало священника с прихожа-

нами, которые прикреплялись к храмам по местожительству. В глазах крестьян настоятель местного храма во все большей мере становился такой же чуждой фигурой, как и сборщик податей и любой другой представитель властей. Несравненно большую близость испытывали они к странствующим ямабуси, которые по-прежнему исцеляли, утешали, просвещали людей, рождая своим участием в их повседневных делах и заботах чувство облегчения своей участи, сколь бы иллюзорно оно ни было. Часто ямабуси селились в деревнях, где они стали выполнять функции священнослужителей синтоистских святилищ — еще одно проявление синто-буддийского синкретизма, достигшего в Токугавскую эпоху своего пика. Не отличавшиеся и раньше строгостью нравов, они стали жениться на *мико* — шаманках-прорицательницах и работать в тандеме с ними: *мико* «диагностировали» болезнь, а ямабуси лечили ее, посредством заклинаний изгоняя духа болезни из тела больного. Литература и театральные произведения той эпохи полны эпизодами, связанными с ямабуси.

В 70-х годах прошлого века деятельность ямабуси была запрещена. Наличие странного симбиоза буддизма и национальной религии не укладывалось в рамки проводившегося властями курса на их разделение, на превращение синто в государственную религию. После второй мировой войны этот запрет был снят. Практика горного отшельничества возродилась, но уже в иных масштабах и иной форме. Повышение жизненного уровня народа, улучшение системы медицинского обслуживания, несравненно выросший культурно-образовательный уровень людей привели к устранению необходимости в ямабуси как во врачевателях. Сейчас даже в самых глухих уголках страны не встретишь горного отшельника, который бы занимался этим промыслом. Число профессиональных ямабуси резко сократилось. Тем не менее летом в «святых» горах вы встретитесь с множеством людей, одетых в типичные для ямабуси одежды. Но это — самые обычные японцы, представители различных слоев населения: служащие, студенты, предприниматели. Практика горного отшельничества для подавляющего большинства их отнюдь не связана со стремлением обрести просветление. В восхождении на «святые» горы и совершении там мистических обрядов они видят в первую очередь эффективный метод закалки воли, физической тренировки, мобилизации духовных и психологических сил, необходимых, чтобы выдержать бешеный темп современной жизни, выстоять в ожесточенной конкурентной борьбе. Иными словами, практиковавшиеся веками средства служат уже иным целям. Что же касается профессиональных ямабуси, то чаще всего они выступают как проводники — *сэндацу*, содержа-

тели горных приютов для паломников, как настоятели и священнослужители горных храмов.

Вернемся, однако, к временам, когда появление ямабуси не только на горной тропе, но и на деревенской и даже городской улице было обычным явлением. Узнать ямабуси можно было мгновенно по одежде, которая несущественно варьировалась в зависимости от его принадлежности к той или иной группе сюэгэндо. Основные ее элементы сохранились и по сей день. Это накидка *судзукаэ*, наброшенная на короткую белую куртку с широкими рукавами, подвязанными тесемками — *тэсаки*, такого же цвета шаровары — *хакама*, спускающиеся до колен, белые гамаша, белые носки — *таби* с одним пальцем, соломенные сандалии — *варадзи*. Такое облачение унаследовано от повседневной одежды простолюдинов Камакурской эпохи (1185—1333), когда практика горного отшельничества приняла более или менее организованные формы. На *судзукаэ* одевается *орарь** с разноцветными кисточками. В отличие от буддийских монахов ямабуси, как правило, голову не брили, а, наоборот, отращивали длинные волосы. На голове у ямабуси — маленькая черная шапочка (*токин*), настолько маленькая, что с первого взгляда воспринимается как круглая плоская коробочка, которая удерживается тесемками, завязываемыми под подбородком или же на затылке. Правда, эту шапочку можно увидеть, когда ямабуси, входя в помещение, обнажает голову; обычно же он носит широкополую соломенную шляпу, одинаково служащую защитой как от солнца, так и от дождя. На шее у ямабуси подвешена большая раковина — *хора*, в которую он дует, поднимаясь в горы. Обязательными атрибутами горного отшельника служат посох, четки, веер, веревка, маленький топорик и некоторые другие предметы, имеющие как ритуальное, так и практическое назначение. Так, посох — *сякудзэ* — используется при ходьбе и в то же время рассматривается как магическое орудие защиты от злых сил и изгнания духа болезни из тела больного. На спине у ямабуси прикреплены поставленные одна на другую две деревянные коробки с переносным алтарем и другими ритуальными предметами, сзади свисает прикрепленная к поясу шкура, имеющая практическое назначение подстилки, чтобы не сидеть на голой земле или камнях.

Мы не случайно описали столь подробно облик типичного ямабуси. Дело в том, что каждая деталь его одежды, каждая вещь,

* В данном случае представляет собой три узкие полоски золотой парчи, соединенные шнурком, с прикрепленными к каждой из них двумя-тремя матерчатыми помпонами.

которую он несет с собой, имеют глубокое символическое значение. Взять хотя бы белый цвет одежды — элемент, явно заимствованный из синто и долженствующий символизировать чистоту тела и духа отшельника. Или раковина — хора: сам по себе акт извлечения звуков из этого инструмента рассматривался как равнозначный проповеди Закона Будды. Топорик не только предназначен для того, чтобы нарубить цепу для разжигания священного огня, но и символизирует меч, уничтожающий людские заблуждения.

Все эти детали в совокупности призваны были олицетворять в конкретной форме саму идею горного отшельничества, его конечную цель. Так, накидка (судзукакэ) и орарь отождествлялись с двумя началами: духовным и материальным, находящимися в отношениях неразрывного единства; шапочка токин символизировала будду Вайрочана; чётки, раковина хора, свисающая сзади шкура, посох и гамаши — путь к обретению сущности Будды; две коробки на спине, широкополая шляпа и веревка — возрождение ямабуси как будды. Иными словами, сам облик ямабуси служил наглядной иллюстрацией идеи обретения сущности Будды посредством практики горного отшельничества, которая, в свою очередь, рассматривалась как предметное воплощение одного из основополагающих принципов буддизма о единстве духовного и материального начал.

В школе Сингон в качестве конкретного олицетворения этих двух начал используются картины *мандала* — графические изображения Вселенной, каждый элемент которой символизируется определенным буддой или бодхисаттвой. Различаются два вида мандала — *Конгокай* («бриллиантовый мир») и *Тайдзокай* («мир чрева»). Мандала первого вида символизирует вечные и нерушимые истины будды Вайрочана, прочные, как бриллиант. Название мандалы второго вида основывается на представлении о том, что все силы, действующие в космосе, заключены в некоем чреве, словно дети в чреве матери, откуда они готовы выйти и принять участие в создании Вселенной. Иными словами, Конгокай символизирует духовное, Тайдзокай — материальное.

Мы вынуждены были остановиться на этом аспекте вероучения школы Сингон, ибо без этого трудно понять глубокую символику паломничества в горный массив Оминэ, который и по сей день остается одним из важнейших центров горного отшельничества. Дело в том, что сам этот массив отождествлялся с двумя мандалами: южная часть его рассматривалась как мандала «мира чрева», а северная, та, которая ближе к Ёсино, — как мандала «бриллиантового мира». Это в свою очередь означало, что в Оминэ обретаются все будды, бодхисаттвы и божества, фигурирующие на обеих ман-

далах, а для паломника, поднявшегося на этот горный массив, было вполне естественным поклоняться скалам, пещерам, деревьям и буквально всему, что попадалось ему на пути, как отдельным частям тела будды Вайрочана.

Издавна сложилось два маршрута восхождения на Оминэ. Один из них начинался на юге у древнего синтоистского святилища Кумано и шел через труднодоступные горы и ущелья южной части провинции Ямато. Этот маршрут называли путем мандалы «мира чрева» и отождествляли с восхождением из пучины ада в царство Будды. Прошедший по этому маршруту обретал сущность Будды, то есть достигал просветления, но только для себя одного.

Другой маршрут начинался на севере в Ёсино и оканчивался в Кумано. Путь по нему уподоблялся нисхождению из царства Будды в ад. Проложивший этот путь паломник наделялся способностью помочь другим достичь просветления прежде, чем обрести его самому.

Откуда бы ни начинался подъем на Оминэ, главной целью восхождения была и остается по сей день вершина *Сандзёгадакэ* (около 1720 м.). Это — подлинный центр горного аскетизма. Каждая скала, каждый камень, каждая относительно ровная площадка здесь имеют отношение к отправлению того или иного обряда. Среди построек на вершине — несколько странноприимных домов для паломников и *Дзаодо* — культовое сооружение сюэндо. Я употребляю этот термин не случайно, ибо Дзаодо нельзя назвать ни буддийским храмом, ни синтоистским святилищем. Само строение по своей архитектуре напоминает буддийский храм, но на пути к нему установлены тории — обязательный атрибут синтоистского святилища. Объектом же поклонения в Дзаодо служит не какой-нибудь будда и не какой-либо предмет, воплощающий в себе божество, как в синтоистском святилище, а весьма специфическое божество *Конго Дзао гонгэн*. Хотя его часто называют бодхисаттвой, ни в одном из буддийских текстов этого имени вы не найдете. Да и неудивительно, ибо Конго Дзао гонгэн — даосского происхождения: в даосских легендах он упоминается как один из слуг Небесного владыки. Но какое же отношение он имеет к сюэндо? А вот какое. Предание рассказывает, что однажды легендарный Эн-но Одзуну, находясь в своей отшельнической пещере, возносил молитвы богам и буддам о том, чтобы они стали его защитниками и покровителями. Перед ним явились Шакьямуни, будда будущего Майтрея и Тысячерукая Каннон. Однако никто из них не показался Эн-но Одзуну достойным выполнять функцию защитника, и он продолжал молиться. И тогда перед его взором возникло существо с искаженными гневом чертами лица, вставшими дыбом волосами,

всем своим обликом заставляющее трепетать от страха. Эн-но Одзуну решил, что более подходящего защитника в его одиноких странствиях ему не найти. Так Конго Дзао гонгэн стал божеством-покровителем всех горных отшельников.

В июле 1971 года я сам решил подняться на Сандзёгадакэ. Помнится, первое, что бросилось в глаза у начала тропы, ведущей на гору, была большая деревянная арка с надписью, предупреждающей, что доступ женщинам туда закрыт. После окончания второй мировой войны предпринимались неоднократные попытки отменить запрет, но окончились они безрезультатно. Привилегией взойти на Сандзёгадакэ по-прежнему пользуются только мужчины. Правда, хранители традиций вынуждены были пойти на некоторые уступки: женщинам разрешили подниматься на соседнюю вершину Инамурагадакэ, также считающуюся одной из святынь Оминэ. Но даже пойдя на эту уступку по отношению к представительницам слабого пола, допустили явную несправедливость: на собственном опыте убедился, что подъем на эту вершину сложнее и в какой-то мере опаснее, чем на Сандзёгадакэ, не говоря уже о том, что Инамурагадакэ, путь всего лишь на несколько метров, но все же выше, чем главный центр сюэндо в Оминэ.

В наши дни восхождение на Сандзёгадакэ, особенно если подниматься со стороны Ёсино, доступно каждому мало-мальски подготовленному физически человеку. До местечка Дорогава, что на берегу одноименной речки, можно доехать на автомашине, а оттуда до вершины — всего лишь несколько часов ходьбы. Если заночевать в Дорогава и встать пораньше, то весь путь до вершины и обратно можно пройти за один день. Утоптанная за тысячелетие ступнями сотен тысяч паломников тропа хорошо заметна, ориентирами для поднимающихся служат установленные кое-где по краям ее изображения *додзи* — мифических существ с детскими лицами, которым поклоняются как божествам-покровителям различных мест на пути к вершине. К тому же вы никогда не чувствуете себя в одиночестве на этой древней тропе: периодически вас то обгоняют, то встречают колоритные фигуры людей, облаченных в одеяния ямабуси. В сколько-нибудь опасных и трудно проходимых местах установлены лесенки, переброшены мостики, прикреплены цепи, держась за которые можно преодолеть самый крутой подъем или без риска для жизни пройти по лепящейся к скалам узкой тропе. Да и вообще в пути и на самой вершине царит какая-то приподнятая, я бы даже сказал, праздничная атмосфера, которая плохо вяжется с представлениями об аскетизме горных отшельников. Во всяком случае, такое воспоминание осталось у меня от того солнечного июльского дня, который я провел в горах Оминэ.

Разумеется, так было не всегда. Вернемся же мысленно во времена, когда восхождение на Оминэ было подлинным свершением, связанным с немалыми трудностями и лишениями, требовавшим от его участников напряжения всех физических и духовных сил. Паломничества на Оминэ, в которых участвовали не одиночки, а группы ямабуси и их приверженцев из числа мирян, начались в Камакурскую эпоху. Пройдем же с одной из таких групп. Но прежде, чем выступить в путь, надо сказать, что уже к тому времени в сюэндо оформилось два течения, каждое со своей организацией, духовным центром, связанными с ним храмами и тяготеющими к этим храмам мирянами. Течение, связанное с школой Тэндай, называлось *Хондзанха*, центром его был храм Сёгоин в Киото. Со школой Сингон было связано течение *Тодзанха* с центром в храме Самбоин в местности Дайго, которая сегодня тоже входит в Киото. Приверженцы Хондзанха совершали паломничества, начиная свой путь в Кумано и заканчивая его в Ёсино. Члены Тодзанха проходили этот маршрут в обратном направлении.

Группа могла собираться в любом месте, но обязательно оставалась в одном из упомянутых храмов. Здесь паломники находились определенное время, соблюдая пост. Когда-то иные аскеты постились 37, 50 и даже 100 дней, полностью воздерживаясь от пищи, в состав которой входили бы рис, просо и другие злаки. Впоследствии время поста было сокращено до 5—7 дней. Во время пребывания в храме происходило распределение обязанностей между членами группы, причем самая большая нагрузка приходилась на новичков: им поручалось на всем пути следования собирать дрова для разжигания костров, таскать из речек и родников воду для проводников-сэндацу и всех остальных членов группы. Первоначально такого рода обязанности входили в число десяти ритуалов, которые должны были строго выполнять все ямабуси. Каждый из них соответствовал одному из десяти состояний, которые, согласно буддийскому вероучению, человек должен пройти на пути к обретению сущности Будды, а именно: пребывание в аду, состояния голодных духов, скотов, демонов и т. п. Скрупулезное отправление десяти ритуалов отождествлялось с прохождением человеком всех этих состояний. Отсюда следовало, что тот, кто честно выполняет указанные обряды, обретает в результате сущность Будды уже в этой жизни. Со временем эти ритуалы были существенно упрощены, формализованы, а отправление части из них стало обязательным лишь для новичков.

Перед началом восхождения паломник должен был пройти через обряд очищения, который состоял в погружении в холодную воду или же в длительном омовении под струями водопада. Первая

остановка в горах отмечалась ритуалом *токогатамэ*: проводник-сэндацу ходил меж рядов участников восхождения, нанося каждому удары короткими палками, специально предназначенными для этого. Ритуал имел целью укрепить волю паломника и пробудить в нем осознание своего тождества с буддой Вайрочана. Позже он принял формальный характер: довольно болезненные удары были заменены легким поглаживанием палками по спине, а ныне, проходя меж рядов паломников, сэндацу ограничивается тем, что постукивает палками над их головами.

Путь в горах, хотя и исхоженный поколениями ямабуси, был полон опасностей. Часто узкая тропа вилась над глубокой пропастью, прерываясь в иных местах нависшими над стремниной скалами, которые нужно было буквально перепрыгнуть, повисая на натянутой вокруг цепи. Одно неверное движение — и неудачнику грозило падение в бурный поток, грохот которого зловедце доносился снизу. Не менее опасными были переправы: постоянных мостов через горные речки не было, переправлялись при помощи весьма примитивных сооружений — в сплетенных из ветвей корзинах, подвешенных на переброшенных с берега на берег веревках. В пути следовало пройти испытание, называвшееся *го-хакари* — взвешивание злой кармы: нагруженный тяжелыми камнями ямабуси балансировал с такой ношей на узкой тропе, перепрыгивал по скользким камням. И если кому-то не повезет, ничего не поделаешь: очевидно, карма у него оказалась слишком злой. Видимо, потому, что это испытание было сопряжено с риском для жизни, оно впоследствии было заменено не столь опасным, но не менее мучительным: человека подвешивали со связанными руками вниз головой к дереву, периодически подтягивали и отпускали державшую его веревку, вызывая тем самым раскачивание тела.

Такое испытание ждало паломника уже на вершине Сандзёгадакэ. Но оно было далеко не единственным. Один за другим следовали ритуалы *кокудати* — воздержание от пищи, *мидзудати* — воздержание от воды, *сумо* — паломники должны были меряться силами друг с другом, балансируя на краю пропасти. Среди всех этих обрядов, граничивших с истязанием, самым страшным и мучительным, особенно для новичков, был обряд *сангэ* — раскаяния. На Оминэ он принял форму *ниси-но нодзоки* — вглядывания в сторону Запада. Человека приводили на самый край скалы, обращенный на Запад. Ему продевали под мышки веревку, а затем заставляли лечь таким образом, чтобы его тело по грудь свисало над пропастью. Один из сэндацу держал за веревку, другой располагался сбоку от паломника, следя за тем, чтобы тот постоянно держал руки сложенными в молитве, а главное, ни в коем случае не закры-

вал глаза. При каждой попытке сделать это стоявший сбоку сэндацу одергивал испытуемого окриком: «Вглядывайся! — а другой слегка отпускал веревку, ввергая несчастного в смертельный ужас. В таком положении испытуемый должен был отвечать на град сыпавшихся на него вопросов: «Строго ли соблюдаешь воздержание от воды?», «Думаешь ли о женщинах?» и т. п. И если обезумевший от страха отвечал невпопад, вопросы повторялись вновь и вновь, а испытание заканчивалось, лишь когда ответы испытуемого удовлетворяли сэндацу. Мне не довелось самому присутствовать при ниси-но нодзоки на Оминэ, но, судя по фотографиям, помещенным в журналах недавно, этот обряд отправляется до сих пор в описанном виде.

Еще немало тяжких испытаний ожидало новичка на вершине Сандзёгадакэ прежде, чем его допускали к обряду *хасирамото гома*, символизировавшему его приобщение к ордену ямабуси. *Гома* — обряд сжигания дощечек, на которых начертаны пожелания верующих, — можно увидеть и по сей день в сингонских храмах.

На Сандзёгадакэ этот обряд проводился в форме возжигания священного огня, сопровождавшегося провозглашением мистических формул. При этом у костра устанавливались нарубленные топориками ямабуси маленькие столбики (отсюда и название обряда: столб, по-японски, *хасира*). Часто в костер подкладывались сухие травы, которые, сгорая, испускали зловонный удушливый дым, доводивший иных новичков до полубоморочного состояния, вызывавший рвоту и головную боль.

Наконец все испытания позади. Остается еще один обряд, самый приятный и самый легкий — *эннэн*, ритуальный «танец долгой жизни», символизирующий радость новообращенных и их проводников по поводу завершения долгого и трудного пути. Затем — чтение сутр перед Дзаодо и спуск в долину речки Дорогава, который для людей, преодолевших ущелья и скалистые кряжи Южного Ямато, уже не представляет больших трудностей. Паломничество завершено, люди чувствуют себя свободными от всякого рода обетов и воздержаний и с жадностью предаются мирским утехам. В Дорогава к их услугам не только постоянные дворы, где можно наконец вволю поесть и по-человечески выспаться, но и многочисленные жрицы любви, съехавшиеся сюда с разных концов страны, чтобы порадовать плотскими утехами истосковавшихся по женскому телу людей. «Обряд» общения с ними не входил ни в какие правила и установления, которым должны были следовать ямабуси, но практически носил такой же обязательный характер. Считалось, что прошедший через все испытания и обретший сущ-

ность Будды человек может позволить себе эту маленькую радость, в чем не видели ничего предосудительного.

Ныне в Дорогава, как и во всей Японии, нет домов под красным фонарем. Но, помнится, когда я прогуливался по берегу Дорогава, внимание мое было привлечено постройкой на противоположной стороне реки, у которой царило постоянное оживление: входили и выходили мужчины в гостиничных кимано, сновали разносчики всякой снеди, в дверях мелькали женские фигуры. В ответ на мои вопросы сопровождающие меня преподаватели университета Тэнри рассказали об описанном выше обычае, а заодно поведали о том, что, поскольку и по сей день среди спускающихся в Сандзёгадакэ не перевелись желающие следовать ему, женщины известной категории приезжают в Дорогава летом на заработки...

Оминэ связана с именем человека, который открыл мне путь к познанию многих сторон духовной жизни японцев. Речь идет о бродячем монахе Энку (1632—1695), ныне широко известном в Японии своими многочисленными деревянными изображениями будд, ознакомление с которыми тридцать лет тому назад произвело на меня настолько сильное впечатление, что побудило всерьез заняться изучением его скульптуры и даже посвятить этой теме книгу и ряд статей. Не хотел бы повторяться: тот, кому интересно, прочтет написанное до сих пор об этом замечательном человеке и его ни с чем не сравнимой скульптуре. Не хочу утверждать, что стал экспертом в этом вопросе. Но, ознакомившись на месте с сотнями его работ, пожалуй, приобрел способность почти мгновенно, с первого взгляда отличить «истинного Энку» от подделки, каких в последние годы, к сожалению, появилось немало. Энку, действительно, неподражаем. Я объясняю это тем, что своих будд он создавал не только резцом и долотом, он творил их своим сердцем, исполненным глубокой веры в истину Будды и в то, что его творения нужны людям. Но буддизм Энку — это не буддизм ученых монахов, уединившихся в своих кельях, где они корпели над изучением сутр и комментариев к ним. Это буддизм, исповедовавшийся простыми крестьянами и рыбаками, в представлениях которых истины Будды причудливо переплетались с народными верованиями, преломлялись в их сознании в соответствии с их пониманием, которое, конечно, не могло не отличаться от понимания ученых монахов. И чем больше загадок ставила передо мной скульптура Энку, тем острее я осознавал, что не продвинулся и на шаг в их разгадке, не попытавшись проникнуть в духовный мир простых людей той эпохи. Это побудило заняться и японским буддизмом, и народными верованиями, что в свою очередь вывело на проблему народных религий, возникших в XIX веке, но это уже тема другой главы.

Теперь уже доказано, что Энку неоднократно поднимался на Оминэ. Сохранились его стихи, в которых упоминаются скалы и пещеры, известные как места аскетической практики многих поколений ямабуси. В Дзаодо на вершине Сандзёгадакэ в начале 60-х годов была обнаружена вырезанная им небольшая фигурка будды Вайрочана. Помню, с каким вдохновением рассказывал об этой находке профессор Цутия Цунэси, один из наиболее серьезных японских исследователей Энку. Он придавал ей очень большое значение как вещественному подтверждению пребывания Энку на Оминэ, что, по его убеждению, не могло не сыграть заметной роли в формировании мировоззрения бродячего монаха. Старый профессор, бесспорно, был прав: глядя на поражающие своим разнообразием работы Энку, вновь и вновь убеждаешься, что они были порождены комплексом представлений, в которых причудливо переплетались догмы Тэндай и Сингон, культ гор, местные верования, фундаментальные истины буддизма в преломлении сознания неискушенных в теологических тонкостях крестьян, истины, в свою очередь воспринятые в изложении ямабуси, этих полумонахов-полумирян, также истолковывавших их на уровне своего восприятия, не отягощенного высокой образованностью.

Все дальше отодвигается от нас эпоха, когда ямабуси играли столь заметную роль в народной жизни. Но удивительное дело: чем выше уровень и качество жизни, чем разительней проявления научно-технического прогресса, чем больше машин, автоматов, компьютеров, всевозможных технических новинок вокруг, тем сильнее тянет человека в прошлое, в мистику и таинствах которого он надеется обрести утраченную духовность. Не потому ли в последние годы в Японии все большую популярность приобретают новые культы, акцентирующие внимание не на модернизации, а, наоборот, на магии, мистике, вере в чудеса. Одним из таких культов является *Агон сю* — Школа агама*, в основе которой лежит соединение подлинного учения Шакьямуни, содержащегося в текстах агама, с мистической практикой эзотерического буддизма. В 1991 году мне довелось присутствовать на главном мероприятии Агон сю — празднестве возжигания священного огня (*хоси-но мацури*), ежегодно проводимого в культовом центре этой конфессии в Киото 11 февраля. То было поистине впечатляющее зрелище. На обширной площадке из сотен тысяч дощечек-гома, покрытых сверху еловыми ветвями, было сложены два громадных кострища. Руководил празднеством сам глава Агон сю Кирияма

* Агама (санскр.) — древнейшие буддийские тексты, записанные на языке пали якобы со слов самого Шакьямуни.

Ясуо, облаченный в одежды ямабуси высокого ранга. Ритуал возжигания костров предворяли обряды, отправлявшиеся большой группой людей, одетых в платье ямабуси. А потом в пылающие костры летели новые сотни тысяч дощечек-гома, ямабуси сновали меж кострами в дыму и пламени, и, надо признать, картина эта производила несколько жутковатое впечатление, как и сам Кирияма, который, оставаясь на своем месте, время от времени производил заклинания и делал знаки, понятные лишь посвященным в мистику Сингон...

Праздник возжигания священного огня проводится уже много лет. И с каждым годом он привлекает все большее число участников, подавляющее большинство которых — молодежь. Знаменательно, что ареной отправления ритуалов ямабуси в данном случае служат не отдаленные горные вершины, а один из крупнейших городов страны. Конечно, для многих праздник возжигания священного огня — это красочное, экзотическое шоу, привлекательность которого усиливается его мистической окраской. Но я почти убежден, что в глубине души каждый участник празднества испытывает, пусть не до конца осознанное, стремление приобщиться к древнему ритуалу, посредством отправления которого его предки рассчитывали найти путь к обретению сущности Будды и самому познать истину. Кто знает...

МИНАМИ ЯМАТО

*В стране Хацусэ,
Скрытой среди гор,
Клубится облако, плывя между горами,
Быть может, это облик дорогой
От нас ушедшей юной девы?*

*Какиномото Хитомаро
«Мангёсю», п. 428*

Южную часть равнины Ямато часто называют *Минами Ямато* — Южный Ямато. Помимо Асука, о которой читатель уже имеет представление, в этом районе есть несколько храмов со сложной и интересной историей, проливающей дополнительный свет на некоторые существенные стороны японского религиозного феномена. О них и пойдет рассказ.

В юго-восточном углу равнины Ямато неширокая речка Хацусэ огибает в своем верхнем течении гряды холмов. Это уже хорошо известная читателю гора Мива, далее к востоку одноименная с местом раскопок древнего городища гора Макимуку и еще дальше — гора Хацусэ. Последняя упоминается в «Мангёсю» не реже, а даже чаще, чем две предыдущие. Но стихи, в которых называется Хацусэ, — это, как правило, очень грустные стихи. Вот один пример:

*В скрытой ото всех
Стороне Хацусе, среди гор,
Легкой дымкой поднялся туман.
Облако, что уплывает вдаль,
То не милая ли жена моя?*

«Мангёсю», п. 1407

От чего такая неизбывная печаль? Не буду интриговать читателя и скажу сразу, что склоны горы Хацусэ с древнейших времен

служили местом совершения погребальных обрядов. И когда неизвестный поэт говорит о тумане, поднявшемся легкой дымкой, облаке, уплывающем вдаль, речь идет о дыме после сожжения тела на погребальном костре. В стихах «Манъёсю» название Хацусэ всегда сопровождается постоянным эпитетом *коморику-но*, что значит «уединенный», «скрытый». Видимо, именно по этой причине склоны Хацусэ были выбраны местом совершения самых печальных обрядов, а гору стали почитать как обитель усопших.

Очевидно, это обстоятельство побудило настоятеля одного из храмов в Асука Домё в сопровождении нескольких десятков монахов подняться в 686 году на склоны Хацусэ, чтобы помолиться за упокой души скончавшегося незадолго до этого императора Тэмму. Будучи ревностным приверженцем учения Сутры Лотоса — одного из наиболее популярных буддийских текстов, Домё решил воздвигнуть здесь трехъярусную пагоду, посвященную сутре. Видимо, в его глазах гора Хацусэ ассоциировалась с той самой вершиной, на которой Шахьямуни выступил с проповедью, составившей впоследствии текст Сутры Лотоса. К сожалению, эта древнейшая на склонах Хацусэ постройка погибла в пожаре 1876 года. Осталась лишь медная плита, на которой изображен Шахьямуни, проповедующий в окружении своих учеников и многочисленных будд и бодхисаттв. Шахьямуни находится на первом этаже трехъярусной пагоды, вырезанной на плите, которая считается одним из бесценных сокровищ храма *Хасэ-дэра*, постройки которого разбросаны на склонах Хацусэ.

Однако не эта медная плита, установленная, судя по имеющимся данным, не позже 710 года, обеспечила храму его популярность среди населения Японии далеко за пределами равнины Ямато. *Хасэ-дэра* получил широкую известность с того времени, когда в 733 году монах Токудо по повелению императора Сёму установил здесь статую Одиннадцатиликой Каннон. Именно с той поры *Хасэ-дэра* стал одним из важнейших центров культа Каннон во всей Японии.

Нам уже неоднократно доводилось упоминать о Каннон, когда речь заходила о буддийской скульптуре в Хорюдзи и других нарских храмах. Настало время более подробно познакомить читателя с этим одним из наиболее популярных культов в японской религии. Дело не только в том, что по степени популярности с Каннон может состязаться лишь бодхисаттва Дзидзо, о котором у нас еще будет случай рассказать. Культ Каннон в течение многих веков играл очень важную роль в духовной жизни японского народа, и в этом плане не будет преувеличением сопоставить его с культом Богородицы и девы Марии в христианстве.

Начнем с имени. Каннон — это сокращенное от Кандзэон, что в свою очередь является смысловым переводом санскритского имени бодхисаттвы — *Авалокитешвара* — Внимающий звукам мира.

Исполненный чувством безграничного милосердия и сострадания ко всем живым существам в мире, давший обет спасти их, бодхисаттва наделен способностью внимать призывам всех страждущих — вот в чем смысл этого имени. Культ Авалокитешвара возник в северо-западной Индии, откуда распространился в Тибет, Центральную Азию, Китай, Юго-Восточную Азию. В Китае этот культ получил популярность в период Северовэйской династии (V век). Его утверждению способствовало распространение Сутры Лотоса, особенно 25-й главы ее, специально посвященной Авалокитешваре. В этой главе, которая впоследствии стала в ряде случаев рассматриваться как отдельная сутра, сказано, что каждый, произносящий имя Каннон, будет спасен и обретет защиту от всяческих бед, включая разрушительные стихийные бедствия. Там также говорится, что милосердный бодхисаттва каждый раз принимает облик тех существ, которые вызывают к нему о спасении и избавлении от всех бед. Запомните эту деталь: она поможет нам понять многое в культе Каннон.

В Китае бодхисаттву Авалокитешвара стали называть Гуаньинь. Но изменилось не только имя, изменился сам облик бодхисаттвы, который во все большей степени стал наделяться женскими чертами. И когда на рубеже VI—VII веков культ Каннон пришел в Японию, то это было уже ярко выраженное женское божество, несмотря на известное положение буддизма о том, что будды и бодхисаттвы — существа бесполое. По мере утверждения этого культа на Японских островах черты Каннон становились все более определенными. Мы имели возможность убедиться в этом, знакомясь с изображением Каннон в Хорюдзи и нарских храмах.

Каннон очень быстро стала (думаю, что после сделанных разъяснений употребление женского рода в данном случае будет вполне оправдано и понятно) восприниматься как божество, к которому следует обращаться об обретении благ в этом мире. В 686 году во время болезни императора Тэмму было дано указание устанавливать изображение Каннон, дабы читать перед ними молитвы об исцелении государя. В 740 году, когда Фудзивара Хироцугу поднял мятеж, заставивший императора Сёму покинуть столицу, власти повелели установить статуи Каннон в каждой провинции и возносить перед ними молитвы об умиротворении страны. Именно

Хасэ — дэра осенью →

в этот период, помимо Хасэ-дэра, были основаны другие храмы, в которых главным объектом культа стала Каннон.

В последующие эпохи популярность культа Каннон продолжала расти. Уже в Хэйанский период получил распространение культ Шести Каннон, что послужило причиной появления изображений шести различных ипостасей этого божества. Развитие этого культа связано с представлением буддизма о том, что на пути к просветлению всякое живое существо проходит шесть состояний: ада, голодных духов, скотов, так называемых асура — злых, оттапливающей внешности духов, хотя иные из них могут выполнять функцию защитников Закона, людей и, наконец, небесных созданий. Каждому из перечисленных состояний соответствует одна из ипостасей Каннон, которая призвана облегчить страдания живых существ на каждом этапе их пути к просветлению. Так, в аду страждущим помогает *Сё каннон* — Святая, или Истинная, Каннон. Тем, кто находится в состоянии голодных духов, покровительствует *Сэндзю каннон* — Тысячерукая Каннон, у которой по глазу на каждой ладони. Такое число рук и глаз символизирует безграничные возможности Каннон спасти живые существа. Вообще-то в данном случае «тысяча» означает просто «очень много», и Тысячерукую Каннон изображают, как правило, с 40 руками, имея в виду, что каждая из них представляет 25 рук. *Бато Каннон* (Каннон с головой лошади) распространяет свое милосердие на тех, кто пребывает в состоянии скотов. По своему происхождению — это ипостась будды Амиды во гневе. Его изображение устанавливается на лбу Каннон. Впоследствии в представлениях простых людей Бато Каннон стала восприниматься как покровитель лошадей и других домашних животных. Находящихся в состоянии асура живых существ спасает *Дзюитимэн Каннон* — Одиннадцатиликая Каннон. Лики эти венчают голову Каннон как бы короной. Основное лицо символизирует состояние Будды, а остальные десять — различные состояния, через которые должен пройти бодхисаттва. Очень важна функция *Фукукэндзяку Каннон*, поскольку ей надлежит спасти живые существа, находящиеся в людском состоянии. Ее имя означает Каннон надежной рыболовной лодки. При помощи этой лодки она подводит людей к берегу просветления. И, наконец, имеющая дело с небесными существами или созданиями *Нёириин Каннон* — Каннон, исполняющая желания людей при помощи драгоценного камня исполнения желаний и колеса Закона, то есть учения Будды.

Уже в конце Хэйанской эпохи, то есть где-то в XII веке, сложился обычай посещать 33 святыни Каннон по числу ипостасей этого божества, упомянутых в 25-й главе Сутры Лотоса. Но сам

культ Тридцати трех Каннон получил распространение гораздо позже — в Токугавскую эпоху (1603—1867), и сложился он в основном на базе народных верований как собственно японских, так и заимствованных из Китая. О Каннон с головой дракона, Каннон в белых одеждах и других ипостасях вы не найдете каких-либо сюжетов ни в одной из сутр. Тем не менее они стали темами многочисленных буддийских изображений, созданных в XVII—XIX веках. Но опять-таки: такого рода изображений вам не найти в больших известных храмах с древней историей. Их обителью служат бедные деревенские храмы, маленькие часовни. А чаще всего речь идет просто о придорожной каменной скульптуре. Это лишний раз говорит о том, что в данном случае мы имеем дело с народными верованиями, с преломлением традиционных буддийских представлений на народном уровне.

Токугавская эпоха породила еще одну, дотоле неведанную японцам ипостась Каннон. Это — *Мария Каннон*, продукт католицизма, занесенного на Японские острова португальскими и испанскими миссионерами в XVI веке. После запрещения христианства в начале XVII века изображения Марии Каннон, в которых на отношение к христианству указывала лишь какая-нибудь одна, заметная лишь посвященным, хорошо закамуфлированная деталь, стали объектами поклонения «какурэ кириситан» — скрытых христиан, которые продолжали тайно исповедовать католицизм. В народной скульптуре влияние католицизма сказалось в появлении изображений Каннон с младенцем, которые и сейчас можно увидеть, особенно в сельских местностях.

Надеюсь, читатель извинит нас за столь подробный экскурс в историю культа Каннон и его иконографию. Но он необходим, чтобы понять место Каннон в японской религии и значение храма Хасэ-дэра, одной из 33 святынь Каннон в Западных провинциях. Хасэ-дэра стал местом паломничества, по крайней мере для аристократической элиты, не позже X века. Об этом говорят соответствующие указания в произведениях, созданных в начале XI века придворными дамами Сэй Сёнагон и Мурасаки Сикибу («Записки у изголовья» и «Повесть о Гэндзи»). Эти же выдержки свидетельствуют и о том, что уже в те времена паломничества в Хасэ-дэра могли совершать и женщины. А ведь во многие храмы в ту эпоху женщин вовсе не допускали, ибо считали, что просветление им недоступно. Отличное в этом плане положение Хасэ-дэра определялось связью храма с Сутрой Лотоса, в которой провозглашалась идея всеобщности спасения, потенциальной возможности обрести просветление и представительницам слабого пола. Так Хасэ-дэра стал одним из первых храмов, доступных женщинам.

Прошло уже без малого четверть века после моего посещения Хасэ-дэра. Но впечатления того солнечного июльского дня хорошо сохранились в памяти. Запомнилось, как храмовый комплекс открылся внезапно с поворота дороги: светло-серые (видимо, от цвета черепицы) постройки и ведущие к ним лестницы, вписанные в темную зелень глубоко врезанного в склон горы распада. Еще какое-то время — и мы на узкой улочке, сплошь застроенной дешевыми *рёканами* — гостиницами японского типа, маленькими ресторанами, лавками сувениров — типичный *мондзэнмати* («городок у храмовых ворот»). А вот и сами ворота, пройдя которые, вы вступаете на полого поднимающуюся вверх крытую каменную лестницу, крыша которой опирается на 108 столбов, отстоящих друг от друга на один кан (примерно 1,8 метров). Подъем совсем не утомляет, и не только потому, что крыша защищает вас от палящих солнечных лучей, но и благодаря конструкции самой лестницы: высота ступеней, расстояния между ними соизмеримы с длиной шага человека среднего роста, и потому подъем преодолевается без особых усилий. К тому же благочестивого паломника вдохновляет сознание того, что, поднимаясь по лестнице, он освобождается от 108 прегрешений, которые мог совершить в течение года, поскольку 108 канов длины ее символизируют эти прегрешения.

О крытой лестнице в Хасэ-дэра нередко говорят как об образце наиболее оптимального решения проблемы сооружения подобного рода. Стоит лишь упомянуть, что это решение отнюдь не плод современной инженерно-строительной мысли: лестница была построена в XI веке на средства, пожертвованные одним из священнослужителей Касуга тайся в благодарность за исцеление его ребенка.

Если вам повезет совершить паломничество в Хасэ-дэра в конце апреля — начале мая, подъем по лестнице будет еще приятней, ибо вы получите возможность полюбоваться цветущими *пеонами* по обеим сторонам ее. Вам, возможно, расскажут легенду, согласно которой *пеоны* пожертвовала храму наложница одного из императоров Танской династии в Китае в благодарность за то, что Каннон избавила ее от врожденного уродства и превратила в писаную красавицу. Но это только легенда. На самом деле *пеоновый сад* вокруг — результат жертвований ряда паломников в XVIII—XIX веках. Правда, несмотря на это прозаическое разъяснение, *пеоны* не становятся менее красивыми.

Лестница приводит на площадку, откуда открывается захватывающий вид на узкую долину речки Хацусэ и *мондзэнмати* внизу, на поднимающиеся на противоположной стороне долины лесистые холмы. Глядя на тоненькую ниточку речушки, словно с трудом

прокладывающей себе путь среди тесных берегов, я невольно вспомнил слова из стихотворения неизвестного поэта начала VIII века: «В Хацусэ по глади вод долго плыл на корабле...». Ныне здесь не то что на корабле — на самой маленькой плоскодонке не проплывешь. Неужели так обмелела речка за прошедшие тринадцать веков? Или — что куда вероятнее — представления о плавсредствах у людей той эпохи отличались существенно от наших и углая лодчонка казалась им большим кораблем?

На площадке возвышается главное строение Хасэ-дэра — *Каннондо* (Зал Каннон). В нем-то и установлена уже упоминавшаяся знаменитая статуя Одиннадцатиликой Каннон. Слово «знаменитая» употреблено не случайно, ибо для того, чтобы рассказать о происхождении статуи, нам вновь придется погрузиться в мир легенд и преданий. А предания эти гласят, что после того, как монах Токудо получил от государя повеление воздвигнуть статую, он только и думал об этом, и вот, как это обычно бывало в те времена, во сне ему было сказано, где найти подходящее дерево. Токудо пошел на указанное ему место, где обнаружил большое камфарное дерево. Пока он возносил молитвы, благодаря богов и будд за ниспосланную ему удачу, появились два старика, которые тут же принялись за дело. Работа спорилась, и не прошло и трех дней, как не одна, а целых две статуи Одиннадцатиликой Каннон были готовы. Такие темпы не должны нас удивлять, ибо, как оказалось, один из мастеров был воплощением Аматаэрасу, а другой — божеств Касуга тайся. Так местные боги — в который уж раз! — помогли доброму делу Будды. Одна из вырезанных ими статуй была установлена в Хасэ-дэра, а другую бросили в море, чтобы установить ее там, куда прибьют ее волны. Течение вынесло ее на берег Камакура близ нынешнего Токио. Там ее установили в храме, также названном Хасэ, и там вы можете увидеть ее и по сей день.

К сожалению, в самом Хасэ-дэра мы не найдем творение рук добрых богов. Храм горел много раз, в огне погибла и статуя, вырезанная столь чудесным образом. Ныне Каннондо украшает статуя, созданная в 1538 году одним киотским мастером. То было время, когда период расцвета японской буддийской скульптуры остался далеко позади, мастера, создававшие буддийские изображения, во все большей степени превращались в ремесленников, слепо следовавших установленным образцам и ни на йоту не отходивших от канона. Творческое начало в скульптуре угасало. И хотя статую в Каннондо отличает безукоризненная техника в исполнении отдельных деталей, душу она не трогает. Впрочем, речь идет о чисто индивидуальном восприятии. Скорее всего, люди, приходя-

щие в Хасэ-дэра испросить благодеяния милосердной Каннон, смотрят на статую иными глазами. Ведь для них она — воплощение чудодейственных свойств божества, способного исполнить их надежды и чаяния. И потому с благоговением взирают они на главный лик Каннон — бесстрастный, отрешенный от всех мирских забот и печалей, на венчающие его голову малые лики, выражающие самые различные чувства — нежность, гнев, печаль, спокойствие мудрости, радость, — на длинный посох в ее правой руке, символизирующий неустанную готовность бодхисаттвы пройти по всем «шести путям», дабы помочь каждому из живых существ обрести просветление... И если паломничество в Хасэ-дэра дает им утешение и надежду, не все ли равно, какую художественную ценность представляет его главное изображение?..

В силу того, что, по существу, с самого начала доступ в Хасэ-дэра был открыт для женщин, храм этот пользуется репутацией «женского». Но в еще большей степени такая характеристика подходит для расположенного в полутора десятках километров к востоку храму *Муроодзи*. По мере того как вы продвигаетесь от Хасэ-дэра на восток, пейзаж меняется: холмы становятся выше и все ближе подступают к дороге, а, свернув с нее на ветку, ведущую непосредственно к храму, вы попадаете в узкое ущелье речки Муроо. Хотя это, конечно, не наш проселок и дорога покрыта асфальтом отличного качества, она все же очень узка и изобилует множеством неожиданных резких поворотов, что держит водителя в постоянном напряжении. Дорога жметя к крутому склону, который во многих местах срезан словно гигантским острым мечом. Склон порос густым разнолесьем, в темной зелени его поблескивают на солнце стволы спиленных недавно деревьев. А с противоположной стороны снизу доносится несмолкающий рокот бегущего навстречу потока. Через каких-нибудь 20 минут ущелье внезапно расширяется и вы попадаете в крошечную горную долину, окруженную со всех сторон круто поднимающимися холмами, к ним жмутся крестьянские домишки, а все остальное пространство занято ровно нарезанными миниатюрными полями. Это живописное местечко называется *Муроо-но сато* — селение Муроо. Еще несколько сот метров, и машина останавливается у выкрашенного в ярко-красный цвет моста. Здесь установлен камень с выбитой на нем надписью «Женская гора Коя». Это и есть вход в Муроодзи.

Читатель, очевидно, уже заметил, что основателей буддийских храмов, особенно в горах, привлекали места, издавна почитаемые как обиталища божеств — ками. В этом нет ничего удивительного, поскольку такой подход с самого начала обеспечивал популярность у местного населения вновь созданного храма. Муроо, с его горной

речкой, лесистыми холмами, водопадами, скалами причудливой формы, с древнейших времен почитался как место священное, где нашли приют многочисленные ками и среди них — божество-дракон. Он был одним из самых популярных божеств народных верований, поскольку считалось, что дракон способен управлять водной стихией, от чего зависит, пойдет ли дождь, обойдет ли селение стороной разрушительный тайфун, смое ли вздувшаяся река с таким трудом возделанное поле. Иными словами, для земледельца дракон был очень важным божеством. По народным поверьям, драконы обитали не только в дождевых тучах, но и в прудах, озерах, водопадах, а недостатка в них Муроо не испытывал.

Правда, у дракона, поселившегося в водопадах Муроо, была своя не совсем обычная история. То был пришлый дракон. Помните несчастную фрейлину, бросившуюся в пруд Сарусава, не в силах вынести муки неразделенной любви? Совершив сей акт, она осквернила воды пруда, что сделало невозможным дальнейшее пребывание жившего там дракона. Вот он и бежал к водопадам Муроо. Эн-но Одзуну, тот самый, которого почитали как основателя ордена горных отшельников, прибегнув к магии, обнаружил, что дракон укрылся в пещере примерно в одном километре от нынешнего храма Муроодзи вверх по течению речки. Эн-но Одзуну воздвиг здесь маленькое святилище и нарёк его *Рюкэцу дзандзя* — Святилище пещеры дракона.

Конечно, это всего лишь легенда. Но «сказка — ложь, да в ней намек!» А намек этот на то, что издавна между Пещерой дракона и влиятельнейшим нарсским храмом Кофукудзи существовала тесная связь: ведь пруд Сарусава находится в пределах Кофукудзи. Связь эта, видимо, была установлена еще с того времени, когда Кофукудзи, носивший название Убасака-дэра, находился еще в Асука, совсем недалеко от Муроо. Неудивительно поэтому, что, когда в 777 году (по другой версии — в 778-м) серьезно заболел наследник престола, будущий император Камму, получивший впоследствии известность как основатель новой столицы — Хэйан, в Муроо были направлены монахи из Кофукудзи. Денно и ночью возносили они молитвы об исцелении больного в Пещере дракона, читали сутры. И это возымело свое действие: наследник выздоровел. Чтобы отблагодарить дракона, решено было выстроить близ пещеры храм. Такая форма благодарности за благодеяния ками была в те времена широко распространена. Исходили из того, что ками, как и обычные люди, нуждаются в спасении, которое понималось прежде всего как избавление от злой кармы. Для этого ками точно так же, как и все смертные, должны следовать Закону Будды, вникать в истины, содержащиеся в сутрах. Отсюда — необ-

ходимость в культовых сооружениях, где бы эти сутры читались. Так, вблизи или в пределах святилищ ками стали воздвигать храмы, получившие название *дзингудзи* — буквально «буддийский храм при святилище». Вот таким дзингудзи и был храм, выстроенный близ Пещеры дракона. Одно время его называли *Рюодзи* — Храм короля драконов, и на первых порах главным объектом культа в нем был дракон, но в его буддийской ипостаси — *Дзэннэ рюо* — Король драконов Дзэннэ. Согласно буддийской традиции, это существо обитало в пруду в северной части Гималаев.

Мы рассказываем обо всем этом столь подробно потому, что история создания Муродзи сама по себе очень показательна с точки зрения формирования японской религиозной традиции. Это типичный пример того, как складывались взаимоотношения местных культов с буддизмом, как шел процесс становления комплекса верований, в котором со временем стало трудно, если не невозможно, отличить истинно японское от превнесенного извне. Впрочем, изучение в течение ряда лет японского религиозного феномена убеждает нас в том, что попытки вычленивать это «истинно японское» из единого целого, именуемого религией японцев, в лучшем случае малопродуктивны. Они имеют смысл лишь тогда, когда ставится задача выяснить, что откуда пошло, и нарисовать тем самым картину исторического процесса формирования того или иного явления, но не больше. Но если пытаться делить отдельные элементы этого уже сложившегося явления на «свое» и «чужое», то такой подход с самого начала обречен на неудачу. Ибо то, что еще вчера было «чужим», заимствованным со стороны, сегодня настолько глубоко вошло в плоть и кровь национальной религиозной традиции, что воспринимается как искони свое. В худшем же случае такого рода попытки в конечном счете ведут к возвеличиванию всего «истинно японского», к подчеркиванию его «уникальности», «особости», «неповторимости» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что это за последствия — хорошо известно. Это — провозглашение тезиса об «уникальной японской национальной сущности», который в течение ряда десятилетий использовался военщиной как идеологическое обоснование удушения свободы собственного народа, политики войны и агрессии в отношении народов других стран. Чем все это завершилось — тоже хорошо известно: вспомним сокрушительное поражение, которое потерпела милитаристская Япония в 1945 году, и те неисчислимые страдания, которые милитаристы принесли и своему народу, и народам Азии. Как бы хотелось, чтобы об этом хотя бы иногда вспоминали сегодняшние поборники расовой чистоты и национальной идеи! К сожалению, это пожелание вряд ли осуществимо. Как хорошо

известно, история учит лишь тому, что она ничему не учит, вернее, люди просто пренебрегают ее уроками. Очевидно, так уж заведено, что каждый должен испить свою чашу...

Вот, оказывается, какие мысли может вызвать рассказ об истории возникновения мало кому известного за пределами Японских островов буддийского храма. А это говорит лишь о том, как все взаимосвязано в нашем мире, какие мы люди, при всех своих отличиях и особенностях, все же одинаковые, как много общего между нами...

С момента своего основания Рюодзи, или Муродзи, как его впоследствии стали называть, был тесно связан с Кофукудзи, а через него — с императорским двором. Каждый раз, когда случалась засуха или же страну начинали заливать тайфунные дожди, сюда по повелению двора направлялись монахи из Кофукудзи, дабы молитвами, обращенными к Дзэннэ рюо, предотвратить пагубные последствия стихийных бедствий. Известно, что первый такой молебен отслужили в 781 году, последний, о котором дошли документальные свидетельства, — 1457 год. Потом, видимо, было уже не до молебнов о ниспослании дождя: кровавые междоусобицы, которыми так «богата» история Японии в XV—XVI веках, захватили и край Ямато, сея повсюду смерть и разрушения, привели в упадок местные храмы и святилища.

В Муродзи можно услышать немало легенд, связанных с именем Кукая, уже упоминавшегося основателя школы Сингон в Японии. Вам расскажут, что Кукай восстановил храм после пожара, покажут поле странной круглой формы, образовавшееся на том самом месте, где находился источник, открытый Кукаем, и другие достопримечательности, связанные с его именем. Единственно достоверным в этих легендах является лишь то, что сами по себе они служат свидетельством громадной популярности имени Кукая среди японцев. Действительно, все то, с чем соприкасался этот замечательный человек, приобретает в их глазах ореол святости, а отсюда — такой соблазн приобщиться к его имени все, что только можно. Сколько раз в самых разных местах страны мне показывали храмы, якобы построенные Кукаем, статуи будд и бодхисаттв, якобы вырезанные им собственноручно... Что касается Муродзи, то никакого документального подтверждения пребывания там Кукая неизвестно. Скорее всего, и сами легенды, в которых он фигурирует, сложились значительно позже времени, когда он жил, видимо, не ранее XVII века. Дело в том, что в силу значительного ослабления влияния храма Кофукудзи связи Муродзи с этим нарсским храмом прервались и Муродзи оказался в ведении храмовой организации школы Сингон. Вот тогда-то Муродзи и стали именовать «Жен-

ской горой Коя», во всяком случае, впервые такое название упоминается в записи от 1679 года. Появление такого названия было вполне оправдано: ведь гора Коя — главная святыня Сингон, место расположения головного храма школы — Конгобудзи, действительно (уж в этом-то сомнений никаких нет!) основанного в начале IX века Кукаем. Но женщинам как существам, которым было отказано в посвящении в мистические таинства Сингон, строго-настрого был закрыт доступ в пределы Конгобудзи. Иное дело — Муруодзи, который они посещали исстари, задолго до того как этот храм стал иметь отношение к сингонскому эзотеризму. Так Муруодзи стал одним из самых популярных «женских» храмов.

В отличие от большинства описанных нами до сих пор буддийских храмов, расположенных на равнине, Муруодзи, как и Хасэдера, — типичный горный храм. В силу уже одного этого обстоятельства его планировка должна была отличаться от планировки этих храмов: если на равнине здания храмового комплекса можно было размещать в порядке, отвечавшем требованиям утвердившейся веками традиции и китайской геомантии, то в горах это было невозможно. Здесь расположение построек целиком и полностью зависело от рельефа, поэтому ни о каком установленном порядке не могло быть и речи. Но именно это обстоятельство и придает особую прелесть храмам, подобным Муруодзи. Храмовые постройки, вписанные в складки рельефа, становятся его составной частью, воспринимаются как единое целое окружающего их пейзажа, а не как нечто чужеродное, и, может быть, в этом одно из самых значительных достижений зодчих японского средневековья.

Взять хотя бы пятиярусную пагоду — символ Муруодзи. Эта 16-метровая постройка, окрашенная в ярко-красный цвет, словно естественно вырастает из окружающей ее зелени криптомерий. При этом контраст ярко-красного и темно-зеленого не раздражает, а, наоборот, производит впечатление естественности и гармонии. Невольно начинаешь думать, что пагода находится здесь вечно, что, если бы она внезапно исчезла, это нарушило бы не только красоту, но и гармонию пейзажа.

Написав эти строки, я невольно задумался о существенном отличии, которое имеет место в восприятии культовых сооружений в Японии и в других странах, например в Европе. Знаменитые соборы во Франции, Испании, Германии поражают воображение своими монументальными размерами и величием. Устремленные ввысь, они словно утверждают свое господство над окружающей местностью, резко выделяясь на ее фоне, как бы противопоставляя себя ей. В Японии же аналогичного рода постройки, как правило, настолько естественно вписываются в окружающий пейзаж, что

Пещера
дракона
в Муруо

воспринимаются как его составной элемент. Они не противопоставляются природе, в них не чувствуется стремления украсить ее, они как бы проистекают из природы. И дело не только в том, что природа Японии сама настолько красива, что нет необходимости еще как-то искусственно украшать ее, и только то творение рук человеческих не испортит ее, которое удачно в нее впишется. Дело, видимо, в различном отношении японцев и европейцев к природе.

В этой связи мне вспоминается прослушанная много лет тому назад лекция японского литератора Хидэми Кон, в которой он затронул и эту проблему. Для европейца, говорил Хидэми, природа — антитеза, от которой он защищается. Японец же приспосабливается к природе, вживается в нее. Объясняется это тем, что японцы сложились как нация в стране с мягким климатом. Даже в холодную зиму японец лишь греет руки над жаровней — *хибати*, но тем не менее он не погибает от холода и выживает. Природа всегда с японцем. Он отодвигает *сёдзи* — раздвижные стенки, выходит на галерею, идущую вокруг дома, и любуется разбитым перед домом садом. Когда наступают холода, он задвигает сёдзи, но тем самым нисколько не отдаляется от природы: она по-прежнему с ним, на этот раз в виде картин, которыми сёдзи расписаны...

Не могу не согласиться с этими наблюдениями. Действительно, японцу свойственно стремление не изменить природу, не подправить ее, а слиться с ней, а в ряде случаев — воспроизвести ее. Наиболее ярким свидетельством этого могут служить японские ландшафтные сады, воспроизводящие в миниатюре горы, реки, озера, долины. Так и японская традиционная архитектура не конкурирует с природой, не пытается покорить или, в лучшем случае, украсить ее. Она стремится стать ее частью.

Надеюсь, читатель простит меня за это пространное отступление. Думается, однако, оно необходимо для того, чтобы понять, что к архитектуре культовых сооружений Японии и Европы нельзя подходить с одной меркой, критерии здесь должны быть совсем разные. В Японии никогда не было и не могло быть ничего подобного Реймскому собору или гениальному творению Гауди — Собору святого семейства в Барселоне. Даже громадина Дайбуцудэн в Нара не выдерживает сопоставления с ними. Это совершенно разные категории прекрасного, и как замечательно, что такое отличие существует!

Продолжим, однако, нашу прогулку по Муроодзи. Особенностью горных храмов является обязательное наличие в их пределах *Оку-но ин* — Глубинного, или Заднего храма. Как правило, это

Пагода
Муроодзи

очень небольшая деревянная постройка типа часовни, расположенная либо на вершине горы, либо на ее склоне, но во всех случаях значительно выше основных зданий храмового комплекса. В зависимости от степени популярности храма, его посещаемости к Оку-но ин может вести достаточно благоустроенная дорожка или же крутая тропа, подъем по которой требует известной сноровки и затруднен для людей, не обладающих хотя бы элементарными навыками восхождений на горные вершины. В Муродзи путь к Оку-но ин представляет нечто среднее между этими двумя случаями. От пятиярусной пагоды к нему ведут без малого 400 крутых каменных ступеней. Вдоль подъема установлены каменные статуи, очень старые, замшелые, изъеденные временем настолько, что в ряде случаев практически невозможно определить, какой будда или бодхисаттва находится перед вами. Маленькая часовенка Оку-но ин — постройка Камакурской эпохи. Здесь среди густых зарослей криптомерий всегда очень тихо, и только откуда-то снизу доносится журчание речки Муроо.

Основные постройки храмового комплекса — *кондо* (главный зал) и *кантёдо* (зал помазания или опрыскивания главы — очевидно, это название связано с обычаем опрыскивать водой статую будды Шакьямуни в день его рождения) — относятся соответственно к Хэйанской и Камакурской эпохам. Они отличаются простотой архитектурных решений, лишены декоративных деталей, характерных для знаменитых равнинных храмов. Излишнее украшательство здесь было бы явно неуместным. Эти скромные строения с потемневшими от времени стенами, некогда выкрашенными в красный цвет, с крышами, крытыми простой кровельной дранкой, как бы дышат глубокой стариной и как нельзя лучше вписываются в окружающий пейзаж.

Обе постройки причислены к категории государственных сокровищ. Но интересны даже не столько они сами по себе, сколько их содержимое. Кондо с полным основанием можно назвать сокровищницей хэйанской скульптуры. Небольшой зал вместил в своем алтаре статуи Шакьямуни, будды Якуси, бодхисаттв Дзидзо, Одиннадцатиликой Каннон и Мондзю (бодхисаттва мудрости). А перед ними установлены фигуры двенадцати божественных стражей Якуси, исполненные в свободной манере, контрастирующей с канонизированными лицами будд и бодхисаттв, обращающими на себя внимание забавными позами и гротескными выражениями лиц. В большинстве из этих фигур нет ничего грозного, отталкивающего, устрашающего, то есть черт, которыми обычно наделяются стражи Закона. Возможно, им передалось то чувство раскованности, которое охватывало мастера, приступавшего к

Интерьер
кондо
главного
зала
Муродзи

Будда
Шакьямуни
(Муродди)

Одиннадцатиликая
Канон
(Муродди)

изготовлению изображений, в которых не требовалось слишком строгого следования канону.

Сам факт наличия в кондо двенадцати божественных стражей говорит о том, что некогда главным изображением здесь был не Шакьямуни, а будда-целитель Якуси. А это, в свою очередь, свидетельствует о той эволюции, которую претерпевал культ Муруодзи за время своего существования. Был Король драконов Дзэннэ, был будда-целитель Якуси, был какое-то время и Шакьямуни. Мы говорим «был», ибо нынешний главный объект поклонения находится не в кондо, где ему было бы положено находиться, а в Кантёдо, который поэтому часто называют *хондо* — основным залом. Таковым Кантёдо стал, очевидно, после того, как Муруодзи перешел в ведение школы Сингон. Вот с этого времени установленная там статуя Нёирин Каннон, очень популярной в сингонском пантеоне, и стала главным объектом поклонения.

Нёирин Каннон чаще всего изображают в позе, характерной для будды Майтрейя, который в задумчивости подпирает подбородок рукой. Поэтому их часто путают. Впрочем, в Муруодзи путаницы быть не может: мы имеем дело действительно с Нёирин Каннон, изображенной, согласно канону, с шестью руками.

Култ Каннон на протяжении всего средневековья и нового времени был чрезвычайно популярным, но далеко не единственным культом, получившим широкое распространение среди народа. Мы уже рассказывали об амидаистском движении, охватившем Японию в XII—XIII веках и приведшем к созданию подлинно японского буддизма. Концепция Чистой земли Будды Амида требовала своего предметного воплощения, и она нашла его в культовой практике одного из древнейших храмов земли Ямато — *Тайма-дэра*.

Храм этот находится у подножия горного кряжа в юго-западном углу равнины Ямато. Сам кряж составляет границу между Ямато и соседней землей Кавати, нынешней префектурой Осака. Через один из перевалов кряжа — Такэноути — идет старинная дорога, соединяющая Ямато с Кавати. Это самая древняя из всех известных «государственных дорог»: упоминание о ее строительстве содержится в «Нихон сёки» в записи за 613 год. Сооружение ее имело очень важное значение для царства Ямато, ибо давало непосредственный выход из резиденции царей, находившейся тогда в Асука, к морскому побережью в Осацкой бухте, откуда шел морской путь в Корею. Но еще до прокладки этой «государственной дороги» существовала по крайней мере перевальная тропа через кряж, о которой говорится в еще более ранней записи «Нихон сёки» — за 400 год. Местность вдоль этого старинного тракта была

Вид
на Тайма-дэра
глубокой
осенью

обжита с древнейших времен, о чем свидетельствуют многочисленные захоронения правителей и членов царствующей фамилии, остатки их резиденций и древних поселений.

Тайма-дэра расположен чуть севернее этой старинной дороги. Когда он был основан, точно неизвестно. Ясно лишь одно, что то был фамильный храм влиятельного в этих краях клана Тайма, откуда и его название. В 672 году Тайма стали на сторону императора Тёмму во вспыхнувшей тогда междоусобице. Победа императорской партии укрепила их позиции, что в свою очередь способствовало процветанию храма. Согласно традиции, примерно в то время в главном зале храма была установлена большая — свыше двух метров в высоту — изваянная из глины *статуя Будды Мироку* (Майтрейя). Мироку в Тайма-дэра очень отличается от своего собрата из Тюгудзи. В нем нет и следа присущей тому женственной изящности и пластичности. Круглое полное лицо с застывшей на нем улыбкой, полные покатые плечи фигуры напоминают традиционный облик китайского Майтрейя — эдакого добродушного толстяка, пышущего довольством и здоровьем. По-видимому, ваятель, создавая эту статую, руководствовался соответствующими китайскими образцами.

Мироку восседает в окружении *Ситэнно* — Стражей четырех сторон света. Они принадлежат к числу наиболее ранних статуй такого рода. Все стражи с короткими курчавыми бородками, один из них, *Дзотё тэн*, чертами лица напоминает выходца из Ближнего Востока или Средней Азии — еще одно свидетельство влияния материковой традиции на раннюю японскую скульптуру.

Фигуры стражей выполнены в технике сухого лака, которая все чаще стала использоваться в японской скульптуре с конца VII века. Рядом с ними каким-то инородным телом выглядит маленькая — всего 60 сантиметров в высоту — статуэтка монахини, укутанная с головой в белые одеяния, со сложенными в молитве руками. Эта деревянная фигурка была создана значительно позже других статуй, установленных в храме, — уже в XVIII веке. В сравнении с ними она напоминает скорее куклу, вырезанную ремесленником, нежели произведение скульптуры. Но присутствие ее в Тайма-дэра далеко не случайно: она изображает принявшую постриг девушку из аристократической семьи, которая в монашестве получила имя Тюдзё и которая в один из дней 763 года сотворила чудо, решившее судьбу храма.

Чудо же состояло в том, что Тюдзё во исполнение данного ею обета за одну ночь соткала из волокон лотоса картину-мандала с изображением Чистой земли Будды Амида. В истории Тайма-дэра эта мандала сыграла аналогичную роль, что и картина, нарисован-

ная примерно в то же время монахом Тико в нарсском храме Гангодзи. По мере распространения в народе культа Чистой земли росла и популярность мандала. Но объектом всеобщего поклонения она становится с середины XI века. Дело в том, что, согласно буддийской традиции, 1052 год был провозглашен первым годом эпохи Конца Закона, когда наступал вселенский хаос, неизбежно ведущий к концу света. Представления об эпохе Конца Закона также послужили одной из причин активизации превращенцев вероучения о возможности спасения лишь в Чистой земле Будды Амида. Так же как люди шли в Гангодзи, чтобы вознести хвалу Амида пред ликом будды, исполненным монахом Тико, они устремились и в Тайма-дэра, привлеченные наличием в храме чудесно сотканной мандала. Паломничества в храм приняли беспрецедентные для того времени масштабы. Картина получила такую известность, что с нее стали снимать копии, которые распространялись по другим храмам. В самом же Тайма-дэра для мандала выстроили специальное здание — *Мандала-до*, которое, по существу, заменило главный зал храма. Сооружение Мандала-до привело к смещению оси строения храмового комплекса. Напомним, что со времени проникновения буддизма на Японские острова храмовые постройки располагались в соответствии с китайской традицией по оси север — юг, причем главные ворота храма устанавливались на южной стороне его, равно как и главные ворота города, дворцового комплекса и т. п. В отличие от этой традиционной планировки Мандала-до был обращен фасадом на восток, и, таким образом, главными воротами Тайма-дэра стали восточные. Такая планировка была связана с представлением о том, что Чистая земля Амида расположена где-то на западе, а потому считалось необходимым, чтобы верующий, входя в храм, постоянно был обращен лицом на запад.

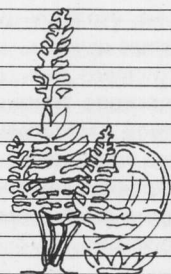
Росту популярности Тайма-дэра среди превращенцев вероучения о Чистой земле способствовало не только наличие в храме знаменитой мандала, но и то обстоятельство, что храм находился... в непосредственной близости от нее! Если вам, читатель, когда-нибудь доведется побывать в этих местах, то, подходя к Восточным воротам Тайма-дэра, вы увидите, что невидалеке за храмом поднимается гора с двойной вершиной, известная в древности как Фтагами, а ныне — *Нидзё*, что впрочем, переводится одинаково — Двуглавая. Гора невысокая: одна из ее вершин, называемая Мужской, поднимается на 515 метров, другая — Женская — на 474 метра. Кстати, подобного рода названия гор с двумя вершинами в Японии чрезвычайно распространены, служа конкретным напоминанием о древних анимистических представлениях японцев. В седловину

между двумя вершинами Нидзё спускается солнце, это место всегда привлекало зрелищем заходящего солнца. Попробуем мысленно продолжить линию, соединяющую Восточные ворота с Мандала-до, далее на запад, и вы убедитесь в том, что она пройдет посредине седловины. А, значит, там, за седловиной, и есть Чистая земля! Во всяком случае, это следует из другой мандала, хранящейся в храме: на ней изображен Амида, ожидающий за седловиной, чтобы принять души во всем положившихся на него людей в свою Землю наивысшей радости. Видимо, утверждению такого представления способствовало и то обстоятельство, что еще задолго до прихода Закона Будды в эти края местные жители считали гору Нидзё обителью духов усопших.

Все сказанное выше дает основания предположить, что люди эпохи, о которой идет речь, могли воспринимать сам Тайма-дэра с его Мандала-до и возвышающимися над храмовой рощей по обеим сторонам зала двумя трехъярусными пагодами как воспроизведенную в этом мире Чистую землю наивысшей радости. Видимо, с такого рода восприятием связана и проводимая ежегодно 14 мая церемония вхождения Тюдзё в Чистую землю. Этот очень древний ритуал берет начало еще в XII веке. Он представляет особый интерес, будучи весьма доступной для понимания каждой конкретной иллюстрацией вероучения о Чистой земле.

Между Мандала-до, символизирующем в данном случае Чистую землю, и расположенным у Восточных ворот павильоном Сяба-до, олицетворяющем этот мир, на высоте несколько выше человеческого роста устанавливают длинные деревянные мостки, которые в свою очередь символизируют мост, переброшенный через пропасть, отделяющую наш бренный мир от благословенной Чистой земли. Паланкин с женщиной, изображающей Тюдзё, помещают в Сяба-до. После этого 25 монахов, на головах которых одеты большие маски бодхисаттв, каждого из них ведет монах в обычном одеянии, начинают шествие по мосткам от Мандала-до к Сяба-до. Это действие символизирует приход посланцев будды Амида за душой Тюдзё. Получившая благословение Амида Тюдзё в сопровождении двух бодхисаттв направляется к Мандала-до, а за ней следуют «встретившие» ее душу остальные участники шествия, на сей раз приплясывая на ходу, выражая тем самым свою радость по поводу совершившегося. Вступление Тюдзё в Мандала-до символизирует вхождение ее души в Чистую землю. Эта старинная церемония пользуется исключительно большой популярностью не только в Ямато, но далеко за пределами края, привлекая многочисленных верующих и туристов. Знакомая с ней, начинаешь лучше понимать, как буддийское вероучение проникало в массы народа, в

самые отдаленные и глухие уголки страны: не столько путем заучивания трудных и в подавляющем большинстве случаев мало-понятных простому человеку текстов, сколько через вот такие мистерии, в которых каждый акт, каждое движение исполнено конкретного значения, служит простой и понятной иллюстрацией даже самой сложной догмы. А ведь мистерии типа описанной выше дополнялись также весьма несложными для восприятия картинами райго, изображавшими Амида с сопровождающими его бодхисаттвами, встречающим души, следующие в Чистую землю.

НАРА ОКУЯМА

Невысокие холмы в восточной части Нарского парка иногда называют Нара Окуяма — Задние горы Нара. Действительно, они словно задник большой сценической площадки парка, полого поднимающейся от пруда Сарусава и пагоды Кофукудзи к святилищу Касуга. Склоны их покрыты густым лесом, вот уже тысячу лет не знающим, как утверждают, топора дровосека. Стройные криптомерии, японские пихты соседствуют здесь с кипарисовиками и кэяки — деревьями с необычайно твердой и потому ценимой строителями древесиной. Под их кронами даже в полдень царит полумрак. Подлесок поражает многообразием кустарников и трав, одних только папоротников — 108 видов. Всего же в этом природном ботаническом саду насчитывается около 640 разновидностей растений умеренного и субтропического поясов. В сентябре зацветает индийская сирень, которую за ее гладкий скользкий ствол японцы называют *сарусубэри* — «дерево, по которому даже обезьяна скользит». А месяц спустя холмы расцветиваются ярко-красными вспышками: пришла пора осенних красок и открывают ее алые листья клёна. Сколько стихов сложено по этому поводу!

Из-за дождя сидел я взаперти,
Сжималось сердце одинокое тоскою,
Я вышел и взглянул:

Ах, Касуга-гора
Вся засверкала алою листвою

Отото Якамоти
«Мангёсю», п. 1568

Как удалось сохранить почти в первозданном виде этот заповедник живой природы в такой близости от городских кварталов? Ответ прост и, по крайней мере, для японца предельно понятен: лес, о котором идет речь, принадлежит богам Касуга, а потому неприкосновен. Вспомним: культ природы во всех ее проявлениях — одна из важнейших составляющих национальной религии. В синто природа всегда выступала посредником между человеком и божеством: боги либо обитали в рощах, горах, скалах, либо «нисходили» на них. Для японцев издревле лес, роща ассоциировались с понятием «обитель божества». Ведь даже само слово *дзиндзя* — синтоистское святилище — по своему происхождению означает «лес божества». Отсюда и отношение японцев к природному окружению святилищ, которое по причине его священности надлежит оберегать и содержать в чистоте. В наши дни, когда обширные лесные массивы подчас безжалостно уничтожаются в связи с интенсивным дорожным, промышленным и жилищным строительством, в ряде случаев единственным препятствием на пути к этому становятся святилища. Очень часто оказывается возможным спасти лишь те леса и рощи, которые находятся в их собственности. Осознание того, что это — «обитель богов», подчас дает куда больший эффект, чем самые жесткие законодательные запреты. Приверженность традиционным ценностям срабатывает безотказно и в данном случае — на пользу дела. В этом легко убедиться, если взглянуть на любой крупный японский город с птичьего полета: в море серых бетонных громадин и низкорослых жилых построек выделяются островки зелени, в большинстве случаев — рощи святилищ синто. Даже приблизительные подсчеты показывают, что общая площадь зеленых массивов, находящихся в собственности святилищ, более чем в полтора раза превышает территорию Токийского столичного округа.

Южную оконечность Нара Окуяма образует гора Такамадо, со смотровой площадки которой открывается вид на всю равнину Ямато. Место это было хорошо известно еще в VIII веке. В правление императора Сёму у подножия горы выстроили дворец для отдыха и увеселений. Немало стихов посвятили Такамадо собиравшиеся во дворец аристократы.

Я вижу там, над Касуга-долиной,
Все мелкий дождь идет,

И с завтрашнего дня,
Наверно, в Такамадо вся гора
Украсится листвою алой!

Фудзивара Ацука
«Манъёсю», п. 1571

Гора славилась не только осенними красками, но и цветением *хаги* — кустарника с мелкими бело-розовыми цветами, которые особенно любят японцы.

Цветы прекрасных хаги в Такамадо
На золотых полях
Осеннею порой,
В рассвета алый час покрытые росой,
Как нынче, верно, пышно расцвели!

Отомо Якамоти
«Манъёсю», п. 1605

Судя по этим стихам, во времена Отомо Якамоти склоны Такамадо покрывали поля, поросшие хаги. Сегодня о тех временах напоминает лишь название квартала у подножия горы — *Такабатакэ*, что значит «высокое поле». Никаких полей уже давно нет. Такабатакэ — район очень старой застройки. Вдоль узких улочек тянутся местами полуразвалившиеся глиняные ограды, покрытые черепицей. Вид их невольно будит в памяти описания кварталов Хэйдзё. Все здесь дышит очарованием давно ушедшей эпохи. Под стать этому чудом сохранившемуся уголку старой Нара-мати и укрывшийся в лабиринте узких проулков храм *Син Якусидзи*, о котором мы уже упоминали.

Когда в 747 году храм был заложен по указанию императрицы Комё, в этом удаленном от центра столицы месте, кроме летнего дворца императоров, не было других зданий. Строителям было где развернуться. Хроники того времени позволяют нарисовать в воображении картину обширного храмового комплекса. Мало что сохранилось от этой эпохи. На маленьком пятачке, зажатом подступающими со всех сторон домами, внутри храмовой ограды еле-еле умещаются главный зал — хондо, колокольня да часовенка, в которой установлено каменное изображение бодхисаттвы Дзидзо, сплошь обклеенного какими-то бумажками. Присмотревшись, обнаруживаешь, что на бумажках начертаны обращения к Дзидзо с просьбами исцелить от различных недугов — статую явно и по сей день наделяют чудотворными способностями. Колокольня, обитель Дзидзо, южные и восточные ворота храма относятся к Камакурской эпохе, и только хондо — ко времени основания хра-

ма, то есть к середине VIII века. Наряду с главным залом Тосёдайдзи это одна из наиболее древних построек в Нара. Считают, что функцию главного зала она стала выполнять позже, а первоначально, видимо, служила трапезной или имела какое-то другое вспомогательное назначение.

Внимание посетителей всегда обращают на архитектуру хондо, отмечая, что главный зал отдаленно напоминает храм Древней Греции. Действительно, если бы не покатая черепичная крыша, образующая навес над зданием — типичная для китайской храмовой архитектуры деталь, сходство было бы еще большим. Несомненно, какие-то элементы архитектуры древней Эллады проникли в Японию, и прежде всего в Нара, с мощным потоком материковой культуры. Но на долгом и длинном пути из Средиземноморья к берегам Японских островов они подвергались настолько глубокой трансформации, что говорить о непосредственном греческом влиянии на архитектуру японских храмов, видимо, можно лишь с очень большой натяжкой. Впрочем, японцев это не смущает: в рекламных проспектах Син Якусидзи всячески подчеркивается указанное сходство, а сам храм гордо именуют «Грецией Востока»!

Как бы то ни было Син Якусидзи — один из наиболее приятных уголков Нара. В маленьком, но очень уютном дворике его проводят — особенно в сезон цветения хаги — чайные церемонии, состязания в искусстве составления стихов. Вся атмосфера храма как нельзя лучше располагает к такого рода занятиям.

От Син Якусидзи буквально несколько сот метров до входа в очень узкую долину, разделяющую горы Такамадо и Касуга. Скорее даже, это не долина, а ущелье, прорезанное речушкой Ното. По дну его проложена старинная дорога, вымощенная лет 200—300 тому назад камнем (на отдельных участках каменная кладка еще хорошо сохранилась). То была дорога, соединяющая Нара с сельской местностью Ягю. Старожилы еще помнят, как в конце 20-х годов крестьяне из Ягю доставляли по ней в город рис, древесный уголь, а возвращались домой, нагруженные покупками, сделанными в нарсских лавках. При этом поклажа перевозилась на лошадях и быках.

Но времена изменились. Теперь в Ягю ведет совсем другая дорога, огибающая Задние горы Нара с севера, — асфальтированное широкое шоссе, по которому снуют легковые автомашины, автобусы и траки. Нет уже в крестьянских хозяйствах Ягю ни быков, ни лошадей, выращенный крестьянами рис через кооператив продают оптовикам, а древесный уголь почти перестали выжигать, ибо спрос на него резко упал. В городах им пользуются разве

что в очень дорогих ресторанах национальной кухни: считают, что мясо, поджаренное на древесном угле, обладает особым ароматом, который к тому же напоминает о старом добром времени, а за одно это, видимо, стоит заплатить подороже.

Старый тракт Ягю, как продолжают называть эту дорогу, опустел. Сейчас ущелье меж Такамадо и Касуга — одно из самых малопосещаемых и в то же время самых приятных мест Нара. Оно привлекает лишь тех, кто любит побыть наедине с природой и ощутить дыхание прошлого. А прошлое напоминает здесь о себе почти на каждом шагу. И не только покрытыми ковром опавшей листвы влажными камнями старого тракта. Дело в том, что еще задолго до того, как был проложен тракт, места эти облюбовали монахи нарских храмов, особенно Тодайдзи и Кофукудзи. Поднимаясь вверх по ущелью, они находили убежище в пещерах, в выемках, возникших в местах выработок строительного камня, использовавшегося при сооружении Хэйдзё. Здесь они проводили дни и недели, предаваясь углубленному самосозерцанию, чтению сутр и трактатов. Святые места требовали своих символов, и они не замедлили появиться в виде многочисленных каменных будд и бодхисаттв. Путешествуя по старому тракту Ягю, по отходящим от него горным тропкам, вы попадаете в необычный мир каменной буддийской скульптуры; и чем больше соприкасаетесь с ним, тем больше проникаетесь очарованием его скромной красоты.

Надо сказать, что каменные статуи будд и бодхисаттв, плиты, на которых вырезаны их имена, невысокие башенки горин-но то, составленные из вытесанных из камня кубов, шаров и треугольников, другие изображения являются неотъемлемым элементом сельского пейзажа практически повсюду в Японии. Их можно увидеть на обочинах дорог и перекрестках, на горных перевалах и близ источников, прямо в поле и на старых деревенских кладбищах. Немало их сохранилось и в городах, даже таких гигантах, как Токио, но здесь они меньше бросаются в глаза, затерянные в сутолоке городской застройки. Подавляющее большинство такого рода изображений относится к периоду позднего средневековья, точнее, к отрезку времени между серединой XVII и серединой XIX века. Широкое распространение каменной скульптуры в этот период связано с возрастанием в духовной жизни широких слоев народа, особенно крестьянства, роли народных верований, осязаемым воплощением которых она и служила. Но традиция создания каменной скульптуры имеет куда более долгую историю, уходит своими корнями во времена утверждения на японской почве школ Сингон и Тэндай, согласно учениям которых Будда пребывает во всем и вся.

Старинный
тракт
Ягю

Каменные
будды
в Долине
ада
(тракт Ягю)

Участок старинного тракта Ягю от начала его у восточной окраины Нарского парка и выхода из ущелья на перевал Исикири (еще одно указание на наличие здесь в древности каменоломен: *Исикири* означает «резать камень») называют *Такисака-но мити*. В переводе это значит «дорога, идущая вверх по склону вдоль водопадов». Действительно, речушка Ното изобилует множеством миниатюрных — в несколько десятков сантиметров высотой — водопадов, и шум падающей воды сопровождает вас на всем пути. Узкая тропа чем дальше, тем круче поднимается вверх среди высоких криптомерий, сквозь густые кроны которых с трудом пробиваются солнечные лучи. Здесь всегда, даже в самые жаркие летние дни, прохладно и тихо. Пройдя каких-нибудь полкилометра, вы внезапно обнаруживаете слева большой камень с едва различимой фигурой, лежащей в неестественной позе. Это так называемый *Синбуцу* — Спящий Будда. Но если хорошо присмотреться, то оказывается, что Будда вовсе не спящий, а сидящий: кусок скалы, в которой он был вырезан, отвалился и будда оказался лежащим на боку. Чуть выше по течению находится то самое место, откуда он отвалился: в скальной выемке высоко над речкой смутно угадываются четыре сидящие фигуры — будды четырех стран света. Они настолько деформированы выветриванием, что временами кажется, будто перед вами причудливых очертаний выступы скалы, которым игра воображения придает облик будд. Но это все-таки творения человеческих рук, созданные где-то в первой половине эпохи Муромати, то есть не позже начала XV века. Над ними совсем плохо заметное изображение Будды Майтрейя, в просторечии именуемое *Юхи Каннон* — Каннон заката, ибо лучше всего его можно увидеть в лучах заходящего солнца. Это одно из самых старых изображений в ущелье, оно относится к Камакурской эпохе.

Еще несколько шагов вверх по течению, и вы видите еле-еле выступающие из складок массивной скалы три фигуры, а в нависающей над ней другой скале — фигуру, сохранившуюся гораздо лучше: бритоголовый человек с пухлым детским лицом в монашеском одеянии, в правой руке его — посох, в левой — какой-то круглый предмет. Как эта фигура, так и фигуры пониже — изображения бодхисаттвы Дзидзо, пожалуй, самого популярного после Каннон божества буддийского пантеона в Японии. Поэтому стоит рассказать о нем подробнее.

Дзидзо — божество индуистского происхождения (санскр. *Киштигарбха*), в буддизме стал рассматриваться как бодхисаттва, который, подобно земле, хранящей неисчерпаемые богатства, обладает безграничными возможностями спасения живых людей и душ усопших (иероглиф *дзи* означает «земля», *дзо* — «хранить»).

В Японию культ Дзидзо проник одновременно с буддийским учением, но получил особое развитие с XII века в связи с пропагандой учения *манпо* — «века конца Закона», предрекавшего близкий конец света. Поначалу культ Дзидзо находил последователей преимущественно в среде аристократии, но с течением времени ему начали поклоняться низшие слои населения, а в позднее средневековье он стал подлинно народным божеством. Из спасителя всех и вся он превратился в существо, наделяемое в каждом случае весьма конкретными функциями. Одни видели в нем защитника малолетних, другие — покровителя путешественников, стража рубежей, врачевателя, спасителя душ усопших, защитника от пожаров, покровителя земледелия, трети — избавителя от смертельной опасности, принимающего на себя направленные против человека удары.

Но все это произошло позже. Дзидзо, вырезанные в скалах над речкой Ното, воспринимались еще в своем первоначальном значении. Монахи, приходившие в ущелье, хорошо знали из сутр, что Дзидзо выполняет миссию спасителя, являясь в облике ребенка. Потому пухлое детское лицо бодхисаттвы не вызывало у них других ассоциаций. Посох в руке Дзидзо воспринимался, как его и должно было воспринимать: в нем видели символ власти, а драгоценный камень в левой руке — как символ духовного богатства.

...Мы поднимаемся все выше по ущелью, скользя по мокрым камням. В скале, очертания которой едва проступают в густой зелени, — еще одна фигура. Разглядеть ее почти невозможно, и неудивительно: это *Асахи Каннон* — Каннон восходящего солнца, а значит, увидеть ее как следует можно только утром. Правда, из сохранившейся надписи следует, что это опять-таки не Каннон, а Майтрейя, вырезанный в 1256 году, — одна из немногих точных дат в этом необычном музее каменной скульптуры.

Выше по течению ущелье расширяется и выходит на относительно ровную площадку, откуда вверх расходятся три тропы. Это было место отдыха путников перед последним подъемом на перевал, и потому очень естественно выглядит установленная здесь большая — высотой почти 2,5 метров — статуя Дзидзо. Только уж какой-то странный этот покровитель путешественников: то ли у резчика не хватило цельного камня, то ли по какой другой причине, но статуя словно разрублена надвое: такое впечатление, будто ей нарочно отрубили голову, а потом просто поставили на старое место. Легенда — а в данном случае без легенды никак не обойтись! — утверждает, что Кубикири Дзидзо (Дзидзо с отрубленной головой), как называют в народе статую, — результат манипулирования мечом прославленного мастера фехтования Араки Матад-

заэмон, хорошо известного японцам по многочисленным самурайским фильмам, телевизионным сериалам, устным рассказам и историческим повестям.

Если от Кубикири Дзидзо подниматься крайней правой тропой, то через некоторое время выйдешь на дорогу, огибающую Нарские холмы с востока. Тропа продолжается и по ту сторону дороги, то взбегая на крутые пригорки, то резко опускаясь, и все это — среди густого леса. Минут 15 ходьбы, и слева открывается скала с неглубокой выемкой, на задних стенках которой хорошо видны шесть изображений будд, исполненных в технике резьбы по камню. Линии, проведенные резцом, ясно различимы, на поверхности стенок остались следы красной и зеленой красок. Это место называют *Сэйдзингуцу* — Пещерой отшельника. Мнения о том, кто изображен в пещере, расходятся. Одни называют центральную фигуру в группе Буддой Шакьямуни, другие — бодхисаттвой Майтрейя. Неизвестно также, кто и когда начертал их. Может быть, то были монахи-отшельники, а возможно, камнерезы, поселившиеся в выемке после того, как из нее взяли строительный камень. Очевидно лишь то, что мы имеем дело с одним из наиболее ранних в японском буддийском искусстве образцов резьбы по камню: по одной из версий, центральная фигура выполнена в середине VIII века.

Пещера отшельника не единственное место такого рода вдоль тракта Ягю. От Дзидзо с отрубленной головой можно подниматься вверх по левой тропе, оставляя справа маленькое живописное водохранилище, в тихой глади которого отражаются обступившие его криптомерии. Тропа вскоре приведет к двум расположенным рядом пещерам. Считают, что это остатки каменоломни, откуда брали материал для фундамента Зала Большого Будды в Тодайдзи. В углублениях, вырезанных в мягком вулканическом туфе, вы обнаруживаете большое число фигур — не меньше 18 — из того же материала. Фигуры сохранились неплохо, но главная ценность этой находки в том, что выбитые на стенах пещер надписи позволяют точно датировать скульптуры — 1157 годом.

Возможно, иной читатель, ознакомившись с этими беглыми заметками, усомнится: а заслуживают ли такого внимания каменные будды вдоль тракта Ягю? Какую художественную ценность представляют в большинстве своем плохо сохранившиеся фигуры? Разве в Нара и ее окрестностях нет скульптуры, знакомство с которой куда в большей степени способно удовлетворить нашу тягу к прекрасному?

Конечно, есть. Согласен с тем, что, если, например, поместить описанные статуи в музейный зал, они вряд ли заинтересуют широ-

кую публику, помимо узкого круга специалистов. Но в ущелье речки Ното, на перевале Исикири, в полумраке лесных троп они воспринимаются по-иному: не как нечто инородное, привнесенное извне, а так же, как окружающие их деревья, камни, водопады, кустарники, то есть как часть природы, с которой эти изъеденные временем, замшелые статуи слились давным-давно. Нет, даже не слились, а выросли из нее. Один японский художник, по-моему, очень точно определил впечатление, производимое каменными буддами на тракте Ягю. «Все они, — сказал он, — хотят вернуться в землю». Я бы добавил: в ту самую землю, откуда они вышли.

Путешествуя по Японии, часто хочется сказать об окружающем ландшафте, что он «сделанный». Следы труда человека встречаются повсюду. Поднимаясь в гору по узкой тропинке вдоль потока, вы вдруг замечаете, что берег укреплен старой каменной кладкой, не будь которой, тропу давно бы подмыло и она осыпалась бы в воду. Остановившись на отдых в тени большой скалы, обнаруживаете, что находитесь в выемке, выбитой когда-то для каких-то хозяйственных целей. В густой траве внезапно натываетесь на камень, который оказывается вовсе не простым камнем, а статуей Дзидзо, Каннон или же грозного защитника Закона — Фудо мёо. Встретившееся на пути большое дерево оказывается обвязанным сплетенной из соломы верёвкой — симэнава, а у основания его мощного ствола приютилось миниатюрное святилище, сложенное из нескольких грубо обработанных каменных плит. И так буквально на каждом шагу. Но все это воспринимается не как вмешательство посторонней силы, нарушающей гармонию окружающей природы, а, наоборот, как элемент, создающий эту гармонию. В чем тут дело? Может быть, в особенностях теплого и влажного японского климата, способствующего тому, что все созданное руками человека быстро зарастает травой, покрывается мхом, теряет свои первоначальные очертания под воздействием солнца, воды и ветра до такой степени, что перестает выделяться из своего естественного окружения? А может быть, в присущем японцам деликатном отношении к среде своего обитания, побуждающем их избегать внесения дисгармонии в природу, приспособляться к ней, чтобы сделанное ими не выпячивалось, не выглядело бы чуждым, а, наоборот, пряталось, сливалось с ней? Наверное, и в том, и в другом. А в результате присутствие человеческого элемента придает особую теплоту японской природе, которую вы ощущаете даже на малохоженных горных тропках.

Мне всего лишь один раз довелось пройти по старому тракту Ягю до одноименной местности с ее маленькими уютными посёлками, отдаленными друг от друга рисовыми полями и редкими пере-

лесками, небольшими деревенскими храмами и святилищами, которые то и дело попадались на пути. Обычно же, выйдя из ущелья на дорогу, огибающую Нарские холмы с востока, я поворачивал налево и после часа ходьбы оказывался у поворота к *Угуйсу-но таки* — Соловьиному водопаду. Хотя место это известно с давних пор — оно упоминается в стихах средневекового поэта монаха Сайгё (1118—1190), сейчас водопад посещают крайне редко. Лавки, где, очевидно, торговали сувенирами и местными лакомствами, заколочены, все вокруг производит впечатление заброшенности и покинутости. Молодой преподаватель из университета Тэнри, которого я как-то попросил подвезти меня к водопаду, оказался там впервые, хотя родился и прожил всю жизнь в этих краях. А водопад сам по себе очень хорош: словно широкая лента белоснежного полотна разворачивается откуда-то сверху из зеленых кущ и, ударяясь о камни, разбивается на тысячи серебряных брызг. Я бывал там только летом, но рассказывают, что зимой, когда камни покрываются корочкой льда, звуки, производимые бьющимися о них струями, напоминают пение соловья. Отсюда водопад получил такое поэтическое название.

От поворота с главной дороги к водопаду ведет дорожка поуже, оканчивающаяся небольшой поляной, используемой как стоянка для автомобилей. Прямо перед ней от дорожки влево отходит тропа, которая, круто спускаясь, через несколько минут приводит к водопаду. Если же от этого места повернуть направо, то попадаешь на лестницу со старыми замшелыми ступенями, столь же круто поднимающимися вверх; переходя затем в заросшую травой тропинку, она вьется по склону горы. Еще немного — и попадаешь на маленькую площадку, окруженную лесом. Вход на нее образуют каменные тории, долженствующие свидетельствовать, что перед вами — синтоистское святилище. Но, войдя на площадку, убеждаешься, что о синто здесь напоминают лишь несколько каменных фонарей — торо — с изображенными на них перекрещивающимися редьками. Слева от входа — небольшая колокольня, наподобие тех, что нередко можно увидеть в деревенских буддийских храмах, справа — крошечный пруд с плавающими в нем маленькими красными рыбками. От тории мощенная каменными плитами дорожка ведет к скромной деревянной постройке, похожей опять-таки на строения деревенских храмов. Справа от нее — еще одна постройка, столь же скромная. За исключением дорожки, вся площадка покрыта мхом и мягкой невысокой травой, из которой кое-где выглядывают камни.

Мне довелось бывать здесь раза три-четыре. И каждый раз — в одиночестве, наслаждаясь умиротворяющей атмосферой этого

тихого и таинственного уголка. Таинственного, ибо долгое время не мог разобраться, куда же, собственно говоря, попал: храм не храм, святилище не святилище, и вообще непонятно что. Не внесли ясности и скупые строки путеводителя, из коих следовало, что это — самый старый в Японии храм, посвященный *Кангитэн* — божеству супружеской гармонии и преуспевания в делах, что он имеет какое-то отношение к Кофукудзи и что в алтаре его установлена поминальная табличка монаха Кокай, духовного наставника военного правителя Японии в XVI веке Тоётоми Хидэёси.

Пришлось перелистать словари буддийских терминов, справочники по буддийской иконографии, другую специальную литературу, прежде чем смог самому себе ответить на вопрос, кто же такой этот загадочный Кангитэн. Многие прояснила брошюра индийского буддолога Локеша Чандра, с которым познакомился на одной из научных конференций в Токио. На обложке брошюры, называвшейся «Ганеша в Японии», было изображено странное существо с головой слона, восседавшее в позе лотоса, с топориком в правой и большой редькой в левой руке.

Существо с телом человека и головой слона и есть Кангитэн, или, как его называют в Индии, *Ганеша* (Ганапати). По словам Локеша Чандра, Ганеша символизирует единство микрокосмоса человека с макрокосмосом Вселенной, представленном в виде слона. Как и многие другие божества буддийского пантеона, Ганеша был заимствован из древних индийских верований. Поначалу он пользовался дурной репутацией: его считали злым существом, навлекающим на людей всяческие напасти, искушающим тех, кто вступил на путь познания Закона. Но под влиянием учения Будды он преобразился и стал его верным защитником, подобно многим другим богам, воспринятым буддизмом из местных верований.

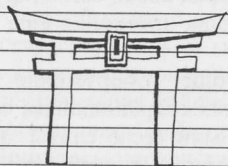
В Японию Ганеша попал в начале IX века. Среди многочисленных сутр, которые знаменитый Кукай привез из Китая, были и сутры, упоминавшие Ганеша. Привез Кукай и изображения этого чудного бога. Кстати, изображался он в самых разных видах: и так, как было описано выше, и держащим зонтик над головой, и со сплетенным из цветов венком в руке, и с луком и стрелами, и даже с мечом. Были также стоящие четырех- и шестирукие Ганеша. Но в Японии наибольшее распространение получил так называемый двойной Ганеша: два слогоголовых существа изображены стоящими в обнимку, положив головы на плечи друг другу. Трогательная картина!

Возможно, именно это изображение и породило в Японии представление о Ганеша прежде всего как о божестве любви, супружеской гармонии. Способствовало этому, видимо, и смысло-

вое значение иероглифов, которыми санскритское имя Ганеша было передано в Китае, а затем и в Японии: *Кангитэн* означает «божество радости и наслаждения». Вероятно, сыграл свою роль и один из атрибутов Ганеша — редька, которая легко ассоциируется с фаллосом. Так на японской почве Ганеша претерпел еще одно преобразование.

Все остальное понять гораздо проще. Сооружение близ Соловьиного водопада — одно из немногих сохранившихся свидетельств времен, когда синто и буддизм были тесно слиты. Таких храмов-святилищ в эпоху Токугава было много по всей стране, но только единицы пережили развернутую властями непосредственно после революции 1867—1868 годов кампанию разделения буддизма и синто. Видимо, свою роль сыграла здесь и уединенность нашего Кангитэн: автомобильная дорога в Нарских холмах была проложена лишь в конце 20-х годов, а до того времени к Соловьиному водопаду можно было добраться лишь по горным тропинкам. Вот и остался нетронутым этот реликт все глубже уходящей в историю эпохи.

«А при чем же тут преуспевание в делах?» — вправе спросить читатель. Может быть, при том, что гармония в супружеских отношениях создает хороший тыл для всякой деятельности, включая предпринимательскую. А может быть, и нет тут прямой связи: мне не известно ни одно сколько-нибудь популярное японское божество, которое вне зависимости от своих специфических функций не содействовало бы преуспеванию в торговле и всяком другом предпринимательстве!

Рассказ о Ямато мы начали с описания «самой древней» дороги Японии — *Яма-но бэ мити*. И теперь, когда подходим к концу, снова возвращаемся в эти края: большая часть *Яма-но бэ мити* пролегает в пределах города Тэнри, о котором пойдет речь.

Здесь, чтобы избежать возможных недоразумений, нужно сказать несколько слов о том, что составляет базу административного деления Японии. Таких базовых единиц три: *тоси* (город), *мати* (этот термин у нас часто переводят как «городок» или даже «посёлок», но на самом деле речь идет об административной единице с центром в поселении городского типа, но поменьше, чем *тоси*) и *мура* (деревня). При этом, как правило, в административные границы *тоси* и *мати*, наряду с городскими кварталами, входят сельские поселения, поля, горы. Поэтому, когда говорят *Тэнри-си* — город Тэнри, имеют в виду не только сам город, но и окружающую его, подчас довольно обширную, территорию.

Лет сорок тому назад Тэнри-си еще не значился ни на одной географической карте. И неудивительно: он был образован лишь в 1954 году в результате слияния нескольких *мати* и *мура*, самым крупным из которых был Тамбаити. Это было обычное явление для послевоенной Японии, особенно для 50—60-х годов, когда шел

интенсивный процесс укрупнения существовавших административных единиц и один за другим возникали новые города. Необычным было название города, появившегося на севере равнины Ямато. Как правило, новым городам давали имена, связанные с местными топонимами. Так, Китакусю, объединивший пять крупных промышленных центров Северного Кюсю, заимствовал название этого района. Цукуба, известный своим академическим городком, — от воспетой поэтами древности горы Цукуба. С Тэнри дело обстоит по-иному. В Ямато ни в древности, ни в наше время не было и нет такого топонима. Свое название город получил от религиозного движения *Тэнри кё* — Религии божественной мудрости, которая зародилась в этих краях. В Японии крайне редко населенные пункты получают название по имени находящегося в них центра религиозной организации. Мне известен лишь еще один случай подобного рода — городок Конко в западной Японии, названный так по имени *Конко кё* — Религии золотого света.

Впрочем, для того, чтобы Тэнри назывался именно так, а не иначе, есть все основания. В этом убеждаешься с первых же минут пребывания в городе, у въезда в который вас встречает арка с большими иероглифами *Тэнри кё*. Большая часть городской застройки — это здания, принадлежащие Тэнри кё. Здания эти большей частью однотипные. Их отличительной особенностью являются крытые черепицей крыши, образующие широкие выступы над самими постройками, как это имеет место в архитектуре буддийских храмов. В центре города расположен церковный ансамбль, состоящий из двух зданий — Главного зала и Зала основательницы, которые соединены между собой двумя крытыми галереями, каждая длиной 436 метров. Оба здания, как и соединяющие их галереи, исполнены в традиционном стиле синтоистских культовых построек, а перед Главным залом возвышаются громадные тории, окрашенные в черный цвет. Близ церковного ансамбля расположен административный центр Тэнри кё — обширное железобетонное здание с общей площадью помещений в 53 тысячи квадратных метров. А еще есть принадлежащие Тэнри кё университет, одна из лучших в стране библиотек, прекрасный этнографический музей, научно-исследовательский институт азиатской культуры, средняя общеобразовательная школа, больница, туберкулезный санаторий, научно-исследовательский институт туберкулеза, приют для сирот, спортивные комплексы и многое другое.

Но больше всего среди принадлежащих религиозной организации построек гостиниц. Их насчитывается до полутора сотен, и, как утверждают, одновременно они в состоянии вместить не менее 150 тысяч верующих, совершающих регулярные паломничества к

Главный
храм
Тэнри кё
в день
религиозного
праздника

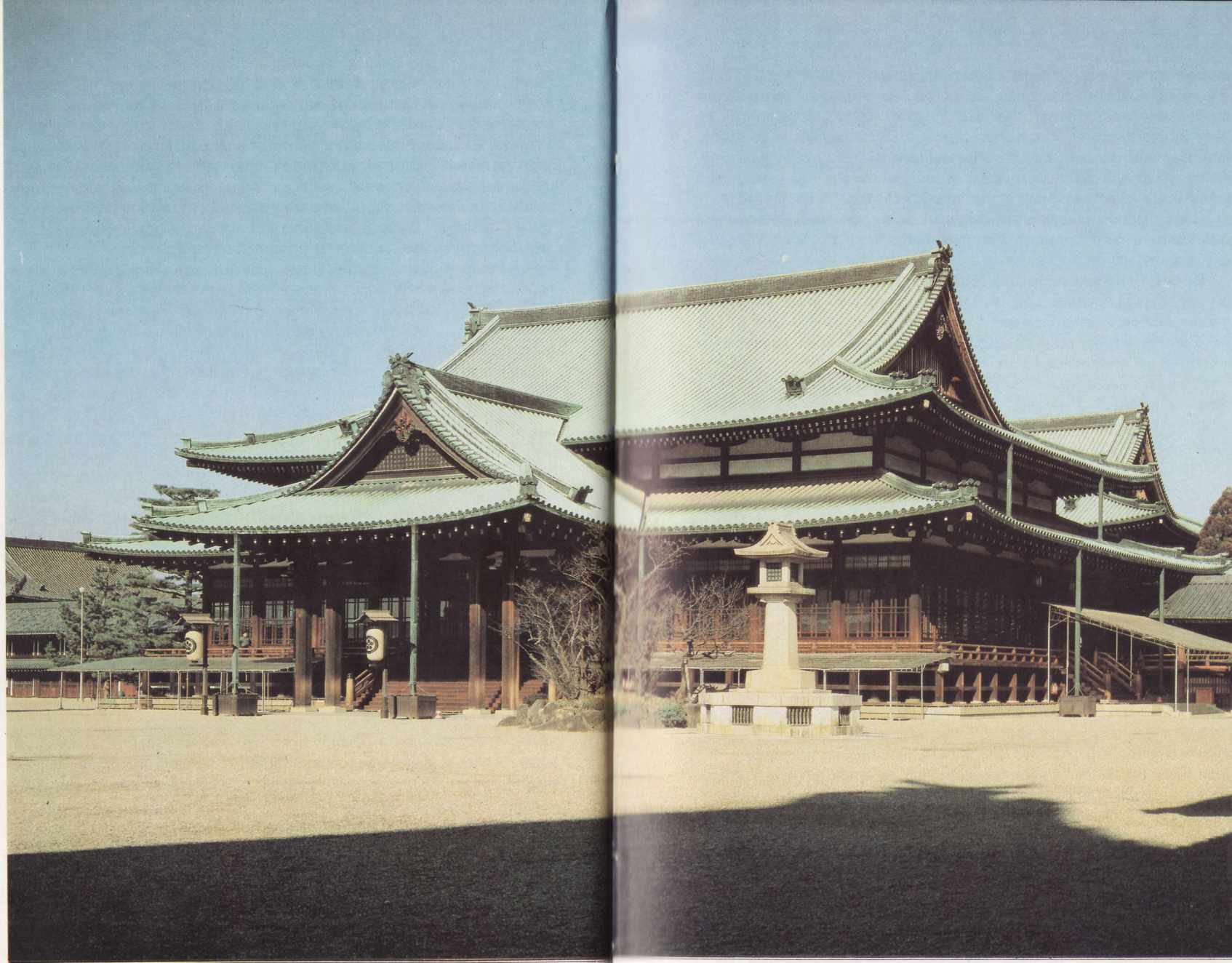
своей святине. Сооружение новых объектов Тэнри кё ведется почти непрерывно и весьма интенсивно. Повсюду на улицах Тэнри вы встречаете мужчин и женщин в одинаковых коротких черных куртках — *хаппи*, на спинах которых белыми иероглифами начертано название религии. В один из приездов в Тэнри мне довелось остановиться в гостевом доме на улице, ведущей к церковному ансамблю. Каждое утро, еще до рассвета, я просыпался от стука тысяч, а может быть, десятков тысяч *гэта* — деревянных сандалий. То верующие спешили к утренней службе.

Всякий, кто побывал в Тэнри, рассказывает о царящей в этом городе особой атмосфере. Здесь абсолютно все связано с Тэнри кё. И связь эта настолько очевидна, что очень быстро начинаешь понимать, что, не будь Тэнри кё, само существование города было бы просто немыслимо.

Тэнри кё — одна из многочисленных новых религий, составляющих сегодня основное течение религиозной жизни Японии. Самые ранние из них появились еще в первой половине XIX века, самые «молодые» — в последние десятилетия. Тэнри кё принадлежит к числу ранних. От иных из тех, что возникли в одну эпоху с Тэнри кё, сохранились лишь названия, их знают немногие специалисты. Другие, пережив периоды интенсивного роста и взлета своей популярности, довольствуются сейчас малозаметным существованием на периферии духовной жизни японского народа. Тэнри кё — исключение. Да, это религиозное движение знало и лучшие времена, когда по праву считалось если не самой мощной, то, во всяком случае, одной из самых влиятельных новых религий. Но даже в наши дни, когда Тэнри кё пришлось значительно потесниться под напором главным образом агрессивных необуддийских движений, особенно активизировавшихся после второй мировой войны, она прочно удерживает место в первой десятке новых религий Японии и владеет сердцами если не двух — двух с половиной миллионов, как утверждает официальная статистика, то уж, во всяком случае, не одной сотни тысяч верующих. Значит, мы имеем дело с таким фактором общественной жизни, который нельзя игнорировать. А потому попробуем разобраться, с чего же, собственно говоря, началось.

Началось же с женщины по имени Мики, родившейся почти два века тому назад близ описываемых нами мест. Ее история — это рассказ о пробуждении Бога в человеке. Наверное, каждому из нас присуще религиозное чувство, дремлющее подчас в самых отдаленных закоулках души. Иной человек проживет всю жизнь,

Святыни основательницы религии Тэнри кё →

так и не узнав Бога, слишком занятый сиюминутными целями, озабоченный потребительскими идеалами, не оставляющими места для духовного. У другого же это чувство вдруг прорывается на поверхность в самые драматические моменты жизни и до конца дней освещает ее осознанием обретенного смысла существования, своего предназначения и нужности людям. А вот как конкретно выражается чувство, зависит не только от того, что заложено в человеке с рождения, что унаследовал он от предков. Решающую роль здесь играют время, в которое живет человек, и обстоятельства, в которые он поставлен.

Время — первая половина XIX века. Порядок, установленный 200 лет назад, когда к власти пришли сёгуны из дома Токугава, внешне кажется неизменным. Сохраняется режим строгой изоляции Японии от остального мира. Система жесткого контроля и мелочной регламентации всех сторон жизни позволяет удерживать народ в повиновении властям. На высшей ступени социальной лестницы — военное сословие, источником благополучия которого служит эксплуатация тех, кто формально стоит лишь на ступеньку ниже, — крестьян, в действительности составляющих самый угнетенный слой населения.

Но жизнь не стоит на месте и вносит свои коррективы в кажущийся неизменным порядок. В городах растет влияние торговцев и ростовщиков, появляются первые мануфактуры. Идет разложение натурального в основе своей крестьянского хозяйства. В процессе расслоения крестьянства выделяются зажиточные собственники и возрастающая масса безземельных и обездоленных, пополняющих ряды городской бедноты. Происходящие изменения порождают острый кризис режима. Ширятся восстания крестьян. Недовольство существующими порядками охватывает практически все слои общества.

Эпоха кризиса порождает и новые явления в сфере религии. Духовенство буддийских храмов, превратившихся при режиме сёгунов Токугава, по существу, в низовые звенья разветвленного полицейского аппарата, все больше теряет влияние на верующих. Но люди не могут без Бога. Взамен того, что отчуждено от них власть предержащими, они неизбежно начинают искать «истинного» Бога, с которым связывают надежды не только на спасение в потустороннем мире, но и на улучшение условий своего существования на этой земле. Само время рождает новых богов и их пророков.

Кто они? Вот два портрета.

1802 год. Бедная крестьянка Кино тяжело больна. Жизнь не баловала ее. С детства почти в течение тридцати лет проработала она служанкой в богатой городской семье. Заработанные с таким

Перед
главным
храмом
Тэири кё

трудом деньги позволяют ей открыть собственную лавчонку в родной деревне, но болезнь свалила ее. Кажется, нет спасения от недуга. И вдруг — о чудо! — Кино исцеляется. А происходит это потому, что бог счастья и удачи Компира спускается с небес и устами Кино начинает вещать истины Будды. Они просты и понятны каждому: все люди равны пред ликом Будды. Они вселяют надежду в сердца обездоленных. Люди идут за Кино. Так рождается *Нэрай кё* — Религия Будды.

1814 год. Страдающий острой формой туберкулёза легких синтоистский священник Куродзуми Мунэтада излечивается, испытывает внезапно «единение» с Аматаэрасу. Он объявляет себя живым богом, тождественным солнечной богине. Всякий, кто почитает ее и во всем полагается на нее, сумеет достичь единения с ней и тем самым сохранит здоровье и добьется успеха в делах, утверждает Куродзуми. Вокруг него сплываются низшие самураи, зажиточные крестьяне, торговцы. Положено начало движению *Куродзуми кё*. Обо всем этом еще не знает Мики. И в силу своего юного возраста (она родилась в 1798 году) да и по той простой причине, что вести о рождении новых божественных истин не выходят за пределы того узкого мирка, в котором живут их пророки. Но Мики предстоит пройти во многом очень похожий путь.

Место действия — уже хорошо знакомая нам равнина Ямато. Издавна ее называли «кухней Японии». Действительно, в описываемую эпоху — это житница страны, представляющая в близлежащие городские центры — Осака и Киото — не только рис, но и некоторые технические культуры, в том числе хлопок, и потому гораздо интенсивнее, чем какой-либо другой сельскохозяйственный район, вовлеченная в круговорот хозяйственных связей. Это значит, что здесь немало крепких зажиточных хозяев. Но значит также и то, что на фоне их относительного благополучия рельефнее выглядит нищета тех, кто лишается своей земли и зарабатывает на жизнь подёнщиной или же обрабатывает карликовых размеров участки, арендованные у богатых.

Пересекающие равнину дороги соединяют ее не только с крупными городскими центрами, но и со святилищем *Исэ дзингу* — обителью прародительницы императоров Аматаэрасу. Поэтому тракт, ведущий в Исэ, всегда оживлен, вдоль него расположено немало постоянных дворов. В одном из них как-то остановился путешествовавший в 1684 году по Ямато великий поэт Басё, сочинивший по этому поводу стихи:

Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!

Трехстишия Басё помещены не только в бесконечно переиздающихся поэтических сборниках. Следуя сложившейся много веков тому назад традиции, японцы считают, что созданное его гением должно быть увековечено в камне. Действительно, камни, на которых выбиты хайку — трехстишия Басё, вы найдете в любом месте, которое великий поэт осчастливил своим посещением. Удостоились этой чести и процитированные выше стихи: они выбиты на камне, установленном в квартале Санмайдэн, километрах в трех к югу от центра Тэнри.

Неподалеку от камня до сих пор сохраняется дом, в котором в 1798 году родилась Мики. Тогда здесь была деревня Санмайдэн, а Маэкава Хансити, отец девочки, считался одним из наиболее состоятельных и уважаемых жителей деревни. О его социальном статусе говорит то обстоятельство, что членам семьи Маэкава было разрешено носить оружие — привилегия, которой, помимо лиц, принадлежащих к военному сословию, удостаивались немногие. О достатке семьи говорит и сам дом, довольно больших размеров, с крышей, крытой черепицей, что в те времена могли позволить себе только зажиточные люди. В доме были слуги, а саму Мики на первых порах воспитывала специально нанятая нянька. Так что у Мики было вполне благополучное детство, она не знала лишений, которые испытывало большинство ее сверстников — детей мелких арендаторов и поденщиков. Когда пришло время, Мики стала посещать *тэракоя* — школу при местном храме, где научилась читать, писать, считать на *соробане* — японских счетах. Кстати сказать, уже в те времена такие школы имелись по всей стране, благодаря чему не меньше 50 процентов населения — а в городах, по всей видимости, гораздо больше — получали начальное образование. Это обстоятельство явилось одним из важных факторов, обусловивших быстрый подъем Японии после революции 1867—1868 годов.

Итак, в доме Маэкава царили достаток и благополучие, а за его стенами текла иная жизнь, полная нужды, лишений, страданий. Мики росла впечатлительным ребенком, с отзывчивым сердцем, и то, что она видела, соприкасаясь с детьми бедняков, не могло не тронуть ее душу, душу маленького человека, который, видимо, уже тогда смутно начинал осознавать очень простую, но, к сожалению, недоступную для многих истину: не может быть островка счастья в мире несчастья, не может быть довольства и радости, если кругом царят нищета и страдания. И она готова поделиться тем, что имела, со своими менее счастливыми сверстниками.

Надо упомянуть еще одно обстоятельство, которое оказало очень большое влияние на формирование личности будущей осно-

вательницы Тэнри кё. Родители ее были ревностными приверженцами культа будды Амида (Амитабхи), который получил необычайно широкое распространение в массах народа начиная с XII—XIII веков. Верили, что многократное повторение имели будды Амида открывает верующему путь к разрыву бесконечной цепи перерождений и возрождению в Чистой земле — этом буддийском раю. Каждое утро и каждый вечер родители Мики опускались на колени перед домашним буддийским алтарем, много раз повторяя сокровенную фразу «Наму Амида буцу!» — «О, будда Амида!» Под их влиянием и сама Мики росла очень набожной, любила посещать храм, знала буддийские гимны почти наизусть. Пожалуй, это было для нее самым большим развлечением. Да и вообще детским играм и забавам она предпочитала занятия домашним хозяйством, шитьё.

В 1810 году, когда Мики шел тринадцатый год, ее выдали замуж в семью Накаяма. Для российского читателя слова «выдать замуж в семью» звучат непривычно, но они точно отражают суть дела. Браки в те времена заключались не по взаимному влечению, а по сговору между родителями брачующихся. Впрочем, такое положение не было редкостью и в относительно недавнее время. А рецидивы взглядов, согласно которым брак заключается не между конкретными юношей и девушкой, а между семьями, сохранились и поныне: как часто и по сей день в пределах синтоистских святилищ, где проводится свадебная церемония, можно увидеть объявления о свадьбе такой-то и такой-то семьи! В описываемую эпоху, да и много позже, невеста входила в семью жениха и поступала в полное распоряжение свекрови. Отныне ее уделом становилось выполнять все ее указания и выполнять функции деторождения в целях продолжения рода.

Биографы Мики утверждают, что девочка не хотела замуж, предпочитая стать монахиней, но противиться воле родителей была не в силах. Она поставила лишь условие, чтобы ей не мешали возносить, как и прежде, хвалу Будде Амида и разрешили посещать храм. Жених Мики Дзэнбэй был старше ее на целых десять лет. Накаяма также принадлежали к числу зажиточных крестьянских семей. По меркам того времени они вообще считались крупными землевладельцами — им принадлежало свыше 10 гектаров пахотных земель и леса. Помимо риса семья занималась выращиванием хлопка, который сбывали осакским торговцам. Все это давало семье хороший доход.

Тихая работающая девочка понравилась родителям Дзэнбэя. С первых же дней пребывания в семье Накаяма она взяла на себя большую часть забот по домашнему хозяйству. А когда ей исполнилось 16 лет, свекр и свекровь охотно передали в ее руки ведение

всех дел вообще. Мики, по существу, стала хозяйкой дома, что, однако, не освобождало ее от черновой работы. Впоследствии она будет вспоминать, что не было в хозяйстве Накаяма такого вида работы, за исключением лишь случаев, в которых требовалась мужская сила, которым она бы не занималась. В деревне все хвалили ее за трудолюбие и вместе с тем обращали внимание на ее необычную набожность. В возрасте 19 лет она удостоилась быть допущенной к церемонии посвящения в категорию приближенных к будде учеников. Чтение молитв, участие в подобного рода церемониях по-прежнему оставались для нее источником самой большой радости.

Шли годы. В возрасте 24 лет Мики родила своего первенца — Сюдзи, который, как мы увидим, сыграл столь важную роль в ее внезапном озарении. Одна за другой родились две дочери. В 1830 году спокойное течение жизни семьи Накаяма было нарушено чрезвычайным событием: всю Японию охватила лихорадка *окагэмаири* — массового паломничества к святилищу Аматаэрасу Исэ дзингу. Паломничества в Исэ дзингу имели давнюю историю. Люди шли к божественной прародительнице императоров, веря, что обращение к ней поможет исцелиться от болезней, избавиться от нищеты. Но с середины XVII века они превратились в грандиозные коллективные движения, которые затем вспыхивали стихийно с промежутками в 50—60 лет. *Окагэмаири*, или *нукэмаири*, как также называли эти паломничества, можно перевести: совершать паломничество благодаря милости божеств Исэ, отрешившись от повседневных забот. Действительно, свое участие в окагэмаири люди рассматривали в первую очередь как средство временного освобождения от социального гнета, повседневных забот, обыденности и монотонности жизни. Массы людей, охваченные радостным возбуждением, устремлялись к Исэ. В окагэмаири 1830 года приняло участие не менее четырех миллионов человек, то есть значительно больше одной десятой тогдашнего населения Японии. Для тех, кто жил по пути следования паломников, начались хлопотные времена. Надо было угощать их горячим чаем, готовить хотя бы самую нехитрую снедь. В зажиточных семьях тратились на это, считая, что лучше отдать что-то добровольно, чем своей скупостью вызвать раздражение возбужденной толпы, от которой неизвестно чего можно было ожидать.

Деревня Сёясики, где проживали Накаяма, находилась как раз на дороге, ведущей в Исэ. Ежедневно мимо дома Мики проходили тысячи людей. В подавляющем большинстве своем то были крестьяне, круглый год привязанные к земле, редко отлучавшиеся за пределы родной деревни. И вот сейчас они шли, радостные и возбу-

жденные, опьяненные неведомым доселе чувством обретенной свободы, порвавшие — пусть временно! — сковывавшие их путы феодальных порядков. Мики, которая сама изо дня в день трудилась не покладая рук в доме или в поле, были понятны радость и возбуждение этих людей. Но, глядя на них, она в то же время с горечью созревала, сколь кратковременна эта радость, которую они уже никогда в жизни не испытают: уляжется лихорадка окагэмаири, люди вернутся в свои деревни, поблекнут воспоминания об этой, может быть, единственной светлой странице в их жизни и они вновь погрузятся во тьму деревенских будней, монотонность которых нарушается лишь стихийными бедствиями, смертями близких, эпидемиями, а хуже всего — голодом.

Голод не заставил себя ждать. Уже 1832 год повсюду выдавался неурожайным. Такими же стали последующие годы. Особенно тяжелая ситуация сложилась в 1835 году: из-за затяжной очень холодной весны и ненормально ранних снегопадов погиб почти весь урожай риса. На следующий год положение не улучшилось. Цены на рис резко подскочили. В Осака ежедневно от голода умирало 50—60 человек, в Киото — еще больше. Толпы голодающих горожан устремились в сельские районы Ямато. То там, то здесь вспыхивали крестьянские восстания. А 1837 год ознаменовался крупнейшим за всю историю Японии голодным бунтом в Осака.

Все эти события не могли пройти мимо семьи Накаяма. Вне сомнения, они подготовили взрыв, который зрел в душе Мики. Ускорило же его личное несчастье. В один из осенних дней 1837 года работавший в поле единственный сын Мики Сюдзи вдруг зашелся в душераздирающем крике: страшная боль пронзила его ногу. Несчастного принесли в дом, был вызван врач, но прописанные им лекарства не помогли. Что было делать? Когда стало ясно, что медицина бессильна, решили обратиться к испытанному средству: пригласить горного отшельника ямабуси из тех, что пользовались репутацией искусных целителей. Напомним, что ко времени, о котором идет речь, ямабуси не столько странствовали в горах, сколько зарабатывали на жизнь, отправляя мистические ритуалы с целью исцеления больных. В этом деле им помогали профессиональные шаманки-прорицательницы *мико*, наделенные способностью, как полагали, вещать гласом божьим. Процедура исцеления выглядела следующим образом. У ложа больного расстилали рогожу, по краям которой ставили столбики с бумажными полосками — *гохэй*, символизировавшими подношения божеству. На оборудованное таким образом место, называвшееся *ками-но дза* (сиденье бога) усаживали *мико*. Ямабуси разжигал священный огонь и творил заклинания, сопровождаемые ритуальными тело-

движениями с целью довести *мико* до состояния *камигакари* (одержимости божеством), когда, впадая в транс, она начинала вещать голосом вселившегося в нее бога или духа. Выяснив, кто именно вселился в *мико*, ямабуси в соответствии с этим творил новые заклинания, призванные использовать могущество вселившегося в *мико* божества для исцеления больного. Процедура стоила немалые деньги. В ряде случаев она проводилась в присутствии большого числа родственников и соседей, которым после ее окончания надлежало выставлять обильное угощение, и тогда расходы возрастали многократно.

По меньшей мере восемь раз приходил ямабуси с *мико* в дом Накаяма. После каждого «сеанса» боли у Сюдзи прекращались, но через некоторое время возобновлялись с новой силой. Мики была в отчаянии. Всю свою бедную радостями жизнь она посвятила дому, семье. Все надежды возлагала она на единственного сына, которому предстояло унаследовать все, чем владели Накаяма. И вот эти надежды под угрозой. Умрет ли Сюдзи или станет немощным инвалидом, зачем нужны принесенные ею жертвы, зачем нужен был тот поистине каторжный труд, на который она обрекла себя? Еще недавно такая деятельная, полная сил и энергии, женщина старела буквально на глазах, временами впадала в истерическое состояние, работа валилась у нее из рук.

Наступило 23 октября 1838 года. Прошел ровно год с того несчастного дня, когда Сюдзи поразил непонятный недуг. Решено было предпринять еще одну попытку исцелить его с помощью таинственных заклинаний. Но случилось так, что *мико*, с которой ямабуси работал в тандеме, не смогла прийти. И тогда ямабуси предложил Мики занять ее место на «сиденье Бога». По мере того как он творил свои заклинания, Мики охватывала все более сильная дрожь, она стала делать непроизвольные движения, временами рвала бумажные полоски *гохэй*, лицо ее искажилось, и, когда ямабуси обратился с вопросом о том, кто вселился в нее, она ответила незнакомым голосом: «Я — изначальный и истинный бог. Имея предопределение к этому дому, я спустился с небес, чтобы спасти всех людей. Я хочу получить Мики как обитель Бога и посредника между Богом и людьми». Как повествуется в биографиях Мики, испуганный Дзэнбэй смиренно попросил бога оставить тело Мики, матери четырёх детей, нуждающихся в ее заботе. Но бог был неумолим и даже угрожал уничтожить всю семью, если его желание остаться в теле Мики не будет удовлетворено. И к концу третьего дня этого пугающего транса, в котором продолжала оставаться

Тэри во время религиозного праздника →

Мики, не беря в рот ни крошки, не выпив ни капли воды, собравшиеся вокруг решили принять волю божества. Только тогда Мики пришла в себя и одновременно несчастный Сюдзи почувствовал себя лучше. Это случилось 26 октября 1838 года, и этот день считается днем основания *Тэнри кё*.

Я не случайно столь подробно воспроизвел описание внезапного озарения Мики, почерпнутое из известных мне биографий основательницы. Мне запомнились слова Стефана Цвейга, сказанные по поводу основательницы другой религии, жившей в другой стране и в другое время. «Наиболее таинственный миг у человека — осознание личной своей идеи, наиболее таинственный у человечества — зарождение религии». 26 октября 1838 года родилась новая вера, и мне хотелось хотя бы приблизиться к разгадке тайны ее рождения.

Правда, до того времени, когда за истиной, провозглашенной Мики, пойдут сотни тысяч людей, оставалось еще много лет. Да, собственно говоря, и истины пока никакой не было провозглашено. Это случится гораздо позже и не за один раз. А пока перед нами — несчастная женщина с издерганными нервами, расстроенной психикой, временами порывающаяся покончить с собой, бросившись в пруд или колодец, и лишь голос вселившегося в тело Мики Бога удерживает ее от последнего шага. Этот же голос постоянно требует, чтобы она раздала бедным все, что имеет. Склонность к благотворительности всегда была отличительной чертой Мики, но сейчас стремление облагодетельствовать обездоленных толкает ее на поступки, не постижимые для понимания окружающих: она раздает все, что попадает под руку, готова расстаться с домашней утварью, с полученными в приданое вещами, очистить амбар от запасов риса и других продуктов. Ссылаясь на волю Бога, она требует от мужа, чтобы тот разрушил их собственный дом. Навязчивая идея владеет ею: надо опуститься на самое дно нищеты, ибо не испытавший бедности не в состоянии понять тяготы неимущих, а значит, помочь им. Но именно в этом видит сейчас Мики свою миссию.

Смерть мужа в 1853 году устраняет последнее препятствие на пути этой неодолимой страсти к саморазорению. Наконец Мики полностью свободна поступать в соответствии с волей Бога. Вызванные ею рабочие довершают разрушение некогда большого и богатого дома. Охваченная какой-то сатанинской радостью, она устраивает по этому поводу пиршество, угощая и развлекаая разрушителей с невиданной доселе щедростью. Теперь вместе с Сюдзи и младшей дочерью Кокан она поселяется в крохотной двухкомнатной хибаре. Это жалкое подобие дома да еще клочок земли — вот

и все, что осталось от некогда процветавшего хозяйства. Родные и близкие, еще недавно выражавшие сочувствие Мики, сейчас всячески осуждают ее. Отнюдь не Бог, а, скорее всего, лиса или барсук — носители злых сил — вселились в тело женщины и лишили ее разума, утверждают они. Люди отдаляются от Мики, и постепенно вокруг нее образуется пустота.

Но сама Мики не чувствует себя несчастной. Эти годы нужды и лишений наполнены лихорадочной работой ума, стремящегося осознать истины, которые вещает ей глас Божий. Уже ясно Его имя — *Тэнри О-но микото* — Господь божественной мудрости. Уже делаются первые шаги для того, чтобы это имя стало известно людям. Кокан, остающаяся все эти годы верной помощницей матери, регулярно отправляется пешком в Осака, чтобы на перекрестках многолюдного города возгласить: «Наму, Тэнри О-но микото!» Но как добиться, чтобы люди поверили новым истинам? Очевидно, надо продемонстрировать их действенность, их практическую пользу. Конечно, Мики не изучала историю религии Японии, из которой она смогла бы сделать вывод, что во все времена в этой стране могла рассчитывать на успех лишь проповедь вероучения, которое сулило людям земные блага. Но к такому выводу ее толкала сама жизнь, религиозная практика многих поколений японцев с их подходом к вере прежде всего как к источнику земных благ. И Мики идет по пути, который уже прошли провозвестники новых истин до нее, а в будущем пройдут и многие другие. Оказывается, она наделена способностью заговорами обезболить роды, исцелять людей от различных недугов. Постепенно за ней закрепляется репутация искусной целительницы. И каждой женщине, благополучно разрешившейся родами, каждому, излечившемуся от болезни, Мики говорит, что таким счастливым исходом они обязаны чудотворным силам Тэнри О-но микото — Господа божественной мудрости. Исцеленный с радостью готов поверить в этого замечательного Бога. Так, шаг за шагом создается база новой религии. Наступает время, когда Мики может наконец сказать людям все, что хотел бы донести до них вселившийся в ее тело Господь.

А время это — одно из самых драматических в японской истории. Терпит крах режим сёгунов Токугава, свыше двух с половиной веков державший страну в тисках феодальных порядков. С его падением массы людей, и прежде всего крестьянство, связывают надежды на улучшение своей доли. Все вокруг проникнуто атмосферой ожидания перемен к лучшему. Но новые правители Японии озабочены мыслью о том, как в возможно короткие сроки превратить страну в сильную в военном и экономическом отношении державу. Все подчинено этой цели. А значит, народу придется

потерпеть: сильная армия важнее сытых желудков. Чтобы подданные согласились терпеть, им следует внушить идею, которая оправдывала переносимые ими лишения, дисциплинировала и мобилизовывала бы их на свершения во имя поставленной цели. И такая идея уже есть — это идея сыновней преданности императору, чья власть освящена его божественным происхождением, это концепция «уникальной японской национальной сущности», апологетика Японии как «страны богов». Она, эта идея, составляет основу внедряемого властями официального культа, получившего впоследствии название государственного синто. В ней нет места для личности, она предоставляет человеку единственное право (оно же и обязанность!) — быть верным подданным обожаемого императора, а если потребуется, то и умереть за него.

Чему же учила в это время Мики? Господь божественной мудрости (часто она называет его *Оягами* — Бог-отец) сотворил человека из моря грязи. Мир создан ради человека, дабы тот жил в радости и веселии. «Я создал людей потому, что хотел видеть их радостную жизнь, — вещает устами Мики Бог-отец. — Все человечество для меня — мои дети. Все люди должны смотреть на меня как на родителя своего... В этом мире нет чужих вам — все всем братья и сестры». Но если это так, значит, все люди равны и все они в равной мере имеют право на счастье. Идея всеобщего равенства, пусть еще не столь четко выраженная, пусть еще очень смутно, но уже видится в проповеди Мики. Она находит свое проявление и тогда, когда Мики заводит разговор о семье. Основой благополучия семьи она провозглашает добрые отношения между супругами и тем самым бросает вызов насаждавшейся веками конфуцианской семейной морали с ее принципом сыновней почтительности, беспрекословного подчинения младших старшим, жены — мужу и свекрови. Обращаясь с молитвами к Богу-отцу, утверждает Мики, и отдавая ему безвозмездно свой труд, человек открывает путь к жизни, полной радости. А когда люди последуют истине Бога-отца, вечное счастье станет уделом всех и на земле воцарится рай без болезней, без страданий, без принуждения.

Как разительно отличается проповедь Мики от того, что внушают людям апологеты нового государственного культа! Там все подчинено задаче построения сильного государства, для которого личность не имеет самостоятельной ценности, а рассматривается не более как строительный материал в этом процессе. Здесь же в центре внимания — человек с его земными заботами, радостями и печальми. Вероучение, провозглашенное Мики, совершенно четко ориентировано на отдельную человеческую личность. И в этом его коренное отличие не только от насаждаемого властями государ-

ственного культа, но и от синто в целом, представляющего общинную религию, и от официального буддизма, освящающего традиционную семейную систему, в рамках которой личность — ничто. В проповеди Мики вырисовывается образ человека, пытающегося вырваться из жестоких рамок традиционной системы ценностей, утвердить свое право стать личностью.

Нетрудно представить себе, какой притягательной силой обладает эта проповедь. Мики, познавшая на себе все тяготы существования простого человека, остро ощущает атмосферу ожидания лучшей жизни, столь характерную для низов в канун и первые годы после краха режима сёгунов Токугава. Вновь, как и в дни памятного ей *окагэмаири* 1830 года, толпы людей, возбужденные слухами о том, что с небес упали талисманы святилища Аматаэрасу, заполняют дороги страны. Люди пускаются в экстатические танцы, распевают куплеты, оканчивающиеся словами «Ээ, дзянай ка?!» (Не будет ли так лучше?!). Лозунг *ё наоси* (исправления жизни) становится одним из самых популярных лозунгов выступлений крестьянства и городских низов. И Мики пытается дать ориентир движению к лучшей жизни. Этот ориентир — вера в изобретенного ею Бога, следуя которой люди сумеют построить идеальное общество.

Утопия? Безусловно. Но для тысяч современников Мики ее идеи отнюдь не кажутся утопией, они воспринимаются как путеводная звезда к грядущему счастливому миру. Теперь за Мики идут не только жаждущие благополучно разрешиться родами или исцелиться от болезней. Из знахарки и заклинательницы, каких немало было в те времена в сельской Японии, она превращается в основательницу и признанного руководителя массового движения, участники которого на пути веры стремятся обрести не только личное спасение, но и социальную справедливость. В ряды движения вливаются мелкие землевладельцы, сельская беднота, мелкие и средние торговцы, ремесленники. Каждый из них ждет «ё наоси». И своей проповедью Мики вселяет надежду в их сердца.

Но слишком разителен контраст между ее проповедью и целями и задачами утверждающегося на развалинах токугавского сёгуната монархического буржуазно-помещичьего государства. И государство обрушивается на Тэнри кё всей мощью своей карательной машины. Власти запрещают отправление ритуалов новой религии, разгоняют собрания верующих, конфискуют обрядовые атрибуты, священные символы Тэнри кё. Главным объектом гонений становится сама основательница. Ее неоднократно вызывают на допросы, распускают слухи, что она одержима злым духом. Аресты Мики, ее сына Сюдзи, других руководителей движения следуют один за другим. Саму Мики арестовывали не менее 18 раз.

Часто ее содержали в холодных неотапливаемых помещениях полицейских участков целыми днями и даже неделями на голодном пайке. Во время одного из таких арестов умерла дочь Мики Кокан, всегда остававшаяся верной помощницей матери. Но к чести этой старой женщины, не отличавшейся блестящим здоровьем, надо сказать, что она ни на шаг не отступила от своих убеждений, мужественно отстаивала свои взгляды вплоть до самой смерти, последовавшей в январе 1887 года. И как бы тяжело ей ни было, Мики не шла ни на какие компромиссы с властью предержащими, предвещая их падение и возвышение обездоленных, постоянно проповедуя мысль о приоритете своей веры перед любой политической властью. И чем ожесточеннее становились гонения, тем тверже становится ее вера.

Преемники Мики оказались куда менее последовательными и бескомпромиссными в отношении своих убеждений. Да и вправе ли мы осуждать их? Слишком тяжелым был пресс всемогущей государственной машины, грозившей раздавить любого, кто осмеливался вступить в противоречие с ней. И последователи Мики во имя сохранения созданной ею организации вынуждены были отступать шаг за шагом, отказываясь от открытой проповеди тех положений вероучения основательницы, которые были абсолютно неприемлемы для власти предержащих. Из догматики Тэнри кё был изъят космогонический миф, находившийся в полном противоречии с государственным мифом о божественном происхождении императорской династии. Многие другие были приглушены. Это открыло путь для официального признания Тэнри кё в рамках существовавшей тогда системы религиозных организаций. А в канун войны на Тихом океане, когда милитаристская клика задушила последние проявления несогласия с проводимым ею политическим курсом, лидеры Тэнри кё вынуждены были пойти на коренной пересмотр своих догм, включив в них совершенно чуждые взглядам основательницы положения государственного синто, как-то: почитание всего сомна синтоистских божеств во главе с Аматаэрасу, почитание императора как живого Бога, патриотизм, понимавшийся как восхваление Японии в качестве «страны богов» и признание за ней «священной» миссии руководить другими народами Азии.

Поражение милитаристской клики во второй мировой войне очистило общественную жизнь страны от всей этой шовинистической шелухи и великодержавного бреда, привело к установлению, наряду с другими демократическими свободами, подлинной свободы совести, позволив каждому религиозному движению свободно проповедовать свое вероучение. Тэнри кё, руководству которой, благодаря тактике многолетних компромиссов с властями,

удалось сохранить свою организацию, сумела в первые послевоенные годы выдвинуться в число наиболее мощных религиозных движений. Вероучение Тэнри кё было восстановлено в форме, близкой к идеалам основательницы. Каноническими текстами были объявлены написанные самой Мики «Микагура ута» («Песня священного танца») и «Офудэсаки» («На кончике кисти»), а также составленные ее преемником Ибури в начале XX века «Осасидзу» («Божественные указания»). Что же предлагает современному японцу эта новая религия, которую сегодня называть «новой» можно лишь условно, с определенными оговорками, исходя главным образом из общепринятой классификации японских религиозных групп и организаций?

Одним из главных положений догматики Тэнри кё является *касимоно-каримоно* — «отданное займы, полученное займы». Все, что человек имеет, включая его тело, не принадлежит ему, а получено займы от Бога-отца. Если человек сознает это и во всем полагается на Бога-отца, его сопровождают счастье и удачи. В противном случае его ждут беды. Если человек, заблуждаясь, полагает, что его тело принадлежит ему, это значит, что душа его покрыта пылью. Этим термином обозначаются все отрицательные свойства людей: жадность, ненависть, зависть, невежество, гнев и другие. От пыли, оседавшей на душу, избавляются так же, как от пыли, покрывающей мебель: ее просто сметают. Только метлой в данном случае является сам Бог-отец, к которому надлежит обратиться с молитвой. Она сопровождается различными обрядами, среда которых наибольшей известностью пользуется *тэ-одори* — танец рук: верующие движениями рук имитируют смахивание пыли, возглашая при этом: «Смети все зло и спаси нас, о Бог-отец, Тэнри О-но микото!»

Избавление от греховной пыли достигается также посредством *хинокисин* — безвозмездного труда верующих для Бога-отца в знак признательности за его благодеяния. Даже в Токио мне неоднократно доводилось наблюдать людей в знакомых черных куртках, занятых уборкой парков и других общественных мест. Но главное приложение безвозмездного труда — это сооружение культовых и других построек Тэнри кё, подготовка и проведение массовых мероприятий. Как ни трудно в это поверить, но факт остается фактом — практически весь громадный культовый комплекс Тэнри кё построен за счет хинокисин.

Обращаясь с молитвами к Богу-отцу и отдавая ему безвозмездно свой труд, человек открывает путь к *ёкигураси* — жизни, полной радостей. Но радость, обретенная одним человеком, ни в коем случае не должна становиться причиной страданий для других.

«Когда вы делите радость свою с другими, только тогда вы можете назвать эту радость истинной, но, если вашей радостью вы приносите скорбь другим людям, вы не можете назвать эту радость истинной, — сказано в «Божественных указаниях». И далее: «Эгоизм может быть сладок для каждого из вас в отдельности, но он не может принести в этот мир гармонию для всех».

Но человек не должен удовлетворяться тем, что добился жизни, полной радости, для самого себя и что обретенная им радость не ущемляет других. До тех пор, пока пыль покрывает души других людей, неизбежны войны, страдания, социальные неурядицы. А посему следует стремиться, чтобы все люди стали на истинный путь. Поэтому каждый приверженец Тэнри кё должен действовать с миссионерским рвением, обращая других людей в свою веру. Каждый должен стать миссионером или, по терминологии Тэнри кё, *ёбоку* (дословно: «необходимый для стройки материал»). Этот термин призван отразить ту мысль, что человек, стремящийся к спасению других людей, служит самым необходимым материалом для построения жизни, полной радости. Кстати, в лексике Тэнри кё немало таких «строительных» терминов. Так, главу религии называют *синбасира* (опорный столб японского дома), жизнь основательницы — *хинагата* (сделанная из глины модель дома) и т. п. Когда мир наконец полностью будет очищен от пыли, вечное счастье станет уделом всех на земле. «И лишь тогда, когда все люди смогут слить свои души в одну перед истиной учения Его (Бога-отца. — Г. С.), когда они вместе работают, помогая друг другу, лишь тогда они могут жить радостно, с приподнятым духом. Тем самым осуществится перестройка жизни, которая станет жизнью, полной радости». Прекратятся все страдания, каждый человек будет жить до 115 лет и умрет в этом возрасте, но лишь для того, чтобы тут же возвратиться на землю в виде новорожденного младенца, который проживет те же счастливые 115 лет, и этот круговорот счастья будет длиться вечно.

Да, Мики создавала свое вероучение не на пустом месте. Материал для него она активно заимствовала из арсенала синто (в ее космогоническом мифе действуют те же божества, что и в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки»), буддизма (идея перерождения) и, по всей видимости, из христианства, хотя и в не такой степени, как склонны полагать некоторые западные теологи. Но эти заимствования делали создаваемую ею догму только доступнее для понимания широкого круга людей.

Сохранила ли Тэнри кё сегодня способность привлекать сердца людей? Да, конечно, Тэнри кё уже давно утратила черты движения низов, стремившихся к социальному освобождению на путях веры.

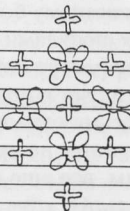
В обстановке, когда Япония превратилась в одну из самых процветающих стран мира, когда медицинское обслуживание, сколь бы дорого оно ни стоило, стало доступно подавляющему большинству населения, вряд ли можно привлечь многих посулами исцеления посредством веры. Сегодня ряды Тэнри кё не растут как прежде и основную массу верующих составляют дети, внуки и правнуки тех, кто примкнул к движению в иные, подчас весьма отдаленные времена. Тем не менее и в наши дни Тэнри кё остается не просто религиозной организацией, а массовым движением, все еще способным привлекать к себе души людей. Чтобы убедиться в этом, надо посетить Тэнри в один из трех главных праздников религии: день ее основания (26 октября), день «вознесения» основательницы (26 января) и день ее рождения (18 апреля). В эти дни сотни тысяч людей, прибывших со всех концов страны, заполняют улицы города и особенно площадь перед Оясато. Этот огромный церковный ансамбль, состоящий из двух зданий — Главного зала и Зала основательницы, которые соединены между собой двумя галереями, каждая длиной 436 метров, в такие дни не в состоянии одновременно вместить и сотой доли всех паломников. А толпы их все текут, сменяя одна другую, через гигантские тории перед Главным залом, выполненным в традиционном стиле синтоистских построек. Проходят годы, и ничего не меняется — приток паломников не становится меньше. Посещение Тэнри называется «возвращением в обитель Бога-отца, творца человечества», и каждый верующий считает необходимым совершить такое «возвращение» не менее девяти раз за свою жизнь.

Никакой научно-технический прогресс, никакое материальное изобилие не в состоянии погасить в людях тягу к духовному. Наоборот, чем выше темп жизни, чем насыщенней становится она достижениями науки и техники, тем сильнее эта тяга. Оно и понятно: мир с его жестокой конкуренцией, обнаженным до предела практицизмом, погоней за коммерческой прибылью ничего не дает душе. Душе нужна вера. А она у каждого своя. И нет ничего удивительного, что какая-то часть общества остается верна заветам Мики, жившей в иное время и в иной общественной среде, но проповедовавшей идеалы, которые дороги людям всех эпох, — идеалы братской любви, помощи ближнему, построения «жизни, полной радости».

Тэнри кё предостит долгая жизнь, поскольку она воплощает в себе все наиболее характерные для новых религий Японии черты, определяющие их способность к выживанию, приспособлению к меняющейся обстановке. Быть может, уступая некоторым модным движениям в размахе миссионерской деятельности, Религия божественной мудрости занимает особое место в истории такого сложного феномена, как новые религии Японии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда в поездках по Нара я знакомился с творениями зодчих и ваятелей далекого прошлого, меня не покидало странное чувство. Буддийские храмы и синтоистские святилища, изображения будд и бодхисаттв не воспринимались как памятники ушедших веков, пусть очень интересные, восхищающие подчас своими высокими художественными достоинствами, но все-таки памятники. Нет, ощущение было иным: увиденное казалось естественно вписанным в современную жизнь, ее составной частью. И так повсюду в Японии, даже в больших городах с их ультрасовременными небоскребами, буйством коммерческой рекламы, скоростными дорогами, мчащимися по ним потоками автомобилей новейших марок. Храм, история которого насчитывает не одну сотню лет, придорожное каменное изваяние, шествие с паланкином во время праздника — *мацури* или представление на открытых подмостках, а иногда и при свете костров сцен театра Но — все это смотрится не как проявление чего-то экзотического, а как естественная неотъемлемая часть жизни современного японца. У иностранца, прожившего в Японии достаточно долго, не повернется язык сказать, что здесь, мол, старое соседствует с новым, не возникает намерения противопоставить одно другому.

Также неразрывны в Японии прошлое и настоящее, между ними нет резких переходов, нет раздражающих противопоставлений.

В глазах японца древний храм — это не только и не столько архитектурный памятник, сколько объект культа. Никто не станет отрицать, что Хорюдзи, Тодайдзи и многие другие старые храмы живут главным образом за счет туризма. Но столь же верно и то, что у большинства людей посещение их вызывает подлинно религиозное чувство. То же самое относится и к скульптуре. Сколько раз мне приходилось наблюдать на выставках, проводившихся в больших универмагах или музейных залах, как посетители задерживались перед буддийскими изображениями, чтобы постоять со сложенными в молитве ладонями и положить на постамент несколько монеток. В этой, казалось бы, светской обстановке они вели себя точно так же, как поступили бы, войдя в храм. Невольно думается: живая вера позволяет поддерживать жизнь в этих храмах и статуях, созданных талантом мастера и его верой. Искусство, рожденное верой, не утрачивает своих истоков. И это мудро, ведь, разъяв целое организма на части, мы умерщвляем его.

Сохранение функциональной значимости культурных памятников не случайно, оно свидетельствует об особом, присущем японцам отношении к своей истории. Даже события глубокой древности японец воспринимает как свою личную историю. Связь времен ощущается здесь куда сильнее, чем на Западе, не говоря уже о нашей стране, где в силу известных обстоятельств она оказалась нарушенной. И решающую роль в этом играет культ предков, занимающий доминирующее место в синто и в большинстве влиятельных новых религиозных течений. Это хорошо понял Левкадио Хёрн. «Хотя за последние две тысячи лет, — писал он, — японский культ предков претерпел большие изменения, они не трансформировали существо его характера... и весь каркас общества покоится на нем как на моральном фундаменте». Хёрн был убежден, что «почти все в японском обществе прямо или косвенно происходит от этого культа предков».

Конечно, за девять десятилетий, прошедших со времени, когда были написаны эти строки, в Японии произошли грандиозные изменения, но меньше всего они коснулись культа предков, по-прежнему занимающего важное место в духовной жизни японцев. Благодаря порожденным им представлениям существует цепочка, незримо связывающая ныне живущих с ушедшими в небытие поколениями.

Вот почему японцы придают повышенное значение обрядности, связанной с поминанием. Человек может быть равнодушным к религии, редко посещать храм или святилище, абсолютно не интересоваться религиозной литературой, но посещение могил родных и близких, особенно в установленные обычаями дни, совпадающие с

весенним и осенним равноденствиями, для него обязательно. А в дни праздника о-бон, когда принято поминать всех предков семьи, большие города внезапно пустеют, кажется, вся страна срывается с места, каждый возвращается хотя бы на день-два туда, где родился сам или родились его родители, чтобы почтить родные могилы. И никакие срочные дела, никакие повседневные заботы не в состоянии остановить людей. В этом всеяпонском исходе как бы фокусируется высшее религиозное чувство нации, которую многие иностранные исследователи считают индифферентной к религии.

Бросая сейчас взгляд на историю наших отношений с Японией в послевоенные десятилетия, должен признать, что у нас далеко не всегда должным образом учитывали эту важнейшую черту национального характера японцев. Не секрет, что многие наши чиновники подозрительно относились к настойчивости, с которой японцы ставили вопрос о регулярных посещениях бывшими жителями южных островов Курильской гряды захоронений их предков. Рассуждали так: японской стороне нужны эти поездки для раздувания кампании территориальных притязаний к Советскому Союзу. То, что определенные силы использовали их в указанных целях, не вызывает сомнения. Но верно и то, что ограничения поездок, отказ в разрешении на них каждый раз оставляли в сердцах бывших жителей островов долго не заживающую рану, горестное недоумение и усиливали недоверие к нам.

В том, насколько прочна связь между живущими и прошлыми поколениями, приходилось убеждаться не раз. Она, эта связь, делает живой саму историю. К древним мифам своей страны японцы относятся не так, как, например, мы относимся к сказаниям о наших былинных богатырях. Для нас это лишь напоминание о туманном прошлом, материал для изучения культуры далекой эпохи, короче — памятник. Для японца же древние мифы не столько памятник, сколько история его собственной жизни: она началась с появлением его далеких предков и продолжается в нем самом. Поэтому между нынешним и прошлыми поколениями нет непреодолимой пропасти, они как бы живут общей жизнью.

Вот почему в Японии невозможен такой подход к истории, когда каждая последующая эпоха зачеркивала бы предыдущую или, в соответствии с этим, деятели, отстаивавшие ценности ушедшей эпохи, изображались бы только в черном цвете, а их оппоненты — только в розовом. Это справедливо и для самых драматических, переломных моментов, которых в истории Японии немало.

События 1867—1868 годов знаменовали крах феодального режима сёгунов Токугава, открыли путь реформам, обусловившим

переход страны на путь капиталистического развития. То были бурные годы, отмеченные столкновениями между сторонниками сёгунов и их противниками. Одни заслуживают, чтобы их характеризовали как консерваторов. Других можно назвать прогрессистами, но народная память не делает такого различия между ними, вообще не делает различия между личностями в зависимости от принадлежности к одному из противоборствовавших лагерей. Чтобы человека помнили, чтобы он стал объектом сочувствия или поклонения, он должен быть кем-то, сделать нечто, достойное воспоминания.

Кэйки, последний сёгун из династии Токугава, длительное время сопротивлялся преобразованиям, но его могила на кладбище Янака в Токио содержится в образцовом порядке и по сей день привлекает людей, приходящих сюда отдать дань уважения этому государственному деятелю. Отстраненный от управления страной, Кэйки занялся фотографией, добился на этом поприще успехов — факт, который не станет игнорировать ни один историк отечественной фотографии. Сайго Такамори, один из выдающихся участников событий 1867—1868 годов, остается в числе наиболее популярных и любимых японцами исторических персонажей, несмотря на то, что в 1877 году он поднял мятеж против законного правительства. Кита Икки был одним из вдохновителей и идеологов военного путча 26 февраля 1936 года, за что понес заслуженное наказание. Но личность его продолжает привлекать повышенное внимание историков и литераторов. О нем пишут книги, ставят пьесы, пытаются разобраться в движениях души этого далеко не ординарного человека.

Если даже столь противоречивые личности удостоились уважительной памяти народа, то что говорить о людях, последовательно вносивших свой вклад в дело социального прогресса, благосостояния своей страны, своего края, своего города. Мне вспоминается небольшой парк, примыкающий к синтоистскому святилищу Хакусан в городе Ниигата. В нем полно памятных камней, установленных в честь строителей, врачей, просветителей, предпринимателей, каждый из которых оставил след в истории города. Переходя от камня к камню, вы словно листаете страницы этой истории, которая оживает, наполняясь разными, непохожими друг на друга человеческими судьбами. А ведь подобные камни — это отнюдь не специфическое ниигатское явление: ими буквально усыяна земля японских городов и весей.

Сказанное об истории в равной мере относится и к культуре. Подобно тому как в народном сознании каждая последующая эпоха не зачеркивает предыдущую, а естественно вырастает из нее,

служа ее продолжением, так и японская культура развивается на путях приращения нового к старому и в конечном счете их органического слияния. Это процесс бесконечного накопления, в котором вновь приобретенное никогда не отвергает того, что уже наработано. Вспомним: буддизм, даосизм и конфуцианство, придя в Японию, не отрицали местные культуры, но стали сосуществовать с ними. Более того, внедрение заимствованных учений в народную жизнь стало возможным благодаря тому, что они не только преобразовывали местные культуры, но и преобразовывались сами под их воздействием. То был процесс активного взаимовлияния, результатом которого становилось каждый раз появление нового качества за счет обогащения национального заимствованным и наоборот. Знакомясь с культурным наследием Нара, мы убеждались, как элементы китайской культуры трансформировались на японской почве, превращаясь в культурное достояние самой Японии. Последнее очень важно: даже говоря о скульптуре и храмовой архитектуре VII—VIII веков, мы имеем все основания утверждать, что речь идет именно о японской скульптуре и архитектуре, сколь бы сильно ни чувствовалось еще в этих сферах китайское влияние.

Поэтому столь же справедливо и мнение о том, что важнейшей чертой японской культуры на всех этапах ее развития являлась преемственность. Попытки порвать с прошлым, провести четкую грань между ним и настоящим, конечно же, имели место не раз, но, как правило, они были непродуктивными. Когда разговор заходит на эту тему, я неизменно вспоминаю японцев, которые в последней четверти XIX века получили художественное образование в Париже. Среди них были замечательные мастера. Достаточно назвать хотя бы Курода Сэйки. Иные из них профессионально не уступали своим учителям, но они не воспринимаются как японские художники. Их картины маслом даже на японскую тематику можно приписать кисти европейских живописцев, если не знать, кем они выполнены. С другой стороны, предпринятые примерно в это же время попытки возродить традиционно японский стиль живописи, сложившийся еще до соприкосновения Японии с Западом, давали сколько-нибудь значительные результаты лишь в случаях, когда в традиционных формах и традиционной техникой стремились выразить дух новой эпохи, что само по себе заставляло постепенно менять и саму форму. Об этом убедительно свидетельствуют картины в японском стиле («нихонга») в отеле «Нара»: сколь бы традиционны ни были их тематика, материал, техника, это уже произведения новой эпохи и лучшие из них не назовешь эпигонскими. И конечно, самым плодотворным оказался путь, который привел к

органическому сплаву национального и заимствованного, что нашло одно из высших своих проявлений в работах выдающегося художника нашего столетия Хигасияма Кайя.

Здесь хотелось бы вновь вернуться к теме, не раз затрагивавшейся на страницах этой книги, а именно, к выработанной японцами модели взаимодействия с тем, что приходило к ним извне. Мы уже достаточно писали об этой модели, акцентируя внимание на способности японцев, заимствуя, оставаться в то же время самими собой, на географических, исторических и других факторах, которые способствовали выработке этой модели. В разные эпохи результат такого взаимодействия характеризовался по-разному. В средние века бытовал термин *вакон кансай* (японская душа, китайская мудрость). После событий 1867—1868 годов одно время был очень популярен тезис *вакон ёсай* (японская душа, западные знания). Уступая соблазну продлить этот ряд, я бы в применении к первым послевоенным десятилетиям, характеризовавшимся исключительно сильным американским влиянием во всех областях жизни, предложил формулу *вакон бэйсай* (японская душа, американские знания).

Как видите, меняется лишь второй компонент рассматриваемого ряда, а первый остается постоянным. Это «японская душа», то есть то, что лежит в основе мироощущения японца, что заставляет его чувствовать себя японцем, — передающийся из поколения в поколение комплекс представлений о неразрывной связи со своими предками и через них — с землей, их породившей. Все может меняться, но только не эта «японская душа», без которой немислима и сама нация.

В свете сказанного становится возможным дать ответ на вопрос, который нередко задают иностранцы: почему японцы оказались столь неподатливы христианской идеологии? Почему в данном случае не сработала выработанная ими модель взаимодействия с приходящим извне? Почему они не восприняли христианство, приспособив его к своим духовным ценностям? Да потому, что идеи христианства несовместимы с этими ценностями. Приверженность единому Богу христиан несовместима с почитанием божеств-духов своей земли.

Христианство, особенно в период первого своего пришествия на Японские острова в XVI—XVII веках, плохо совмещалось с традиционными ценностями, что хорошо поняли тогдашние руководители Японии, стремившиеся к объединению страны и созданию сильного государства. Отсюда различное отношение к португальским и испанским католическим миссионерам, с одной стороны, и голландским и английским купцам — с другой. К последним благо-

волили, видя в них источник знаний об окружающем мире и в области техники. Первых преследовали и изгоняли из страны, ибо они покушались на святая святых — «японскую душу». Вот почему в эпоху сёгунов Токугава сложился своеобразный стереотип взаимоотношений с внешним миром, при котором заимствование у последнего ограничивалось материально-практической сферой, но почти полностью было исключено в сфере духовной.

Бесспорно, представления о «японской душе» всегда открывали широкий простор для деятельности тех, кто пытался навязать народу убежденность в особой миссии в мире. Концепция «божественного» происхождения императорской династии, тезис «Япония — страна богов» достаточно эффективно использовались теми, кто в течение десятилетий толкал страну на путь войны и агрессии. Все это печально и достойно осуждения. Но позитивную роль представлений о «японской душе» отрицать нельзя. Ибо речь идет о стержне, который сплавливает нацию, позволяет ей выстоять в тяжелые времена и добиться успехов, когда условия благоприятствуют этому.

Вот почему, когда меня спрашивают, в чем секрет японского чуда, имея в виду рывок, совершенный Японией в послевоенный период, особенно в экономической области, я не колеблюсь отвечать: прежде всего в том, что японцы твердо стояли на почве своих традиций, накопленного веками достояния, эффективно используя из арсенала истории и культуры все, что может дать позитивный результат сегодня. В этом, думается, самое главное. Все остальное: экономические факторы, благоприятная внешнеполитическая обстановка, низкие военные расходы и многое другое, — бесспорно, важны, но, смею утверждать, вторичны. В то же время бережное отношение к национальной культурной традиции обеспечивает восприятие заимствованного извне, без чего невозможен какой бы то ни было прогресс, таким образом, что это не ведет к ее ущемлению, а, наоборот, обогащает ее.

Воспитание в духе уважения к культурному достоянию нации в Японии является важнейшим элементом воспитания подрастающего поколения вообще. Одним из средств этого являются коллективные поездки школьников по достопримечательным местам страны в дни каникул. В это время Нара заполнена детьми всех возрастов. Разумеется, больше всего привлекает их Большой Будда. Признаюсь: меня нередко охватывала оторопь при виде моря форменных курточек и платьев перед Дайбуцудэн, снующих по всем закоулкам зала маленьких фигурок, которые во всеобщей суматохе вряд ли в состоянии услышать и десятую долю того, что пытаются объяснить сопровождающие их учителя и гиды. Иногда,

глядя на малышей, облепивших постамент Большого Будды, я даже испытывал раздражение, ощущение бессмысленности происходящего. Ну вот, думал я, как и во многих случаях у нас, это лишь очередное «мероприятие», которое может позволить детям похвалиться перед своими сверстниками: «Мы были у Большого Будды!»

Разве можно в этой кутерьме что-то по-настоящему увидеть, а тем более понять? Однако, несколько поразмыслив, начинал смотреть на происходящее иначе. Ведь и в данном случае, как и в случае участия совсем маленьких детей в синтоистских празднествах — мацури, имеет место воздействие на подсознание маленького человека, а это куда важнее, чем информация, большую часть которой он к тому же вряд ли в состоянии усвоить. Вернется маленький школьник домой, но в памяти его надолго останется ощущение необычной атмосферы, которая окружала его в течение всей поездки и особенно во время посещения грандиозного Дайбуцусама, притягивающего своей таинственностью и непонятностью, радостного возбуждения от соприкосновения с тем, чего нет в повседневной жизни. Воспоминания об этих позитивных эмоциях будут вновь и вновь всплывать в его памяти, и наступит время, когда ему опять захочется в Нара, чтобы пережить их заново, а случится это, скорее всего, уже в том возрасте, когда он будет смотреть на окружающее куда более понимающими глазами. Сколько раз доводилось мне встречаться с людьми, которые с неизменной теплотой вспоминали о таких школьных экскурсиях, делились впечатлениями от увиденного в то время, которые по яркости и глубине оказывались несопоставимы с теми, что они пережили в последующие приезды в Нара.

Нередко приходилось слышать нарекания в адрес духовенства знаменитых храмов Нара и Киото за стремление использовать возрастающий интерес японцев к своему культурному достоянию в чисто коммерческих целях. Действительно, входная плата в такие храмы высока и с течением времени растет. Но даже если не самая большая часть от полученного таким образом дохода идет на содержание в должном порядке храма и находящихся в нем культурных ценностей, это уже хорошо. Ибо, несмотря на большое внимание, уделяемое правительством Японии охране культурного достояния, большую часть расходов на эти цели несут в первую очередь те, в чьей собственности оно находится.

Кстати сказать, еще с довоенных времен в Японии существует эффективная система охраны памятников культуры. Все, что представляет интерес в этом плане, зарегистрировано и находится под контролем государства или соответствующих местных властей. Свыше девяти с половиной тысяч произведений живописи, скульп-

туры, каллиграфии, прикладного искусства зарегистрированы как «важная культурная собственность», свыше 800 из них подпадает под определение «национальное сокровище». К категории «важной культурной собственности» относится свыше двух тысяч построек, из коих 207 — «национальные сокровища». Но имеется также очень большое число памятников культуры, зарегистрированных как «важная культурная собственность» той или иной префектуры, города, деревни, городского района.

В любом муниципалитете вы найдете специальное подразделение, которое занимается вопросами охраны памятников культуры. При этом постоянно ведется работа по выявлению и постановке на учет памятников, которые по тем или иным причинам оказались вне поля зрения муниципалитета. Вспоминаю, что в газете, издаваемой муниципалитетом токийского района Минато, в котором я жил, регулярно публиковались списки новых памятников, которые включались в категорию «важной культурной собственности» района. Характерная деталь: владельцы произведений искусства, подпадающих под указанную категорию, обязаны хотя бы на ограниченный период времени открывать к ним доступ для всех желающих. А информацию о них всегда можно получить в муниципалитете. В районе Минато эта информация помещается в специальных брошюрах, содержание которых регулярно обновляется. Учитывая, что не менее 10 процентов населения района составляют иностранцы, эти брошюры издаются и на английском языке.

Не будет преувеличением сказать, что японец живет в атмосфере уважения к культурному достоянию, исторической памяти своей страны, префектуры, города, деревни. Это ощущаешь повсюду, куда бы ни приезжал. Может быть, на уровне деревни или небольшого городка такая атмосфера ощущается даже острее. Почти каждый из местных жителей может рассказать вам о культурных и исторических памятниках своего района и сделает это с нескрываемым чувством гордости: смотрите, мол, сколько у нас достопримечательностей. Иногда подобный местный патриотизм приобретает несколько гипертрофированный характер; внимание фокусируется только на своем, а до того, что есть в соседнем городе, соседней деревне, и дела нет. И тем не менее, откровенно говоря, мне импонируют даже такие проявления любви и привязанности к своей малой родине, ибо без этого немыслим подлинный патриотизм.

Именно в Японии, где связь с прошлым проявляется столь четко и определено практически на всех уровнях общественного сознания, я впервые задумался над тем, как важна эта связь для осознания себя полноценным гражданином своей страны. Виден-

ное и слышанное в Нара, Киото и многих других местах, где прошлое особенно осязаемо, заставило по-новому взглянуть и на нашу историю, и на наши исторические и культурные памятники, которые — увы! — находятся далеко не в таком благополучном состоянии, как у нашего восточного соседа.

Конечно, у каждого народа свое неповторимый путь. При всем желании мы никогда не станем такими, как японцы, да это и не нужно. Бездумное копирование японской модели нам абсолютно ничего не даст, в какой бы области ни предпринимались подобные попытки. Но кое-чему научиться у японцев стоит. И прежде всего уважению к своему, пусть временами трагическому, но нашему прошлому, нашей истории, которая сделала нас такими, какие мы есть, к нашему замечательному культурному достоянию, которым мы вправе гордиться не меньше, чем любой другой народ. И не только уважать обязаны мы его, но бережно сохранять, стремясь донести до грядущих поколений, ибо без этого мы не вправе называть себя нацией.

Если мой рассказ о Нара хоть в малой мере пробудил в читателе такого рода мысли, буду считать поставленную задачу выполненной.

С24 **Светлов Г. (Г. Е. Комаровский)**
Колыбель японской цивилизации: Нара. История,
религия, культура. — М.: Искусство, 1994.— 271 с.:
ил.

ISBN 5-210-00473-2

Нара — колыбель японской цивилизации. Здесь зарождалась духовная жизнь японского народа. О природе префектуры Нара, ее культурных и исторических памятниках рассказывает человек, близко и давно знакомый с этим краем. Личные впечатления, научные изыскания, глубокие размышления — все это органично слилось в цельное произведение, которое не только передает аромат загадочной для нас страны, но и дает урок, показывая уникальность исторического развития народа, сумевшего подняться до мирового уровня современной технологии и ничего не утратившего из своего духовного опыта.

Книга иллюстрирована работами выдающегося мастера художественной фотографии Ириэ Тайкити, любезно предоставленными исключительно для данной книги префектурой Нара. Слайды к главе «Тэнри» предоставлены религиозной организацией Тэнри кё.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

С 4402000000-039
025(01)-94 без объявл.

ББК 71 + 86.39

Светлов (Комаровский) Георгий Евгеньевич
КОЛЫБЕЛЬ ЯПОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Редактор С. В. Игошина

Художественный редактор И. В. Балашов

Технический редактор Н. С. Еремина

Лицензия ЛР № 010157 от 03.01.92. Сдано в набор 10.02.94. Подписано в печать 29.07.94. Формат издания 84×108^{1/32}. Бумага мелованная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отг. 50,31. Изд. № 17728. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1826.

Издательство «Искусство» 103009 Москва, Собиновский пер., 3.
АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024 г. Тверь, проспект Ленина, 5.

